ДАГЕСТАН

№ 2 (23)

Президент РД
Муху Алиев

Свершилось второе пришествие Петра Великого на землю Дагестана: бывший Порт-Петровск увековечил память о своем основателе на площади его имени в Махачкале

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2(23)

ДАГЕСТАН

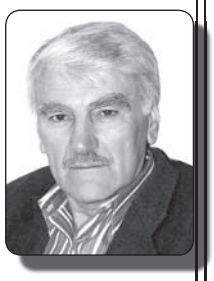
март/апрель 2006

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

Колонка главного редактора

С оптимизмом



Главным, что произошло в жизни республики после выхода предыдущего номера нашего журнала, стало избрание первого в истории Дагестана Президента. С учетом наших «демократических» устремлений именно избрание, а не назначение, как с упоением смакуют порой заштатные скептики. Потому что и Президент России его избрал среди других, предложив нашему Народному Собранию, и парламент республики тоже избрал, согласившись с предложением В. Путина. Поэтому публикуем на первой странице обложки фото Муху Алиева.

Мнений по поводу смены у нас первого властного лица высказано предостаточно. В местной прессе, как правило, одобрительных, в центральной – тоже, хотя и сдобренных порой интонацией, рождаемой столь присущими московским «экспертам» сомнениями. Отношу их к столичному всезнайству, которое далеко не всегда имеет под собой почву. Восприятие московскими коллегами происходящих у нас событий грешит излишней экзальтацией нашего национального характера и царящих у нас нравов. Порой это удобно и здесь, и в Москве, чтобы списать на них обычные грехи, хотя в основе их лежат пороки, присущие всему человечеству. Но часто такой подход искривляет истинную картину и рождает неверные выводы.

Но бог с ними, с москвичами. Что думаем мы? Скажу о себе. Конечно, легко в случае одобрения сделанного выбора огрести обвинения в подхалимаже, лакействе и тому подобном. Но что делать, если я действительно считаю, что в нынешних условиях этот выбор оптимален. Считаю так, потому что приходилось не раз общаться с Муху Алиевым по разным поводам, потому что уверен, что за последние 15 лет он приобрел бесценный опыт, и в-третьих, самое важное – сужу по первым его президентским шагам.

Принадлежу к оптимистам.

Далгат АХМЕДХАНОВ

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО

Булач ГАДЖИЕВ – **наш край**
Долгожители ... 2
От редакции – **возвращаясь к опубликованному**
Редкая фотография ... 12
Фарида АСТЕМИРОВА
Дж. Коркмасов и Б. Астемиров: связь продолжается ... 13
Саида ДАМАДАНОВА – **искусство**
Родники художественной школы ... 15
Елена ГАРУНОВА – **культура**
...И громкий труд души ... 18
От редакции – **правосудие**
Побеждать? Смиряться? ... 20
Светлана АНОХИНА
Казнить нельзя – помиловать ... 21
Зарема КАДИЕВА
Казнить – нельзя помиловать ... 22
Абдулазиз АБДУРАХМАНОВ
Перед нами – враг! ... 23
Марьям ХАЛИМБЕКОВА – **ритуал**
...Перед небытием ... 24
Изумруд АТАЕВА – **милосердие**
Те, которые за гранью ... 26
Мухаммад АБДУЛ-ХАБИРОВ – **обряд**
Суннат: история и сущность ... 29
Письмо в редакцию ... 31

ЛИТЕРАТУРА

От редакции – **юбилей**
Шапи КАЗИЕВ – **проза**
Черный, блестящий, звучащий ... 33
Аида КАМАЛОВА – **поэзия**
Моя мятежная душа ... 36
Арип РАСУЛОВ – **проза**
Волчья стая ... 39
Алчность ... 41
Ольга БЕЗЫМЯННАЯ – **проза**
Таммуз и Армаз ... 43
Наира АЛИЕВА – **проза**
Женские миниатюры ... 46
Муслим МАГОМЕДОВ – **наследие**
Бард своего века ... 50
Азиз МИРЗАБЕКОВ – **наследие**
Ашуг Яхья Легерский ... 52
Малик ГУСЕЙНОВ – **наследие**
Основоположник кумыкской прозы ... 54
МАГОМЕД-РАСУЛ – **писатель о книге**
Учиться воевать с собой ... 56
Шигабудин АЛИХМАЕВ – **из читательской почты**
Размышления вслух ... 58
Кроссворд от Гаджикурбана РАСУЛОВА ... 60

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: **67-02-03** (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@mail.ru

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала,
К/с 30101810500000000882,
БИК: 048209882, ИНН: 0562053040
КПП 056201001
ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

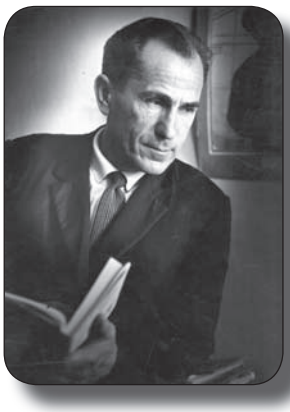
Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии.

Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутдинова, 61.

Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1000 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 20 руб., у общественных распространителей – свободная.



ДОЛГОЖИТЕЛИ

Булач ГАДЖИЕВ

ПОТОМОК «СЫНА ПОЛКА»

Самым знаменитым человеком в селении Ашильта считался Магомед Галбацов. Он был настолько популярен, что сельчане прозвали его Магомедом Ашильтинским. Ашильтинец отлично владел родным аварским, кумыкским и арабским языками. Мог изъясниться на русском языке. Знаменит же Магомед Галбацов был своим здоровьем. Ему было 115 лет, когда он впервые в своей жизни заболел. Он никогда не курил и не пил спиртного.

В рукопожатии старика чувствовалась молодецкая сила. Он был ловок и быстр. Смотрел я на него и думал: если бы не белая борода и руки, опутанные венами, не дать ему и 50 лет. Лицо у Галбацова было типично славянское. Сними папаху, надень картуз – не отличишь от крестьянина средней полосы России!

Он вставал в шесть утра и обязательно обходил село, сады, посевы. Прогулки долгожителя не были праздным хождением. Его советов ждали многие. Он считался знатоком природы, хорошо разбирался в плодовых деревьях и злаках. Недаром сельчане с гордостью называют его ашильтинским Мичуриным. Садоводством Галбацов увлекался с детских лет. Со своего небольшого надела получал более 300 пудов винограда. Ашильта в Дагестане прославилась своими отличными сортами яблок и груш. В чем Магомед Галбацов тоже был «повинен».

В то время, когда я встречался с ним, он был немного глуховат, но связано это было не с возрастом: он упал со скалы и расшибся. Дух захватывает, когда видишь, откуда сорвался Магомед. Летел он, ударяясь о выступы скал, не менее сорока метров. Это чудо, что он остался тогда в живых, ведь ашильтинцу в ту пору было уже более 50 лет!

Галбацов построил себе дом в 104-летнем возрасте. Сам был и архитектором, и прорабом, и каменщиком, и мастером, и рабочим. Когда по обычаю горцы хотели коллективно оказать старику помощь, Магомед категорически воспротивился: «Хочу проверить, не состарился ли я».

Построив саклю из двух комнат, Галбацов произнес на годекане короткую речь, которая в переводе на русский звучала приблизительно так: «Есть еще порох в пороховницах!».

Нередко, забравшись на крышу сакли, старик садился за книгу. Он любил читать труды по грамматике, философии, астрономии. Память у него была отменная, и он находился в гуще не только ашильтинских событий.

Как-то приехал из Буйнакска Хизри, праправнук Магомеда Галбацова и решил пошутить над ним: «Удивительные, дед, эти советские люди! Придумали трубку, к ней присоединили проволоку и прямо из Темир-Хан-Шуры разговаривают с Москвой».

– Телефоном она называется, – засмеялся Магомед, – эта штука и в Унцукуле имеется, а Шура давно стала называться Буйнакском.

– Хорошо, – согласился Хизри, – но вот послушай, дед, еще придумали ящик, который день и ночь поет.

– Ты, наверно, в пещере живешь, Хизри, раз не знаешь о радио, – перебил старик. – Над моим домом установили, думали мне удовольствие доставить. Спать не давало, сняли.

– Я о другом ящике, – сказал праправнук, – из него кино показывают.

– Чего не видел, того не видел, – согласился Магомед Галбацов. – Из Буйнакска не скоро дойдет этот ящик до нас.

– Он у тебя дома, – объявил гость, – хочешь, покажу?

Хизри включил телевизор. Магомед Галбацов более часа глядел на то, что показывали на голубом экране, потом объявил, что теперь, когда с помощью ящика к нему в дом приходит весь мир, спешить некуда, умирать рановато.

Старик имел приветливый характер, отличался гостеприимством и не лишен был юмора. Если в доме бывали гости, то не мог усидеть на месте. Както, будучи в доме Галбацова, я заметил, что своей бодростью и осанкой Магомед напоминает бравого солдата.

Галбацов рассмеялся, вскочил из-за стола и несколько раз прошелся по сакле, высоко подбрасывая ноги, словно солдат на параде. Оконные стекла тонко задребезжали.

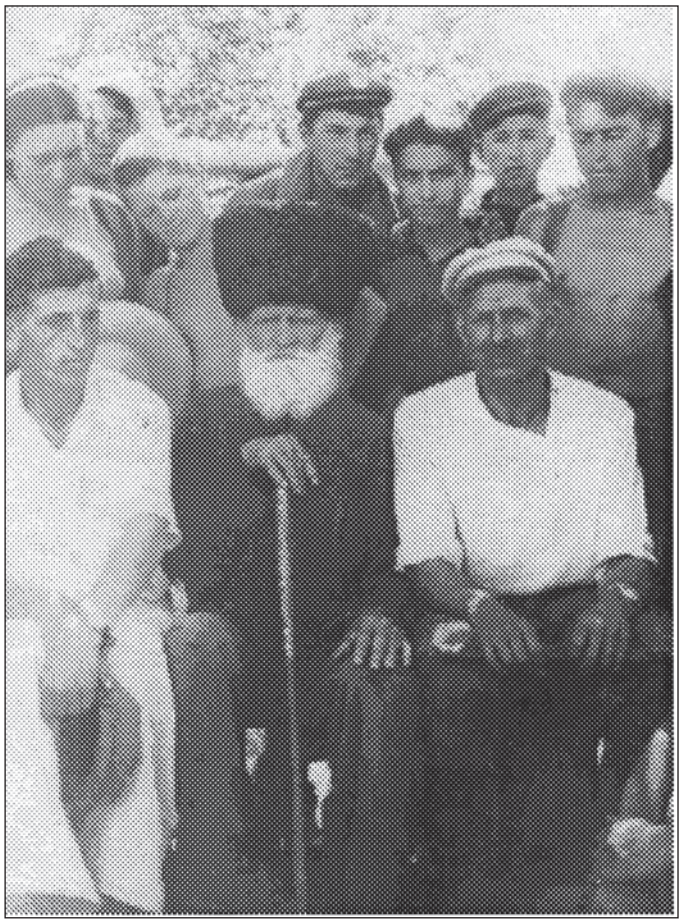
– А у меня отец был солдатом, — с достоинством произнес старик.

– Неужели?

Галбацов присел, и я услышал следующую историю.

Когда в 1839 году войска генерала Граббе осаждали Ахульго, среди солдат находился русский мальчик, вроде как сын полка. После падения Ахульго мальчик этот каким-то образом отбился от своих и очутился в аварском селении Ашильта. Его пожелали приютить многие семьи. Перво-наперво мальчику дали дагестанское имя – Али-Галбац, что значит «Лев Али». Али-Галбац быстро освоил аварский язык, а когда вырос, женился на аварке. Галбац прожил что-то около 90 лет и похоронен в Ашильта. Старший его сын, Ахкубек, пережил отца на двадцать лет. Он отличался большой ученостью и у себя в селе был широко известен. А Магомед Галбацов – второй сын заброшенного причудливой судьбой в глубь дагестанских гор и навеки породнившегося с ним русского человека.

... В 1973 году в Ашильта я застал 117-летнюю Пати-баба. До 1962 года она работала в колхозе. Слух был как в молодые годы. Из шести дочерей и сына остались четыре дочери. Первая из них – Хамат Магомедовна родилась в прошлом веке в 1896 году. При нашей встрече находилась на пенсии.



Мужем Пати-баба являлся известный в Дагестане арабист Ахкубек – старший сын Али-Галбаца и брат Магомеда Галбацова. В его актив можно записать то, что его учеником числился Гамзат Цадаса. Умер ашильтинец в 1946 году в возрасте 106 лет.

А вот еще одна ашильтинская семья из тухума ГІон-Магомы.

ГІон-Магома, т. е. невысокий Магомед, был известным мастером по изготовлению седел для лошадей. Кроме того, он мастерил домашнюю утварь из жести. Вел аскетический образ жизни. В свободное время, облачившись в шубу, отправлялся на годекан, где у него было постоянное место. Хотя ГІон-Магома был небольшого роста, но гордости за свой тухум у него было хоть отбавляй. Земляки многое прощали ему за честность и остроумие. Однажды мимо годекана прошел его зять.

– Кому же ты поклонился, – спросили у ГІон-Магомы, – если зять тебя даже не заметил?

– А я не ему, – был ответ, – а его папахе, сшитой женщиной нашего тухума!

Он и отец будущего поэта Махмуда – Анасил-Магома были кунаками. Нередко ГІон-Магома отправлял своего сына Хаджи-Мурада с нагруженной лошадью в Кахаб-росо, а Анасил-Магома этот товар реализовывал на хунзахском базаре. В свою очередь, сын последнего, Махмуд, от имени отца приезжал в Ашильта за фруктами.

Религиозность ашильтинца иногда переходила все границы. Хаджи-Мурад привез из Темир-Хан-Шуры русскую жену – Валентину. Она не только была красивой, но быстро вошла в горскую жизнь. Выучила аварский язык, приняла новую веру, молилась, держала уразу. Все к ней прониклись уважением и любовью, кроме свекра. ГІон-Магома делал все, чтобы расторгнуть брак сына с темирханшуринкой и женить его на ашильтинке. Дело дошло до того, что он ложился спать в той комнате, где жили Хаджи-Мурад и Валентина. И добился-таки своего. Уехала она и очутилась... наверно, не поверят мне читатели, аж в Турции. Однажды она увидела людей, одетых в черкески, и обратилась к ним на русском языке с вопросом: откуда вы?

– Из Дагестана, – был ответ.

– Нельзя ли поточнее: из какого аула?

– Из Унцукуля.

– Ага, – обрадовалась Валентина и на аварском спросила: – А не знаете ли вы ашильтинца по имени ГІон-Магома?

– А кто его не знает, – оживились унцукульцы, – знаем!

– Так вот, из-за него, из-за ГІон-Магомы, я очутилась в Турции! – заявила им русская женщина.

Валентина просила отвезти поклон Дагестану. Когда унцукульцы вернулись домой, то специально ездили в Ашильта, чтобы рассказать Хаджи-Мураду об удивительной встрече в Турции. Выслушав их, Хаджи-Мурад, не стесняясь посторонних людей, заплакал.

И все-таки отец и сын любили друг друга. ГІон-Магома умирал в 110-летнем возрасте. По его просьбе старика усадили на краю каньона, на дне которого неслышно текла Ашильтинка, а на противоположной стороне отдавала жаром гора Ахульго, большая часть которой принадлежала ему.

– Где же Хаджи-Мурад? – спрашивал ГІон-Магома, – я же умираю, неужели у него сердце не стучит?

Его уверяли, что сын вот-вот прибудет. Но его все не было. По просьбе ГІон-Магомы принесли старую папаху Хаджи-Мурада.

– Напоследок хоть наслажусь его духом, – были слова умирающего. – Пусть он меня простит...

По своему мастерству Хаджи-Мурад пошел дальше родителя. Он умел делать кольца, серьги, браслеты, пистолеты, патроны, отливал пули. Както один ашильтинец сказал ГІон-Магоме, пусть, мол, сын его ведет себя поскромнее, а то не только серьги

да кольца мастерит, а еще ухаживает за девушками и чужими женами! Отец, как он это умел делать, строго предупредил Хаджи-Мурада. В другой раз тяжелым предметом запустил в сына, но промахнулся. Тот неделю был в бегах. В третий раз уже возлюбленная предупредила его: «Отец догадался, что ты приходил ко мне».

– Как?

– Городские сапоги в Ашильта носишь только ты!

Этим дело не кончилось. Отец девушки пришел с жалобой к ГIон-Магоме: «Если так дело будет продолжаться, то я вынужден защищать честь рода!». Как только Хаджи-Мурад появился дома, отец набросился на него с кинжалом. Неизвестно, чем бы все это кончилось, но мать Хандулай приняла удар на себя. На всю жизнь остался шрам на ее правой ладони.

По совету матери Хаджи-Мурад покинул Ашильта. Собираясь уехать в Саратов к двоюродному брату Гаджи-Магомеду, служившему у какого-то помещика, он застрял в Темир-Хан-Шуре. Здесь он приглянулся одному русскому человеку, и, хотя весь набор слов Хаджи-Мурада состоял из двух – «мельница» и «дорога», тот взял его к себе на работу. Научившись сносно говорить по-русски и подработав немного денег, ашильтинец, наконец, уехал к брату. Тот устроил его масленщиком на ветровых двигателях.

Когда, получив первое жалованье, Хаджи-Мурад спускался по лестнице, он увидел отца. Молнией промелькнула мысль: неужели приехал убить? Но все обошлось. ГIон-Магома звал сына домой. Взяв расчет, поехали. В Темир-Хан-Шуре наняли лошадь и через Ишкарты двинулись к Сулаку. В том месте, где над рекою тропа ведет к хутору Бузна, их настиг туман.

– Держись за хвост лошади, – приказал отец, – а то сорвешься в пропасть!

...Жизнь потекла по-прежнему. Но Хаджи-Мурад долго не мог сидеть на одном месте, поэтому он снова то в Темир-Хан-Шуре, то в Харькове, то в Петербурге. В последнем он изучал механику, электротехнику. По этому поводу сохранились его записи. Среди них я нашел обращение к какой-то Фросе со словами: «Милая! Я еще раз извиняюсь…» Хаджи-Мурад просит у девушки прощения. Не знаю, простила она дагестанца или нет, но тогда он был во власти любви. В тетради много душещипательных стишков вроде этого:

«Зачем ты безумно губишь
Того, кто увлекся тобой,
Ужель ты меня не любишь?
Не любишь? Так бог с тобой...»

В Харькове он остановился у одного дагестанца, который, надо же такому случиться, вскоре умер. Перед смертью он обратился к Хаджи-Мураду с двумя просьбами: похоронить со всеми положенными обрядами и забрать его молодую жену и сына в Дагестан. В течение недели Хаджи-Мурад читал молитвы из Корана на могиле умершего, а затем исполнил второе его желание. Вез он из Харькова не только женщину и ее сына, но и инструменты оружейника. Уже при Советской власти однажды к нему нагрянули люди из органов. И сразу вопрос:

– Оружие делаешь?

– Делал, пистолеты. Бросил.

Инструменты отобрали, а его все же оставили в покое.

“НИЧЕГО, Я ПОСТОЮ...”

Мне повезло – лет 50 назад я успел встретиться в Муслимауле с двумя старожилами. Одному из них – Абдулкалиму Бамматову шел 108-й год. Ему довелось видеть, как в1859 году через аул везли пленного Шамиля.

«Мне было в ту пору 10 лет, – вспоминал дед. – Другое, может, не запомнил бы, но то, что увидел в тот день, останется в памяти до последней минуты моей жизни. Взрослых мужчин в ауле не оставили, их на время отправили куда-то. Остались женщины, дети и старики. Все мы взобрались на крыши, и стали ждать. Бывший имам ехал на лошади по царской дороге. У него была рыжая борода. Его окружали солдаты – несколько сот человек, конные и пешие. Я смотрел на все это во все глаза. Я видел, как женщины, особенно постарше, вытирали глаза. Да, мужчин недаром угнали из аула...»

Второй долгожительницей аула была Кыстаман Коркмасова, с которой я увиделся в 1954 году. Она несла за спиной кумган. Прямо на улице мы и начали разговор.

– Сколько вам лет?

– Юзденне коп, – по-кумыкски ответила она, что означало – более 100 лет. – Наверное, 110, – добавила она.

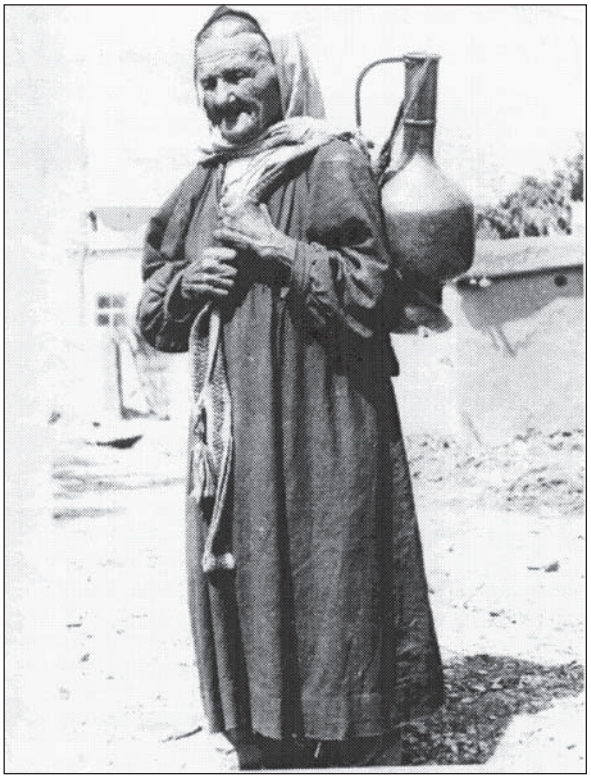
– Что бы вы рассказали о прошлом?

– Как можно рассказать о том, чего не видела?

– Как не видели?

– Просто мы, женщины, были заняты по хозяйству, растили детей, за скотиной смотрели, и что делалось вокруг, некогда было разглядывать. Этим занимались мужчины.

Кыстаман была одета в простое серое платье, на голове чухту, маленький платок. Роста среднего. Брови и волосы на голове седые. Лицо морщинистое.



Глаза голубые. Зубов нет. 12 лет назад ушла из колхоза. Правление выдает ей 8 килограммов пшеницы на месяц. Шамиля не помнит, но слышала, что его вели через аул. Силы покидают, молитву не может до конца исполнить.

«Вижу плохо. Уши заложены, со мной надо говорить громче. Сама готовлю себе еду. Что вечером останется, на другой день хватает. Хожу, как видите, без палки. Иногда помогает невестка Магомеда рубить дрова».

– А меня помнишь, бажу Кыстаман? – спросил женщину тот самый Магомед, имя которого она только что упомянула.

– Валлах, не помню, – ответила старуха. Узнав, что Магомед – сын Султана, воскликнула: – Не может быть? Совсем стара стала!

Мы предложили ей сесть. Она ответила: «Ничего, постою, от этого аппетит появляется». – «Хоть снимите кумган с плеча», – попросили мы. Но и это делать она отказалась, хотя сосуд был наполнен водой. Она утверждала, что ей нужно ходить, что-то делать, что-то носить, двигаться – иначе не чувствует себя бодрою.

В ее комнате чисто. С потолка свисает лампочка. На стене разбитое зеркало. Посуда в углу. Спит на тахте, постель чистая, комнату слабо освещает одно окно, невысоко от пола. В чулане бабушка хранит дрова. Увидев, что я что-то записываю в блокнот, Кыстаман Коркмасова заволновалась и, чуть не плача, попросила: «Именем пророка Мухаммеда, не делайте мне зла».

Долго вслед нам желала добра женщина, прожившая век и еще 10 лет в придачу к нему. Скончалась Кыстаман через три года, в 1957 году.

ЯЗМА-ЯГИЯ

– Эй, заходите, – несется из садика.

Я подхожу к ограде, навстречу суховатый старик среднего роста. Он протягивает руку. Ладонь и пальцы зеленые, будто краской измазаны.

– Рвал сорняк, испоганили всю землю вредители.

Слово «вредители» произносит по-русски. Я стою в нерешительности. Следует ли отрывать человека от работы?

– Пусть работа подождет, – приглашая в саклю, говорит старик, – если от моего рассказа будет толк.

Когда я искал его дом, сельчане переспрашивали: «Вы Язма-Ягию ищите?».

– Почему вас так называют?

Ягия улыбается: «Народ назвал. Не знаю, плохо или хорошо, но у меня закон – ничего не отпускать без расписки. Вот и дали прозвище «Язма» (с кумык. – «записывающий»). Что ж, это правда».

– Кем же вы работали?

– Лучше спроси, кем не работал, легче будет дать ответ. Мог бы сказать, что всю жизнь ходил за овцами, но у меня она очень долгая. Много профессий пришлось попробовать.

И Ягия Арсланбеков перечисляет: 53 года сторожил овец, 15 лет заведовал овцеводческой фермой, 5 лет в кузнице, 2 года на птицеферме, еще 2 года в транспортной бригаде, затем ухаживал за пчелами, был сторожем, работал в лесу…

– Вы заслужили отдых, – говорю я, но мои слова почему-то сердят Ягию Арсланбекова.

Мы молчим немного, затем он рассказывает, как год назад во время ремонтных работ на него упало бревно и повредило голову. Оглох. Стали ссориться со старухой.

– Ты своим криком мешаешь людям жить, – говорит она.

Ругают и соседи. Рассуждают между собою, что стар Ягия, сидеть бы ему на очаре. А я же думаю: остановлюсь, когда умру. Не понимают они, что без работы я больной человек. Всю жизнь считал: если идешь – двигайся быстрее, взялся работать – принеси пользу, открыл рот – говори правду, с войны вернись – только потеряв трусость.

– Вам пришлось воевать?

– В гражданскую был молод, легко было винтовку носить, да и глаз был верным. Когда же началась Отечественная, все равно не мог усидеть дома, стыдно было. Стыдно было и за жену.

– За жену?!

– Пустила слух, что я сошел с ума.

– Зачем?

– Чтобы в армию не брали... Видел немцев в лицо, даже в окружении был, но вскоре демобилизовали. Говорили: «Без тебя добьем врага, езжай к себе домой...»

Я прошу рассказать что-либо из седой старины. Он приглашает меня во двор.

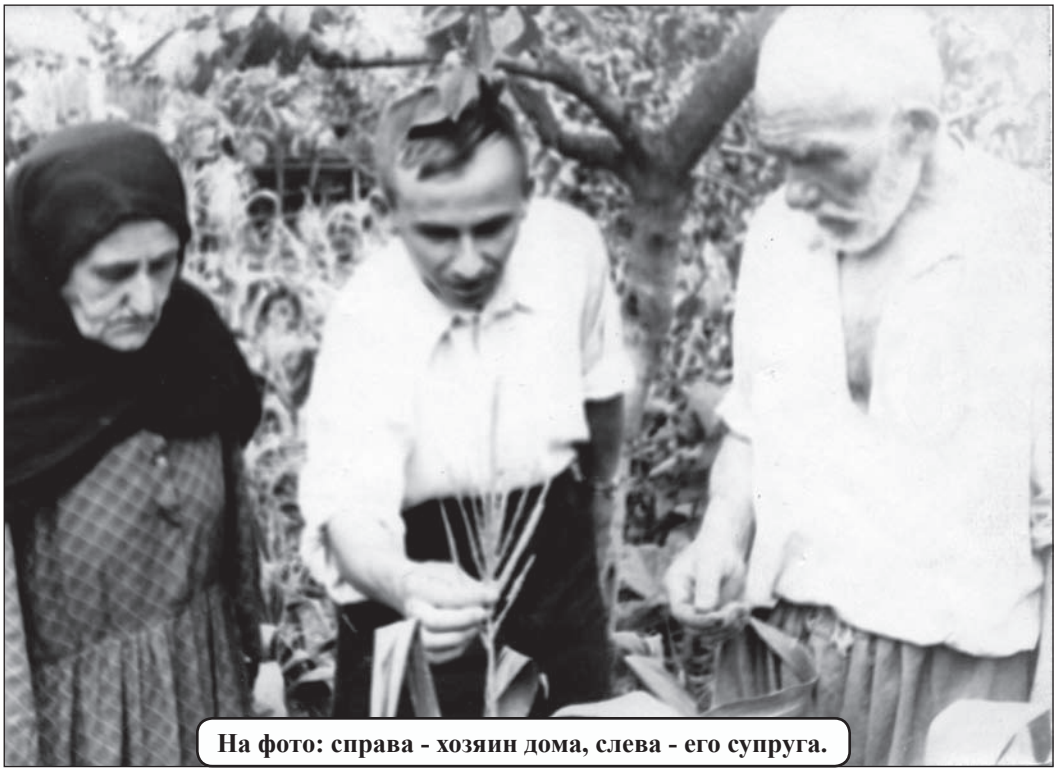
– Посмотри на эту стену, – предлагает дед.

Разглядываю. Стена как стена, самая обыкновенная, какие встречаются в аулах, сделанная из самана. Она отделяет садик и двор хозяина от главной улицы Нижнего Казанища. На той стороне видно здание средней школы. Я признаюсь, что стену вижу, но ничего примечательного, тем более исторического в ней не замечаю.

– Удивительно, – восклицает Ягия Арсланбеков, – посмотрите, она же ведь прогнулась в средней части, ушла в землю.

Я недоуменно гляжу на старика.

– Там, где стена, в давние времена была глубокая яма, куда шамхалы опускали неугодных им людей и держали их там до тех пор, пока их жертвы не помирали. На дно ямы спускали деревянную лестницу,



На фото: справа - хозяин дома, слева - его супруга.

имевшую много ступеней. Трупы бросали на съедение шакалам. Так что моя стена в некотором роде историческая.

Свое долголетие Арсланбеков объяснял довольно своеобразно.

– Старше меня в Казанище только один человек – это Абдулатип Атаев. Я веду журнал, где записываю все самое интересное, происходящее в селе. А почему столько лет стою на ногах, потому что моя голова, будто мельничный жернов, работает! За всю мою жизнь я ни одного проступка не совершил.

Кушаю только один раз в сутки – вечером после молитвы. До следующего вечера я сыт. В прошлом году отработал 333 дня. За трудодень давали 800 граммов пшеницы. Я не взял, потому что вместо пшеницы дают суррогат. Даже на лекарство нет денег. Когда из колхоза многие убегали, я оставался и звал людей не паниковать. А теперь я колхозу не нужен. Никто не сказал: «Вот Ягия столько-то лет отдал колхозу, не воровал, состарился на работе, может, ему чего-то не хватает, может, чем-нибудь поможем. А может, это оттого, что я не так жил, что-то не так делал?.. Как думаешь, кунак?

Когда я поинтересовался жизнью его супруги, он развел руками: «Вах, совсем забыл о ней. Она старше меня на 6 лет, но взгляните на нее, разве скажешь, что я ее эксплуатирую?»

Наблюдая за этой женщиной, я подумал, что она будто сколочена из дуба; ни минуты не знала покоя, что-то вертела, что-то вращала в своих руках, уходила, приходила, но все это молча, бесшумно, сосредоточенно.

Дополнением к портрету Ягии Арсланбекова могут послужить сведения, присланные мне его внуком, ученым Хизри Арсланбековым в письме от 7 июля 1968 года. Когда на большей части Дагестана власть находилась в руках противников советской власти, Ягия Арсланбеков в своей сакле на видном месте повесил портрет В.И. Ленина. А когда при новой власти активисты задумались над тем, где должен находиться сельский совет, Яраги Арсланбеков для этой цели предложил свой двухэтажный дом с садом и большим двором. И хозяин дома был назначен председателем. С тех пор его называли не иначе, как «Сельсовет-Ягия». Через некоторое время противники советской власти устроили нападение на сельсовет. И только лишь выдержка председателя сельсовета и умение находить нужные слова привели к тому, что вооруженная толпа успокоилась и разошлась.

Через год женщины подняли бунт из-за слухов, будто большевики хотят сделать женщин «общей собственностью». В тот день Ягии Арсланбекова не оказалось в Казанище. Женщины, предварительно раздев догола сотрудников сельсовета, ошпарили их крапивой. Кроме того, зданию был нанесен ущерб. «Бабий бунт» был остановлен с помощью милиции, прибывшей из Буйнакска.

Во время войны Ягия Арсланбеков из пожилых людей организовал бригаду кукурузоводов. Сам обработал гектар площади, получив высокий урожай, о чем писали газеты.

Где бы ни работал, не обходился без коня. Уход за ним всегда был терпеливым и ласковым. И однажды, это было в октябрьские дни 1952 года, когда он случайно оказался свидетелем скачек, с разрешения комиссии допустили к соревнованиям и его коня, который получил 1-й приз. По этому случаю Ягия Арсланбеков устроил дома широкое угощение, а лошадь кормил таким дефицитом, как сахар…

Ушел он из жизни, чуть перешагнув 90-летний возраст.

КУДЕСНИК ИЗ УНЧУКАТЛЯ

Гази Хинчалов рассказывал о себе: «Я был в городе Новочеркасске, в столице войска Донского. Поставлял сюда шашки, сбрую, украшения. 60-летний генерал, барон Федор Федорович Таубе, женатый на 26-летней красавице-грузинке, спрашивал у приближенных:

– Кто сделал это оружие?

– Да есть у нас мастер.

– Позовите ко мне.

Пошел. Во дворце по стенам портреты царские, всех не упомню. Повел он меня по галерее и, показывая на тот или иной портрет, спрашивает: «Такой пояс

сумеешь сделать?.. Такую плеть, такую шашку?..»

– Конечно, могу, – отвечал я.

Что не может сотворить рука мастера из Дагестана. Сделал все, что он просил.

В станице Николаевской была икона, подаренная для церкви Николаем II. Станичный атаман говорит наказному: «Надо бы цесаревичу Михаилу подарок сделать».

Зовут меня.

Еду в лагерь, где находилась ставка окружного атамана Лазарева. Сперва угостили обедом. Ничего, вкусно, но до нашего лакского хинкала далеко. Пригласили в покои генерала.

– Верхом ездить умеешь? – спрашивает Лазарев.

– С детства. Я же дагестанец.

– Понятно! – соглашается он и приказывает: – Подведите к нему мою лошадь, пусть поедет к станичному атаману.

Поехали. 18 километров, чтобы я не заблудился, меня сопровождает урядник. Более часу скакали. Увидев лошадь генерала, станичный чуть не лишился памяти. Отдаю письмо. И здесь меня угостили. Хорошее было жареное мясо, но нашему шашлыку даже двоюродным братом не будет. Ударили по рукам. Мне платят 150 рублей. 10 рублей задаток. Но пока я делал саблю, в 1911 или 1912 году умер барон фон Таубе. Умер он странно. На лице у него был прыщ. Сделали операцию. Ерунда. Маленькую операцию. На 3-й день генерал отдал богу душу. Жена все говорила, что ее мужа отравили. Не знаю. Тело Таубе в специальном вагоне отправили в Петергоф, где имелся фамильный склеп. Даже в кино показывали отправление гроба, отпевание, погребение – все от начала до конца.

Вместо Таубе прибыл генерал Лещенко. Саблю я к тому времени закончил, привез ему. Тот вежливо спрашивает:

– Ты кто – кубачинец или лакец?

– Лакец, ваше высокоблагородие.

– Если бы сделал кубачинец, было бы лучше, – заявил генерал, разглядывая мою работу, – можно было бы самому царю подарить, а так ваша работа подойдет такому генералу, как я, или, в крайнем случае, моему сыну.

Я обиделся, не оставил ему саблю, унес с собой. У него было 6 адъютантов. Один из них спрашивает меня:

– Чего ты такой грустный?

Рассказываю ему историю с саблей. А полковник мне советует:

– Скажи, что ты выполнил поручение Таубе, как тот велел. Пусть отдаст положенные деньги.

Я снова заявился к Лещенко. Так и так. Генерал надулся, качает головой, приказывает:

– Взгляни на мою шашку.

Гляжу. Маленькая, драгунская, серебро-золото. Работа дагестанская с надписью: «За Порт-Артур». «Могу и такую сделать», – сказал я ему. Помирились.

Повез Лещенко мою саблю в Петербург, но прежде обратился за советом к дяде царя – Николаю Николаевичу.

– Работа отличная! – определил тот. – Мастер здесь?

– Нет, в Новочеркасске.

– Передайте от меня ему подарок – часы «Павел-Буре».

Но часы эти я не получил, остались у станичного атамана. А тот, чтобы замазать дело, созвал пятерых дагестанцев и устроил нечто вроде банкета, где и вручил мне мои 150 рублей.

До этого я скитался по России 9 лет. Восемь из них был учеником. Судите, какая была жизнь: за 1-й год работы мастер дал мне 8 рублей. За 2-й – 30 рублей. За 3-й – 50 рублей. В день работали по 18–19 часов. Мастер давал питание, а одежда – за мой счет. Я исполнял все приказания мастера Гусейнова Абдулмуталиба из Унчукатля. Ни разу он не ударил меня, ни одного плохого слова не сказал. И за это ему запоздалое спасибо.

Но однажды он закрыл свою мастерскую, купил в Ростове паровую машину и повез в Унчукатль. Представляете, что творилось в селе: паровая машина! Это случилось в 1913 году. Так поступил он не только ради денег, но жалеючи своих сельчан. До него приходилось далеко до мельницы таскать мешки с зерном. Народ повалил к нему. Все были довольны. Но потом, обидевшись на ложные обвинения, Абдулмуталиб рассердился, продал дом, забрал с собой мотор, уехал в Темир-Хан-Шуру и в районе Кавалер-Батареи построил завод.

Зимой он вернулся в Новочеркасск и предложил мне: «Давай будем компаньонами». Стали. У нас военные покупали оружие. Хорошая шашка стоила 40-50 рублей, плеть – 5-6 рублей, нагрудник, уздечка – по 3 рубля. Поработали мы немного вместе, пока не уехал мой компаньон обратно в Темир-Хан-Шуру. Был он нездоров. Умер в Темир-Хан-Шуре в 1915 году, где и был отдан земле. У него были сын и три дочери. Сын его Акмалутдин, когда началась революция, завел шесть собак и дал им такие имена: Нухбек Тарковай, генерал Халилов и т.д. Свой дом, сад отдал добровольно Госкоммунхозу. Такое было время: попробуй не отдать!

...Я немного отвлекся, но ведь без подробностей не было бы перед вами того Гази Хинчалова, который сейчас есть.

Итак, когда я еще жил в Новочеркасске, вызывает меня окружной атаман и утверждает:

– Тебя в кино видела моя дочь.

– Может быть.

– Ты был в черкеске. Не можешь ли ты принести ей папаху, черкеску и кинжал?

– Могу, – отвечаю я, – но нельзя ли узнать: для чего?

– Хочет в кавказской форме сфотографироваться.

На фаэтоне атамана привез я ему все требуемое. Дочери его было лет 17. Очень красивая была, а когда надела черкеску, да натянула на голову папаху из серого каракуля – стала антика. Фотограф хотел ее портрет повесить на витрине, но атаман строго запретил. Вернули мне мое имущество, а черкеска целый год после этого пахла неземными духами. Чтобы они не улетучились, я ту черкеску не надевал, прятал в сундуке. Не знала тогда моя Патимат, какие воздушные замки я себе строил.

Уже тогда, еще до революции, я слышал и видел – было это в 1911 и 1912 годах – вахмистра Буденного, а близко встретиться с ним пришлось в 1927 году. Лакцы, проживающие в станице Платовской и других местах, обратились к нему с жалобой о большом налогообложении. Через исполком он освободил нас от налогов, а нам сказал, что в детстве он знал нескольких дагестанцев, которые приезжали в их станицу, он водил за уздечку их лошадей, а после революции ездил в Дагестан, в 1923 году, на открытие канала им. Октябрьской революции.

Один из руководителей бедноты, Медведев, во время восстания дал мне документы с просьбой доставить их в станицу Кривянскую подпольщикам.

Прикинулся я лудильщиком – взял примус, самовар, инструменты и двинулся в путь. Документы сунул в примус. В дороге туда и обратно проверяли, ничего не нашли. После этой операции меня наградили револьвером системы «Наган» и 25-ю патронами к нему.

…Так рассказывал о себе долгожитель и кудесник из Унчукатля. Поведал он еще вот о чем. Выехал Гази Хинчалов из Новочеркасска в Дагестан летом 1928 года. Ехал он с супругой Патимат. В платяной корзине везли 23 кг готовых изделий – серебряной посуды, украшений, сабель. Перед отъездом жена ходила к гадалке-немке и та сказала:

– Вы хорошо заработали, но все потеряете!

Две ночи из Новочеркасска до Махачкалы Гази не спал. Не пошел на постоялый двор, а устроился у сына бывшего компаньона ростовщика Гусейнова Акмалудина, проживающего в Махачкале у православного собора, где нынче площадь.

В Буйнакск ехали на поезде. Жене сказал: «В Унчукатль доберемся с цудахарцем Д.», а того предупредил: «Никого с собой не бери!» Выехали утром. Ночевали в Урма. На ночь забил окна. Не доезжая Левашей, стали поить лошадей. Возчик сошел с линейки, сошли и супруги. Прошли расстояние в два телеграфных столба.

– Садитесь! – предложил цудахарец, догнав их.

Поехали. В Левашах возчик попросил принести бутылку вина.

– Какого?

– Сам выбери.

И тут вдруг обнаружили пропажу корзины. Цудахарец распряг одну лошадь и помчался туда, где перед этим поили лошадей. В траве нашли корзину, но ценностей в ней не было.

Осман из Цудахара сказал супругам: «Ваш возчик не тронул бы корзину и из золота». Гази и Патимат согласны были с ним, но не понимали, как тогда исчезло то, что они в поте лица столько лет зарабатывали. А через месяц их возчик купил новый дом.

Гази стал жить в Унчукатле. В 1932 году в ауле было сильное градобитие. Председатель сказал: «Ничего сеять не будем, поздно!» 180 семей покинули аул, часть переехала в Каспийск. А Гази Хинчалов почему-то больше не стал возвращаться к искусству предков, занялся новым делом в горах – садоводством. Может, потому, что, еще будучи в Новочеркасске, он каждую весну ощущал запахи черешни, вишни, яблок, груш... Иногда по приказу хозяина бегал к армянину-садоводу Исаю Григорьянцу, живущему на окраине города, за вишней для варенья. Для Гази, на родине которого ничего, кроме кукурузы и пшеницы, не росло, сад армянина был зеленым чудом.

– Можно и у вас создать все это, – сказал ему как-то Исай, – если приложить руки и ум. – И еще сказал: – Посади дерево – это памятник тебе. Сколько будет дерево жить, столько люди тебя будут помнить. Но сажать не вообще, а чтобы людям сделать подарок.

Обо всем этом думал Хинчалов, когда приехал домой. Его мучил вопрос: в Хаджал-Махи – сады, в Цудахаре – сады, а почему в Куркли, Кумухе, Унчукатле их нет?

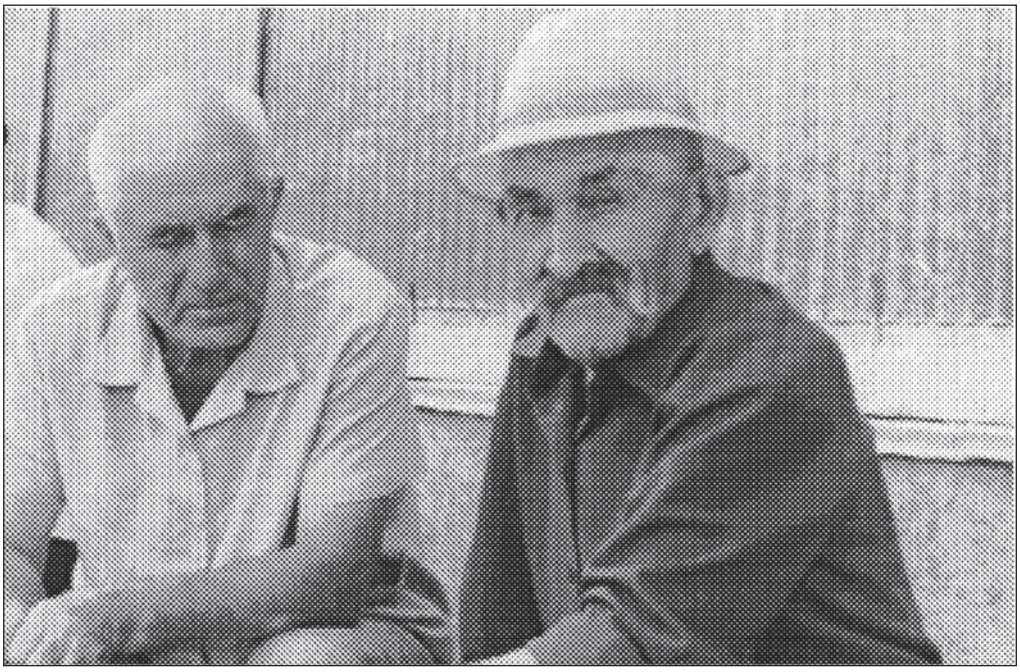
У одного курклинца спросили:

– Скажи, почему у вас нет ни одной груши?

– Не растут.

– А вы пробовали сажать?

– Нет, не пробовали.



А вот другая побасенка: «Один калайчи-лудильщик из Куркли забрел в город Козлов, увидел здесь чудо-сад, выращенный неким Иваном Мичуриным. Лакец уговорил его послать в Куркли черенки яблонь. Принялись те черенки. Поэтому-то курклинцы свой колхоз назвали именем Ми-чурина, хотя сада там так и не было, а росли отдельные деревья.

В сердце Гази поселилась мечта о саде. Начал он с огорода. Однако в Унчукатле он не был в этой области первооткрывателем. Седой Гарун, имевший огороды в России, теперь дома выращивал капусту и огурцы. Гази со своей бригадой взялся за это дело, и – сенсация. Взвесили один кочан капусты – 18 кг. Его увезли в Кумух и подвесили под потолком Райземотдела – смотрите, люди, вот вам чудо из Унчукатля. Гази решил: «Придет время, и яблоки вот так подвесим!»

Пришел он к председателю колхоза Алилу Каримову и сказал: «Я в станице Степной видел хорошие сады. Давай попросим у них саженцы».

Представьте себе, степновцы откликнулись, прислали 130 саженцев яблонь, груш, слив, черешни. Получили саженцы живыми, а как их вырастить? Ведь дело новое. В то время в Кумухе агрономом работал киевлянин Бутенко. Унчукатлинцы – к нему:

– Помоги нам, товарищ Бутенко.

А тот три года не был в отпуске, позарез необходимо ехать домой. «Ну, уж нет, – сказал Бутенко,

– никуда не поеду! Мы с тобой, Гази, посадим самый высокогорный сад в Дагестане. Первый сад в краю лакцев, в стране каменных гор!»

Этот день был праздником, но до настоящего праздника было еще немало бессонных ночей и дней, до ломоты в пояснице. Хинчалов и Бутенко держали экзамен не перед начальством, а перед жителями всего района. Люди ждали: если опыт удастся – начнем заниматься и садоводством.

Бутенко почти каждый день приезжал из Кумуха: как там? В один из дней бесшумно начали лопаться почки, а в ушах русского и лакца будто призывным набатом ударили колокола. Лакский райколхозсоюз выписал из Краснодара 3 тысячи саженцев. Подтянулись Кумух, Кама, Куркли, Шовкра. А в Унчукатле 7 га садов – пока зеленых прутиков. Теперь и капли росы находили себе приют в их листочках.

У Бутенко на глазах были слезы. Он уезжал на родину. Срок кончился. Сказал:

– Хотел бы я побывать здесь лет через 10. Берегите сад, как своих детей!

Уехал Бутенко, а тут град. Гази бегал с людьми по саду. И как детей своих защищал деревца от градин, каждую отломанную ветку подвязывал…

Была еще одна такая дата – 29 июня 1961 года. Полчаса бил град, а после него остался разгромленный сад. Люди работали, будто бригада врачей скорой помощи, а главным «хирургом» среди них был Хинчалов. Спасли многие деревья. А кроме града были еще враги – засуха, морозы. Был год, когда в мае выгорела вся трава. Такая судьба ожидала и сад Хинчалова. До водоема далеко, а каждое дерево нуждалось в 15 ведрах воды. Где взять столько сил, столько людей? Ночами и днями таскали. И на этот раз спасли сад. Много таких испытаний выпало на долю Гази и его людей.

Гази был не просто садоводом, он был и экспериментатором. Сад унчукатлинцев сделался своеобразной дагестанской лабораторией! Почти со всего Северного Кавказа приезжали сюда специалисты. Гази не любил, когда ему приписывали чудеса. Он постоянно называл имя агронома Бутенко. Вот если бы он приехал в Унчукатль, то-то было б радости! Унчукатль вспоминает и заведующего кумухской школой Георгия Трангашвили, большого знатока природы. Часто из Буйнакска приезжал Анатолий Михайлович Ильинский. Это он первым научил делать обрезку, правильно формировать кроны. Гази не забывает мысленно благодарить Анатолия Михайловича. Крепкая дружба связывала его с ученым-агрономом Абакаром Гаджиевым, который являлся новатором террасно-богарного садоводства в Дагестане. Буйнакская зональная опытная станция тоже будто прописалась в Унчукатле: имела здесь опытный участок, испытывала разные сорта плодовых деревьев на урожайность, морозоустойчивость, на поливку и т.д.

Гази Хинчалов увеличил вес «райских яблок» в 8 раз; грушу Вильямс, имевшую вес 200 гр., почти удвоил – до 350 гр., и т.д. Однажды приехал к нему народный поэт Дагестана Абуталиб Гафуров. Ходил по саду, по огороду, восторгался, хлопал по плечу Гази. И вдруг остановился пораженный. На картошке росли помидоры. Не сон ли? Невероятно: один и тот же куст давал жизнь картофельным клубням и помидорам. Абуталиб только проговорил: «Ты лучший из нас поэт! Вот какие у тебя произведения. Про тебя песни надо петь!»

Песен о Хинчалове еще нет, есть две книги – «Отец унчукатлинских садов» Бориса Матвеева и «Садовод-опытник Хинчалов» Матасова. Есть и статьи Дмитрия Трунова – вот пока и все.

Время бежит стремительно! Начиналось все со 130 саженцев. А сейчас перестали носить в ведрах воду – насосная станция поднимает ее из Койсу.

Я спрашивал у Хинчалова:

– Курите?

Он отвечал: «В Унчукатле старше меня четыре человека. Ни один из них не курит. Моложе их, те, что курили, – умерли».

– Ну, а вы курите? – пристаю я.

– Никогда. Потому и живу более 90 лет.

Это правда. Жил он не только поэтому. Никогда и никому не делал зла. Ему – да, но он зла в сердце не держал, переживал, конечно, как не переживать, однако считал, что его руки снова создадут ценности, которые не только ему, но прежде всего людям принесут радость. Среди его качеств хочу отметить еще одно – чрезвычайную скромность. Слушая его, мало кто догадывается, что беседует с волшебником-ювелиром и садоводом.

Умер Гази Магомедович Хинчалов в 1983 году в возрасте 99 лет.

В АУЛЕ СИЛАЧЕЙ

В 1974 году в аварском селе Балахани меня познакомили с Гаджимагомедом Мирзаевым. Я спросил его:

– Вам, говорят, более 100 лет?

– Вот люди, – засмеялся он, – все кому не лень добавляют мне года, а себе сокращают...

– Тогда сколько же?

– Ровно 100 лет!

Я задаю вопросы, дед отвечает.

– Помню ли я детство? Все помню. Наверное, оттого, что оно было трудное. Сейчас рай земной. С 8 лет начал работать. 5 лет назад ушел на пенсию. На судьбу не жалуюсь. Женился, когда мне было 20, а Загидат 13, нет 14 лет. Таков был у нас обычай. Захотели родители и приказали. На любимой не дали жениться. Одна девушка хотела сама ко мне прибежать. Помешали. А я помню и лицо ее, и день тот. Горько делается на душе, хотя прошло с тех пор, сами посчитайте, сколько лет!

В комнату вошла Загидат. На ее удивленный взгляд Гаджимагомед произносит:

– Жена, у нас кунак!

– Наверное, пришли позавидовать нашей жизни, – съязвила старуха.

– Это зависит, – спокойно проговорил муж, – от того, какой обед подашь!

Я спрашиваю о судьбе его первой любви. Девушка жила в Батлаиче, а как сложилась ее судьба далее, он не знает. Потом разговор зашел о здоровье.

– Никогда не болел, – отвечает дед. – Один раз замерзал. И представьте себе – летом, на хуторе Чылаги. Долго находился под дождем. Шел по тропе. Смотрю, на меня нацелилась змея. Ударила по колену. Пять месяцев лежал, будто малярия трясла меня. Приезжал Магомедгаджи Кудутлинский, дал что-то сладкое. Как будто полегчало.

...Что ем? Чеснок, мясо, хинкал. Люблю молоко, фрукты. Желудок все принимает. Вы спрашиваете о любви. Более всего люблю детей. Сердце к ним прикипело. Всех детей в ауле приютил бы, будто и они мои. Каждый день встречаю с радостью. Печально было, когда умерли родители и дочь. Сейчас осталось две дочери: Ухрижат – 60 лет и Айша – 55 лет.

Отца звали Мирза-Гаджи. Прожил 100 лет. Роста был небольшого. Посмотри на меня: я – точная копия отца. Он имел четырех сыновей и двух дочерей. Из всех я один остался. Умерли от болезней. Будь тогда такие врачи и лекарства, как сейчас, были бы живы. Это точно!

Сердился ли когда? Нет. Это дурное чувство не посещает меня. Впрочем, надо правду сказать. Когда мой брат Магомед подрался с Исхаком, то один раз ударил последнего, потому что он был не прав. Если бы было наоборот, не пожалел бы и брата. Ударил еще одного человека. Случилось это на пастбище. На него бросалась даже моя собака, а я еще науськивал, травил. Даже вспомнить стыдно. Какое мне было дело до него, хотя тот кого-то несправедливо обидел. Пусть бог бы за ним следил, а мое дело овцами заниматься. Ну да что теперь – было да сплыло.

Люблю бегать, прыгать, танцевать. Может, потому, что так долго ходил за овцами. А может, овцы помогли так долго жить. А когда шли дожди, или, скажем, начинала зеленеть трава, пел песню.

– Не пробовали сами сочинять? – спрашиваю я.

– В точку попали.

– Могли бы припомнить?

– Песни – что дети. Одни лучше, другие хуже, третьи совсем плохи. Помню, конечно...

Послушав песню, которую Гаджимагомед исполнил с закрытыми глазами, выражаю удовольствие. И снова задаю вопросы.

– Что знаете о Шамиле?

– Когда Хаджи-Мурат украл из Дженгутая кумыкскую ханшу, красавицу Нохбике, моя мать Патимат сказала ему: «Ты не симпатичен мне. Любовь не крадут, она должна сама прийти». Не знаю, как отнесся к таким словам наиб Шамиля. Я также слушал поэта Махмуда. Он был мне ровесником, может, всего несколько лет разницы. Он приезжал в Балахани. Увидеть его сбегалось все село. Тогда же кино, радио не было. Да если бы и было, все равно Махмуда не оставили бы без внимания.

И вот что я скажу. Когда он приезжал и люди собирались, то мне хотелось крикнуть: «Эй, джамаат, ведь я тоже сочиняю песни, послушайте!» Но я трусил, не кричал. А когда Махмуд заканчивал петь, то мои стихи, которые до того теснили грудь, рвались на волю, вдруг становились для меня никчемными. И я понимал – попробуй запеть, высмеяли бы меня сельчане. Вот овцам своим я пел. И им благодарен. Слушали и молчали.

Близко я знал и Айшат Араканскую. Она приезжала на мою свадьбу с Загидат. Приехала в сопровождении брата Ахмеда. Айшат была среднего роста, стройна и необыкновенно красива. Танцевала удивительно, не хуже чем пела, если танец и пение можно сравнивать. Я как жених сидел за столом и думал, вот бы мне такую жену. Айшат была как солнечный луч. Вот сейчас перед тобой, а потом – секунда, вторая – и уже на другом месте. Но не угасал этот луч. И до сих пор Айшат не угасла. Видишь, я же помню ее, и люди помнят, как и Махмуда. Видел Айшат всего два дня, а запомнил на всю жизнь.

Одевался я, как и все тогдашние молодые люди, в папаху, бешмет, штаны, чарыки, на поясе неизменный кинжал, сделанный гоцатлинским мастером Алибеком. Когда началась последняя война, я был уже стар. Меня даже не пригласили, сказали, что мой фронт – это где овцы. Хотел бы увидеть Гитлера, чтобы своими руками задушить. Ведь только из нашего аула не вернулось 79 молодцов! Душман проклятый.

Никогда не курил. Не скрою, иногда по праздникам выпивал, но не валялся, не болтал, что мужчине не подобает. Дальше Баку не бывал. Ни разу не ударил жену. Пальцем даже не задел. Зачем? И не ругаюсь. Лучше помолчать. Хочешь кричать, иди к скалам. Они ответят эхом, даже смешно станет...

Когда я спросил у деда, не устал ли он от моих вопросов, тот откровенно ответил:

– Валлах устал. Давай оставим хабары и сядем за стол.

Я предложил сфотографироваться. Он с готовностью согласился. Зашел в комнату, чтобы через минут десять выйти в верхней рубашке цвета хаки, черных штанах, заправленных в сапоги. Я хотел помочь ему взобраться на кровлю соседнего дома, но он отстранил мою руку и сам легко поднялся по лестнице. Туда я пригласил и Загидат. Она не отказалась от моей руки. Дед лихо закрутил усы и стал позировать. Потом сфотографировался с женою, потом будто танцует лезгинку, затем со всеми.

При расставании в шутку говорю: «Приеду через 50 лет, чтобы задать вопросы, которые не успел сегодня». – «А как же, – засмеялся Гаджимагомед, – буду ждать, только обязательно приезжай».

Мы крепко обнялись. Он вслед махал одной рукой, а другой крутил ус.

Бабушка Загидат немного болеет, но двигается бодро, видит неплохо, постоянно подтрунивает над мужем. Как только вошла и увидела, что мы беседуем, сразу включилась в разговор, но требовала, чтобы вопросы я задавал громко. По этому поводу одна из внучек шепнула нам: «Бабушка Загидат слышит, когда захочет, а если не захочет, превратится в камень...»

Кое-что о Гаджимагомеде мне рассказывали балаханинские учителя. За 80 лет исходил он много чабанских троп. На пенсию из колхоза ушел в 1968 году. Был и остается одним из самых уважаемых жителей аула. Заражает всех сельчан оптимизмом, любовью к жизни. Как заиграют лезгинку по радио, начинает танцевать. Попробуй после этого жаловаться на свою жизнь, даже если она трудна...

После недолгой беседы я понял, что Балахани – аул долгожителей. В селе, где 385 хозяйств и проживало 1600 жителей, мне насчитали шесть человек в возрасте от 90 до 100 лет, более десяти – от 80 до 89 лет и т.д.

Зухре Магомедовой перевалило за 100 лет, у нее прекрасное зрение, никогда не пользовалась очками, что по дому необходимо, никому не позволяла делать... Только слух стал сдавать. В ее присутствии надо было повышать голос, иначе она могла обидеться и покинуть комнату. Бабушка Зухра надеялась прожить столько же, сколько умерший в 1954 году супруг – 120 лет.

До 140 лет дожил Ису Омаров. По его заявлению, он жил во времена всех царей, начиная от Павла I и кончая Николаем II. Не раз бывал в России, знал русский язык. Может, и не было бы всего этого, если бы по какому-то случаю не подрался с соседом Исхаком Исмаиловым. Видимо, Ису был больше виноват. Его осудили и сослали далеко, за Астрахань, сроком на 8 лет. Но Ису сбежал и хотел покончить с бегаулом Балахани, который держал сторону его противника. Но тут случилась революция и возникли задачи более важные, чем отношения двух повздоривших людей. Да к тому же Исхак уже умер естественной смертью. А Ису дожил до 1952 года и был своего рода достопримечательностью аула. При моем посещении его 90-летняя дочь Маймунат была еще жива, как и другие его дети.

Ису имел редкую в горах профессию – взрывника. Честь строительства араканской дороги принадлежит и балаханинцу. В свободное время он из орехового и абрикосового деревьев строгал вилки и ложки, дарил людям, играл на агач-комузе, пел, рассказывал были и небылицы. Представьте себе, курил и восемь раз женился. С одной-двумя «не сошелся характером», остальные умерли. Силы Ису Омаров был необыкновенной. Зубами поднимал мешок с зерном кукурузы в 75 кг весом. Ростом был в два метра. Храбрости ему тоже было не занимать. Во время взрывных работ случилось так, что сам оказался в опасной зоне. Спасти мог только прыжок через пропасть в несколько метров. В обычной обстановке никто на такое не решится. Когда же оставались секунды до взрыва, Ису помолился и со словами «Аллаху Акбар» перелетел на другую сторону. За этот поступок главный инженер строительства араканской дороги к жалованию балаханинца прибавил 10 рублей – довольно солидная прибавка в те времена...

В 1972 году в столетнем возрасте скончался Муртузали Гусейнов, чабан, садовод, пчеловод, строитель. Часто боролся в молодости и побеждал, тогда звал гостей, устраивал пиршество. Бегал прекрасно. Лазил на скалы за медом диких пчел, забивая колья до высоты почти 300 метров! От возмущенных пчел отбивался тем, что разжигал тряпку. Мед продавал, а больным дарил. Мне показалась не особенно правдоподобной легенда о том, что он в свои сапоги «загнал» пчел и уже на земле устроил пасеку. Он имел рост гвардейский, не пил, не курил, сочинял стихи. В Балаханах до сих пор живы песни Муртузали, которые исполняют по торжественному случаю...

А Кудияв-Гаджи слыл медиком. Считался лучшим хирургом в округе. Делал операции на черепе. Например, моксохцу Муртазали, которого привезли без памяти: он шел по лесу, неожиданно на него свалилось дерево и повредило череп. Кудияв-Гаджи спас его. К помощи балаханинца обращались из всех окрестных аулов. Кроме операций, он много внимания уделял лечению с помощью целебных трав. Прожил более 90 лет. Жители села очень сокрушались, что потеряли такого человека. Единственным утешением являлось то, что тайны врачевания перенял его сын Магомед Абдуллаев, умерший перед войной.

Однажды со всех аулов Нагорного Дагестана в аул Чалда пригласили силачей. Дело в том, что Аварское Койсу часто затапливало сады. Надо было в одном месте реку перекрыть, чтобы воду направить по другому руслу. Стали бросать в реку камни. Среди гигантов находилось и несколько балаханинцев, но они и другие силачи из других сел уступали в силе чародинцу по прозвищу «Кеал», что значит «левша». И тут вспомнили про двухметрового балаханинца Гитиномагомеда, который паз коз. Позвали его. Он надел бешмет и широкий пояс. Когда огромный камень просвистел в воздухе, все ахнули. Результат «Кеал» был перекрыт более чем на метр – он попал в тот самый дальний «уголок», который никак не удавалось «запереть». Еще с десяток таких бросков Гитиномагомеда, и Койсу окончательно изменила направление. Случай этот произошел задолго до революции, но рассказ о силе земляка балаханинцы передают из поколения в поколение…

Публикации в нашем журнале, как и в других дагестанских изданиях, продолжают вызывать отклики читателей. И это замечательно. В нынешнем номере мы публикуем два из них. Первый – это фотография, которая дополняет напечатанную в прошлом номере журнала статью «Коммунист Рютин против Сталина». А второй – заметки Фаризы Багаудиновны Астемировой, дочери наркома просвещения Дагестана в 30-е годы Б. Астемирова. Они дополняют наши предыдущие материалы о Дж. Коркмасове.

Редкая фотография

На фото лета 1923 года (слева направо стоят): М. Ахундов – Наркомзем ДССР; неизвестный; Дж. Коркмасов – чл. ВЦИК и ЦИК Союза ССР, пред. Совнаркома ДССР; Отто Карклин – чл. ЦИК СССР, ответственный работник ЦК ВКП (б); М. Рютин – чл. ВЦИК РСФСР, Ответ. секретарь Даг. Обкома; К. Ворошилов – чл. ВЦИК и ЦИК СССР, командующий Северо-Кавказским военным округом (СКВО) и чл. ЦК и Юго-Восточного бюро ЦК ВКП (б); неизвестный и А. Тахо-Годи – чл. ВЦИК РСФСР и Наркомпрос ДССР и др.

На переднем плане сидит М.И. Калинин – чл. ЦК, Оргбюро ЦК и канд. в чл. Политбюро ЦК ВКП (б), председатель ЦИК СССР.

ДЖ. КОРКМАСОВ и Б. АСТЕМИРОВ: СВЯЗЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Фарида АСТЕМИРОВА

Высокое историческое предназначение выпало на долю Джелала Коркмасова – человека, с именем которого связана вся история Дагестана первой трети XX века, как до октября 1917 года, так и в последовавший советский период, когда он возглавлял первое правительство Дагестана.

К написанию этих заметок, хотя с момента публикаций, о которых пойдет речь, прошло уже более полутора лет, меня побудило желание выразить чувство благодарности Анатолию Коркмасову за его глубокое научно-обоснованное исследование в деле восстановления исторической правды, связанной с именем Д. Коркмасова (и не только!).

Прав Камал Абуков в оценке научных изысканий и художественных произведений, посвященных судьбам исторических личностей. «Ведь все это – бесценное сокровище, которое еще скрыто от людских глаз. Все должно быть обнародовано. Надо восстановить правду в полном объеме… уйти от недосказанности… сознательного умалчивания», – пишет он в своей вступительной статье к романам писателя М.-С. Яхъяева, объединившего в одном томе под названием «Бессмертие» два своих произведения: «В полдневный жар» о Дж. Коркмасове и «Три солнца» об У. Буйнакском, получивших признание читателей.

Я, не будучи историком, не берусь оценивать события, детали, связанные с историческими личностями. Но как человек, проявляющий интерес к истории своего народа, интересующийся общественным мнением, не могу не выразить своего отношения к публикациям в дагестанской прессе «Повести без вырванных страниц» («Мелиоранский», или Тайны биографии Джелала Коркмасова») не только потому, что нельзя оставаться равнодушной к содержанию этого произведения, раскрывающего личность и деятельность Дж. Коркмасова и целого ряда других известных и не столь известных деятелей истории, но и в силу того, что эти публикации вызвали в свое время широкий и не всегда однозначный отклик.

Например, предпринимались попытки подвергнуть критике методы исследования исторического материала, делались далеко идущие выводы о национальной подоплеке и личных мотивах автора – Анатолия Коркмасова. Невозможно согласиться с ними. Общеизвестно, что семья Коркмасовых глубоко интернациональна – в ней сроднились представители кумыкской, грузинской, русской, даргинской, аварской, рутульской национальностей. Уже одно это является немаловажным опровергающим обстоятельством таковых измышлений. Именно в их поспешности сокрыта их тенденциозность, проявляющаяся в крайней нетерпимости этих авторов. Причем, их реакция сработала сразу, как только зазвучала правдивая информация о неблаговидной деятельности, которая многие годы считалась, напротив, в высшей степени положительной.

В откликах отдельных авторов критике подвергалась причем не оценка самих событий из истории нашего народа, представленная в «Повести…» и подтверждаемая впервые вовлеченными в научный оборот ранее скрытых архивных документов, а обосновывалась она заинтересованностью автора, его родственными отношениями с героем произведения, что якобы порождает субъективизм в изложении материала.

Полной противоположностью такому роду откликов служат статьи, содержащие суждения о высокой ценности исследования. По мнению Расула Магомедова, «А. Коркмасов пишет об очень интересном периоде жизни нашей страны. Его книга будет служить интересам общества, делу воспитания молодежи. Она открывает завесу над историей, которую наши историки-идеологи фальсифицировали без зазрения совести».

Обращает на себя внимание мнение заведующей кафедрой истории России ДГПУ М. Эмировой, объективный характер которого не вызывает сомнения. Оценивая работу А. Коркмасова, воздавая должное автору, она отмечает, что он «оживил тот период дагестанской истории, к которому был уже, казалось, утрачен всякий интерес, и совершил ряд научных открытий». «Значение статей Анатолия Коркмасова выходит далеко за рамки личностей, – считает также профессор М. Абдуллаев... – Его публикации помогут, во-первых, отойти от позиций по многим вопросам, сложившихся под влиянием материалов, которыми когда-то располагала историческая наука, и установок того периода; во-вторых, смело и творчески подойти к осмыслению и освещению социально-политических и духовно-нравственных процессов…».

«Есть у меня глубокое предчувствие, – заключает и Салав Алиев, – что книгой мирового качества, как говорят, бестселлером, может стать готовящаяся к изданию книга А. Коркмасова, внука Джелала Коркмасова. Будем надеяться, что все это будет добрым знаком чудного возрождения нашего народа, как и всего Дагестана».

...Я хочу поделиться своими воспоминаниями о Джелале Коркмасове. И хотя это были детские впечатления, но они оставили на долгие годы след в моей памяти. Полагаю, что нас, людей, знавших и видевших этого человека, осталось немного. Поэтому рассказанное мною может оказаться не столько интересным, сколько значимым в раскрытии характера, моральных, духовных и душевных качеств этого легендарного дагестанца.

Это было в начале 30-х годов, мне было лет десять. Помню, как к нам в дом неожиданно пришел человек, которого я видела впервые, представительного вида мужчина, высокого роста, немолодой, с седой, довольно пышной шевелюрой. Он был то ли в плаще, то ли в легком пальто, но я запомнила почему-то его цвет – серый

Это был Джелал Эд-Дин Коркмасов.

Дж. Коркмасов

Запомнилось его интеллигентное лицо, благородная внешность.

Я не знаю, о чем они говорили с папой (нас, детей, отправили в свою комнату), но хорошо помню, как был тронут и взволнован отец этим непредвиденным приходом глубоко уважаемого им человека. А причина визита в следующем. Было время эпидемии сыпного тифа, и мама, где-то подхватив его, тяжело болела: была без сознания, находилась в бреду. Ее изолировали от остальных домочадцев под присмотром медработницы. Нас, детей, к ней не подпускали. Помню, как мы подбегали к папе, спрашивая о ее состоянии, когда он выходил из ее комнаты.

Я, как старшая, понимала, что ей плохо, но папа, скрывая свою тревогу за нее, успокаивал нас. И вот в такое тяжелое для нашей семьи время Дж. Коркмасов, несмотря на свою большую занятость, нашел время, чтобы поддержать своего младшего товарища и по возрасту и по служебному положению.

Думается, небезынтересна оценка личности и деятельности Дж. Коркмасова моим отцом, Астемировым Багаудином Аджиевичем, и характеристика их отношений, о которых мне стало известно значительно позже. В 1994 году, знакомясь с материалами архивного уголовного дела на Б.А. Астемирова, я узнала из протоколов допроса, что их связывало, на чем была основана их близость, что объединяло их. Трагическую роль в их судьбе сыграли черные события 1937 года.

Так, на вопрос следователя: «Сколько раз вы, будучи в Москве, встречались с Коркмасовым, где именно происходили ваши встречи, каков характер ваших с Коркмасовым отношений?» Б.А. Астемиров отвечал: «С 1932 года я несколько раз, будучи в Москве, встречался с Коркмасовым. Встречи эти происходили главным образом в квартире Коркмасова в Доме правительства на Берсеньевской набережной. В течение пяти лет с 1932 года я встречался с Коркмасовым приблизительно десять раз. К Коркмасову я относился как к человеку, имеющему солидное революционное прошлое, культурному и высокообразованному, старому члену партии. Кроме того, я относился к Коркмасову как к старшему товарищу. Между мной и Коркмасовым были дружеские отношения. Эти близкие, дружеские отношения с Коркмасовым у меня возникли в 1929-30 годы. Наши отношения стали близкими после того, как я стал республиканским работником и работал Наркомфином ДССР. С Коркмасовым я часто встречался и сблизился с ним в процессе своей работы. В бытность Коркмасова в Махачкале я бывал у него, и Коркмасов бывал у меня дома. В Москве я останавливался у Коркмасова дома. Это была семья, в которой я обычно проводил все свободное время. Коркмасов относился ко мне очень хорошо».

На вопрос следователя НКВД, добивавшегося нужного ему признания: «Почему Вы скрываете свое вражеское лицо и не даете ответ по существу заданного вам вопроса?» отец отвечал: «…Я повторяюсь с ответом – вражеского лица у меня нет, запирательством не занимаюсь и в контрреволюционной организации не состоял… Мои разговоры с Коркмасовым в большей части относились к литературе, культуре, моей учебе; к перспективам моим на будущее; вопросам быта, о новом алфавите и переходе на русский алфавит. Разговоры велись о культуре, живописи, вокруг музеев, картин…».

Б. Астемиров

Мои детские впечатления о Дж. Коркмасове, высокого уровня государственном деятеле, были дополнены документами, в которых отразилась оценка, не вызывающая никаких сомнений в ее объективности в силу ситуации, в которых она была высказана. Это происходило не по торжественному случаю, не за праздничным столом, а в застенках НКВД. Перед следователем, всеми средствами добивающимся желаемого для него ответа.

Уже совсем недавно ко мне в руки попал один документ. Это заявление «доброжелателя» (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 3137). Изложенные в нем обстоятельства полностью соответствуют указанным Б. Астемировым в кассационной жалобе от 17 мая 1940 года на имя Генерального прокурора СССР. Речь в них идет о том, а было это в августе 1936 года, что Б.А. Астемиров по голословным обвинениям Самурского был выведен из состава бюро Обкома, снят с должности Наркомпроса и выехал на учебу в Москву, где в связи с тем, что на него поступили «доброжелательные» заявления, проходил проверку партийных документов. Именно Джелал Коркмасов, занимавший в то время очень высокий пост в союзном правительстве, был приглашен на бюро Киевского РК ВКП (б) Москвы и дал о нем самые высокие отзывы.

Есть нечто символическое в том, что и после смерти их связь как бы продолжается: на улице, названной в честь Дж. Коркмасова, расположен дом, в котором жил Б. Астемиров после реабилитации и на котором в честь этого установлена мемориальная доска.

ИСКУССТВО

РОДНИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ

Саида ДАМАДАНОВА

Определяющее влияние на развитие профессионального изобразительного искусства нашей многонациональной республики, формирование идейных, гражданских и эстетических представлений дагестанских художников оказали прогрессивные традиции русской и европейской художественной культуры XIX–XX веков. Исторические события позапрошлого века, подъем национально-освободительного движения горцев Кавказа привлекли особенно пристальное внимание к Дагестану прогрессивных кругов мировой общественности, художественной интеллигенции России. В разные годы в Дагестане плодотворно работали такие известные художники, как князь Г.Г. Гагарин, П.И. Бабаев, Ф.Ф. Горшельт, Ф.А. Рубо, Е.Е. Лансере и многие другие.

Подробнее имеет смысл остановиться на творчестве Г.Г. Гагарина (1816–1893), принимавшего непосредственное участие в военных походах и использовавшего любую возможность для зарисовок с натуры живописных уголков горного края, сцен из походной жизни, различных типажей местных жителей. На их основе Г. Гагарин пишет несколько батальных картин, свидетельствующих о неподдельном интересе художника к Дагестану, отсутствии при этом преднамеренной эффектности – «Белый ключ», «Главная квартира Мегрельского полка», «Карагач», «Главная квартира нижегородского полка», «Сражение при Ахатли». Рассматривая репродукции цветных литографий художника «Живописный Кавказ», в куда вошли такие интересные работы, как «Крепость Темирхан-Шура», «Гергебель», «Акуша», «Цудахар», «Баррикады на Костреке», «Плач в Аварии» и другие, изданные в свое время в Париже, можно получить представление о том, каким увидели Дагестан и его жителей европейцы. Художника отличают острая профессиональная наблюдательность, документально-достоверное отображение реальных событий, стремление отобразить в произведениях собственную трактовку образов современников.

Творчески работает в Дагестане участник всех походов с 1858 по 1863 годы главнокомандующего Кавказской армии князя Барятинского – известный живописец Теодор (Федор Федорович) Горшельт (1829–1871), с этнографической достоверностью отразивший в своих высокохудожественных произведениях уникальные архитектурные сооружения, жилища горцев, их одежду, оружие, бытовую утварь и многое другое. Выставленная в Мюнхене картина Т. Горшельта «Пленный Шамиль перед князем Барятинским», написанная в 1865 году и насчитывавшая до сорока портретных изображений, представляет собой не только бесспорно высокую художественную ценность, но и является историческим свидетельством драматических событий, она была по достоинству оценена соотечественниками. Творческий анализ произведений художника, в частности одного из наиболее распространенных в репродукциях рисунка «Мюрид с наибским знаменем», позволяет сделать вывод, что художник любуется горцем, горделивая осанка которого не лишена изящества и достоинства. В то же время отображение сосредоточенного «ушедшего в себя» взгляда, понурой лошади и приспущенного наибского знамени придают композиции откровенно символическое значение.

Поэтические образы горцев и русских воинов запечатлены в картине «Штурм Ахты» (1849) – наиболее значительном произведении выпускника Петербургской Академии художеств Полидора Ивановича Бабаева (1813–1870), служившего подпоручиком артиллерии в Тифлисе. Четкое композиционное построение сцены ожесточенной рукопашной схватки, гнев и отчаяние защитников селения, несколько театрально-эффектные позы раненых, скульптурная отточенность образов – все свидетельствует о высоком мастерстве художника, оказавшегося очевидцем кровавых событий и сумевшего донести до зрителей подлинный накал страстей.

Дагестанская тематика отражена в серии романтических и величественных гунибских пейзажей, выполненных непревзойденным мастером маринистического жанра XIX века И.К. Айвазовским (1817–1900), посетившим Северный Дагестан в 1868 году (подлинные произведения мастера хранятся и экспонируются в республиканском Музее изобразительного искусства).

Событиям Кавказской войны посвящены живописные полотна известного художника Франца Рубо (1865–1928), собиравшего материал для достоверного воспроизведения батальных сюжетов непосредственно в местах, где происходили исторические сражения. Такие его художественные произведения, как «Вступление Петра I в Тарки в 1722 году» (1893), «Штурм Салты» (1886), «Взятие Дарго» (1877), «Взятие Ахульго 22 августа 1839 года» (1888), «Штурм аула Гимры 17 октября 1832 г.» и другие, а

также его первая грандиозная панорама «Штурм аула Ахульго», демонстрировавшаяся в Мюнхене, Париже и в России, принесли художнику заслуженную известность.

Мастер уделяет большое внимание величественным картинам природы, всегда составляющим в его творчестве вместе с батальными композициями единый выразительный образ, он многократно выезжает на места действий своих будущих произведений, подробно с натуры прописывает горные пейзажи и ландшафты, где происходили исторические события, выстраивая композицию согласно характеру той или иной местности. С глубоким вниманием он выслушивал документальные свидетельства очевидцев и непосредственных участников кровопролитного штурма шамилевской крепости Ахульго, павшей в 1839 году. Результат его долгих творческих исканий, грандиозная панорама «Штурм Ахульго», отображающая кульминационный момент рукопашной схватки, далеко неоднозначно была воспринята художественной критикой, тем не менее, она сделала имя Ф. Рубо широко известным в Европе.

Г. Гагарин "ГЕРГЕБЕЛЬ"

Множество картин, посвященных воинам-дагестанцам, принадлежит кисти видного представителя батального академического искусства В.В. Мазуровского (1859–1917), состоявшего при дивизионе конных разведчиков штаба русских войск. В несомненном мастерстве художника можно убедиться на примере небольшого этюда, хранящегося в дагестанском Музее изобразительного искусства – «Всадник Дагестанского конного полка». Незначительная проработка пейзажа, создающая впечатление холмистого простора и открытого горизонта, и схематично выписанные японские солдаты свидетельствуют о том, что художник явно акцентирует внимание на фигуре всадника-дагестанца, на скаку выхватывающего саблю при виде врага. Это произведение вызывает интерес не только мастерством композиционного решения, выразительностью деталей, но и выбором тематики – весьма характерен сам факт обращения царского офицера к теме участия дагестанцев в русско-японской войне, их совместной борьбы против общего врага.

Качественно новое явление в художественной жизни многонациональной республики представляет собой творчество Е.Е. Лансере, связавшего с Дагестаном свою жизнь и творчество. Достигнув высокой степени понимания и освоения местной национальной культуры, он оказал бесспорное влияние на формирование и развитие профессионального изобразительного искусства горцев. Получив заказ проиллюстрировать повесть Л. Толстого «Хаджи-Мурат», желая создать иллюстрации, достойные произведения великого русского писателя, Е. Лансере приезжает в Дагестан, осознавая необходимость выполнения натурных зарисовок, подробного изучения национальных традиций, особенностей характера, темперамента, типажей местных жителей. Художник много ездит по Нагорному Дагестану, делает акварелью и тушью десятки набросков (до 70 рисунков), отличающихся реалистичностью, индивидуализацией образов, яркостью психологических характеристик. Его рисунки представляют собой не только художественно-эстетическую, но и этнографическую ценность. Примечательно, что по ходатайству И. Репина и других известных художников, за публикацию иллюстраций Е. Лансере было присвоено звание академика.

Яркими произведениями русского реалистического искусства являются картины таких известных художников, как В. Тимм, П.Н. Грузинский, Ф.И. Байков, А.И. Шамшинов, Н.Я. Ярошенко и ряда других. Их работы дагестанской тематики убедительны, правдивы, проникнуты огромной эмоциональной силой.

Это богатейшее наследство стало благодатной почвой для взращивания и дальнейшего расцвета уже собственно дагестанской культуры живописи. Первое и самое главное слово в этом животворном процессе сказали те, кого сегодня можно назвать родоначальниками дагестанской художественной школы.

Первым представителем Дагестана, получившим специальное художественное образование еще до революции, был уроженец Чоха Халилбек Мусаясул. Уже во время учебы под руководством Оскара Ивановича Шмерлинга в художественной школе Общества поощрения изящных искусств в Тифлисе Мусаев участвовал не только в ученических выставках, сотрудничал в сатирическом журнале «Молла Насреддин», его рисунки появляются в бакинских журналах «Келнийет» и «Барабан». Продолжая учебу в Мюнхенской Академии художеств, он создает серию поэтичных акварельных портретов горянок, отличающихся идеализацией национального типажа, выразительностью, этнографической трактовкой и фольклорностью женских образов, мягкостью колорита, изысканностью и мастерством рисунка. Мировое сообщество с восхищением приняло дагестанца Х. Мусаясула, составляя по его картинам представление о самобытной духовной, материальной и художественной культуре дагестанских народов.

Глубокого и всестороннего изучения требует яркая личность Халилбека Исрапиловича Манижал Мусаясул (1896-1949) – члена многих академий художеств, ставшего связующим звеном между культурой Востока и цивилизацией Запада. Его произведения украшают музеи крупнейших столиц мира – Парижа и Дрездена, Рима и Каира, мраморный слепок рук и картины художника хранятся в «Метрополитен-музее» Нью-Йорка.

В живописных произведениях мастера наблюдаются две основные тенденции: неизменный интерес к материальной и духовной культуре, истории дагестанского народа, ностальгическое стремление прикоснуться к их истокам; с другой стороны – особый интерес к европейской культуре, соответствие его

классическим канонам, что продиктовано художественной выучкой, образованием. Эти, казалось бы, взаимоисключающие тенденции, по сути, гармонично взаимосвязаны в его самобытном творчестве.

Не вызывает сомнений, что проникновенно лиричные образы дагестанских красавиц, для многих из которых Мусаясулу позировала преображенная в восточную красавицу его жена – белокурая американка, баронесса Мелани, являют собой олицетворение Родины в ее земном воплощении, выдают ностальгические чувства автора-эмигранта. К тому же во всех художественных полотнах, посвященных Дагестану, Х. Мусаясул – яркий представитель европейской школы живописи, представлен как дагестанец, который придерживается национальных художественно-эстетических ценностей. Это служит дополнительным свидетельством того, что для высокого, интернационального по своей сути, творчества не существует государственных границ, узко национальных проблем, а талантливое произведение всегда созвучно духовным запросам и эстетическим ценностям многих народов, независимо от места их проживания, конфессиональной ориентации и расовой принадлежности.

Основоположники национального профессионального изобразительного искусства Дагестана Муэддин-Араби Джемал (Мухутдин Абдул-Меджидович Джамалов) и Хас-Булат Нухбекович Аскар-Сарыджа (Аскаров), творчество которых во многом определило развитие дагестанской живописи и скульптуры, воспитывались на прогрессивных традициях русского реализма, оказавшего значительное воздействие на формирование мировоззрения, гражданских и идейно-нравственных представлений художников.

Так, М.-А. Джемал, один из первых профессиональных художников Дагестана, окончив Ленинградский художественно-технический институт под руководством Г. Верейского, продолжает учебу в Тифлисской академии художеств у известного живописца Е.Е. Лансере, произведения которого оказали заметное влияние на формирование национального изобразительного искусства.

Большое значение для становления его реалистического метода оказала поездка по Нагорному Дагестану в составе первой художественной экспедиции. Постоянное наблюдение самобытной натуры, этнографичных типажей, внимание к героическому прошлому народа имели решающее значение.

Изучение отечественной истории, самобытной культуры родного края, глубокое проникновение в мир духовных ценностей соотечественников сыграли определяющую роль и в становлении уникального стиля Джемала–портретиста. Приемы, свойственные большинству портретных произведений художника, прослеживаются уже в первом в истории дагестанского искусства портрете народного поэта Г. Цадасы (1932), решенного в романтическом духе. Это беспокойная манера наложения мазков, контрастное сочетание ярких пятен света и густых бликующих теней, придающих образу народного поэта величественные эпические черты.

В эти же годы впервые в творчестве Джемала получают развитие сюжетно-тематические произведения («Соха дедов», 1933; «Чабаны», 1934; «Первое мая в ауле Кубачи», 1935 и др.), в которых многочисленные этнографические подробности быта горцев свидетельствуют о стремлении живописца осмыслить и передать национальные черты их характера – спокойствие, юмор, чувство собственного достоинства. Его «Портрет певицы Патимат Нуцаловой» чарует одухотворенной красотой романтического образа. Величавая грация силуэта, подчеркиваемая ритмом вертикальных архитектурных фрагментов традиционного жилища, усиливает фольклорность образа. Насыщенная цветовая гамма с преобладанием голубых и синих тонов, создающих достоверное впечатление чистоты и прозрачности горного воздуха, оттеняет синеву взгляда, сразу и надолго приковывающего внимание зрителя. Композиционное решение картины, явно перекликающееся с известным произведением В. Серова «Портрет М.Н. Ермоловой», свидетельствует о том, что творчество М.-А. Джемала, определившего ведущие тенденции развития изобразительного искусства Дагестана, несомненно, развивалось в преемственной связи с самобытным декоративным художественным наследием, формировалось под воздействием традиций русского реалистического искусства.

Сравнение вышеназванных произведений с композиционно-образным решением шедевра мирового искусства – «Джокондой» великого Леонардо да Винчи (в частности, композиционное решение картины дагестанского художника зеркально перекликается с композицией «Моны Лизы»; картина В. Серова ближе по колористическому решению), является свидетельством того, что изобразительное искусство Дагестана развивалось как неотъемлемая часть мировой культуры, постепенно вырабатывая собственные художественные традиции, обогащаясь самобытными эстетическими средствами.

Многогранностью отличается творчество основоположника дагестанской скульптуры Хас-Булата Нухбековича Аскарова. Его разностороннее дарование проявилось как в монументальной и мелкой пластике, живописи, научно-исследовательской работе, так и в драматургии, музыке (учился в Ленинградской консерватории), нашло применение и в активной общественной деятельности скульптора, принимавшего самое живое участие в различных художественных экспедициях.

В пору расцвета искусства портрета Х.Н. Аскар-Сарыджа (50-е годы) создает двухметровые скульптурные фигуры имама Шамиля и Махача Дахадаева, варианты портретов для памятников С. Стальскому и Г. Цадасе, характеризующихся умелой передачей анатомического строя натуры, естественностью и простотой обликов его героев. Героическая тема в творчестве художника с наибольшей силой выражена в конной статуе революционера Махача Дахадаева, отличающейся гармоничным единством академических принципов творчества, традиций русского реализма и глубоко национального характера, свойственного лучшим произведениям мастера.

Гармония общечеловеческого и национального в произведениях известных дагестанских мастеров стала возможной благодаря овладению высокими профессиональными средствами живописи и скульптуры. Знание высоких академических требований соединилось с активными художественными исканиями, опорой на национальные изобразительные традиции, собственным осмыслением и личным эмоциональным опытом. Творчество первых профессиональных художников Дагестана Х. Мусаясула, М.-А. Джемала и Х.Н. Аскар-Сарыджи, являющихся приверженцами высоких традиций реалистического искусства, подготовило прочную основу для формирования профессионального изобразительного искусства нашей республики.

Åëåíà ÃÀÐÓÍÎÂÀ: ...È ÃÐÎÌÊÈÉ ÒÐÓÄ ÄÓØÈ

Более 105 лет назад в нашем горном крае было положено начало систематическому собиранию книг. В Порт-Петровске была открыта библиотека, ставшая основой нынешней Национальной республиканской библиотеки, носящей с 2004 года имя Расула Гамзатова. Об этапах ее развития, нынешнем состоянии и планах на будущее рассказывает заместитель директора библиотеки, Заслуженный работник культуры РД Елена Джамидиновна ГАРУНОВА.

– В начале прошлого века в нашем, тогда небольшом, городе произошло незаурядное событие – открылась городская библиотека. Инициаторами доброго дела стала группа образованных людей. Первоначально библиотека размещалась в двух комнатах по ул. Барятинского, ныне ул. Буйнакского. Незадолго до этого вся Россия праздновала 100-летие со дня рождения великого Пушкина, и было решено дать библиотеке его имя. Фонд ее складывался из личных пожертвований горожан, который достиг 2 тысяч книг. Работал один библиотекарь, обслуживавший 200 читателей. В 1939 году библиотека получает статус республиканской и становится научно-методическим центром всей библиотечной сети Дагестана. С 1937 года в течение 60 лет она размещалась в здании, спроектированном архитектором Амбарцумяном, на улице Ленина. В предвоенном 1940 году в ее фондах уже имелось до 75 тысяч томов, в 1969 году их было 400 тысяч, а через 20 лет их количество превышало 900 тысяч. Число читателей за эти годы выросло с 10 до 18 тысяч человек. Таковы были эти вехи.

– Помнится, многие годы в нашей печати неоднократно освещалась проблема критического состояния библиотеки. Лишь через 25 лет открылись двери ее нового нынешнего здания…

– Да, так было. Шло время, постоянно обогащался книжный фонд, но хранилища уже не в состоянии были вмещать поступающие потоки книг. Приходилось размещать литературу в четырех разных помещениях в разных частях города, которые не были приспособлены для нормального хранения. После землетрясения 1970 года тогдашний директор Каир Буттаев поставил перед правительством республики вопрос о необходимости строительства нового здания библиотеки на 1 миллион томов. Автором проекта стал тогда главный архитектор Ашхабада, народный художник СССР Ахмед Ахмедов, наш земляк, ныне он лауреат Госпремии, признанный во всем мире авторитет. Долго тянулось строительство. Конечно, повлиял и переход экономики на рыночные отношения. Лишь в последние годы удалось завершить строительство. Эти же причины повлияли на медленное пополнение книжного фонда, который с 1992 по 1998 годы увеличивался лишь на одну тысячу экземпляров в

год, и в основном за счет местных поступлений. В старом здании на улице Ленина остался книжный фонд в 160 тысяч томов, здесь теперь функционирует Республиканская юношеская библиотека, которая сохранила за собой имя А. Пушкина. В корпусе по улице М. Гаджиева открыт абонемент юношеской библиотеки на 50 тысяч книг.

– А в новой библиотеке какова структура?

– Она включает 24 отдела. В их числе есть, в частности, отдел редких книг, имеющий 7 тысяч экземпляров, среди них дореволюционные издания В. Куприна, А. Толстого, А. Мамина-Сибиряка, Н. Карамзина... Есть книги, изданные начиная с 1722 года. Вышел первый выпуск перечня коллекции нашей библиотеки, в котором указаны наиболее известные издания фонда. Все более растущий интерес представляют книги в отделе иностранной литературы на английском, немецком, французском, испанском языках. Тут можно получить произведения Вальтера Скотта, Виктора Гюго, Шекспира, Сервантеса и других известных зарубежных авторов. Значительным спросом пользуется специальная литература, собранная в соответствующих отделах. К слову, в отличие от вузовских библиотек у нас студенты могут заниматься и в выходные дни, что вызывает значительный наплыв читателей.

Большие возможности дает Интернет. Оборудование получено по гранту Сороса за 29 тысяч долларов. Оно рассчитано на 15 посадочных мест. Два читальных зала располагают копировально-множительной техникой. К сожалению, варварское отношение отдельных читателей к книгам продолжается. Случается, что вырывают по нескольку десятков страниц. Восстанавливают эти книги сотрудники отдела по сохранности и реставрации книг. Есть у нас конференц-зал на 180 мест, оборудованный аудио- и видеотехникой. Здесь проводятся творческие вечера деятелей литературы и искусства, презентации книг, пресс-конференции, просмотры художественных и тематических фильмов. Одним словом, с полным основанием можно сказать, что библиотека соответствует последнему слову технической мысли. Ее общая площадь составляет 10,1 тысяч квадратных метров с предельным объемом хранения в 1 миллион томов. Читальный зал рассчитан на 600 человек. Те, кто посещал старый корпус библиотеки, помнят, как долго приходилось простаивать в очереди, чтобы попасть в читальный зал. Отрадно, что в новом здании этого нет.

– Традиционные отделы – «абонемент», «краеведения и библиографии». Каковы сегодня они?

– В фондах «Абонемента» собрано более 70 тысяч книг различного характера. Кстати, в отличие от других библиотек мы сумели сохранить многое, подлежащее в свое время изъятию по политическим мотивам. А отдел краеведения был открыт еще в 1936 году. Здесь собрана литература, выпущенная в Дагестане, начиная с 20-х годов прошлого века, в том числе с арабским и латинским шрифтами. Сюда поступает вся периодическая литература, издаваемая в районах и городах республики на 13 языках республики. Тут работают специалисты, представляющие ее основные народности, которые могут предложить читателю соответствующую литературу. Организуются книжные выставки, посвященные датам, событиям, юбилеям, регулярно проходят литературные «четверги», круглые столы по актуальным проблемам общества. Активно работает Клуб авторской песни. Работают и два отдела библиографии: общий – здесь регистрируется вся поступающая литература на русском языке и отдел национальной и краеведческой библиографии, где отмечается вся литература, изданная на местных языках.

– Несколько слов, пожалуйста, о ваших читателях. Сколько их сегодня и каков их состав?

– Мы обслуживаем более 42 тысяч человек. Их профессиональный, возрастной, социальный состав весьма разнообразен. Это школьники, студенты, служащие, рабочие, пенсионеры. В их числе не только махачкалинцы, но и жители многих городов и районов республики. Посещают нас и зарубежные гости. Было время, когда наблюдался резкий спад читателей, преимущественно молодежи. Отрадно отметить, что сегодня среди читателей преобладает именно молодежь. С началом каждого учебного года возникает новый поток первокурсников вузов и техникумов. В отдельные дни у нас бывает от 900 до 1000 читателей.

– Знаю, что работой вашего коллектива люди довольны. Кого бы сейчас назвали?

– Хочу начать издалека. В предвоенное время и последующие годы во главе библиотеки стояли и многое сделали для ее развития Гиммельрейх, Бутаев, Мамашева, Алиева, Гаджиева, Ибрагимов, Султанова, Хаппалаев, Агаев. С прошлого года библиотекой руководит Алимпаша Темиров. Нашим читателям наверняка запомнились Белорукова, Цукерман, Ганзурова, Канарш, Бигаев, Еськова, Тестина, Затекина, Кубатаева, Даудова, Тетакаева, Якушина. И сейчас в коллективе сохраняется преемственность, ведь вместе с ветеранами работают и молодые специалисты. У нас трудятся 130 человек, большинство с высшим и средним специальным образованием, 20 сотрудников удостоены звания «Заслуженный работник культуры Дагестана». Это люди, которые очень любят свою профессию. Новички из библиотеки либо быстро уходят, либо остаются у нас на десятилетия, такие как Алиева, Меджидова, Супрун, еще одна Алиева, Багандова, Дандамаева, Суккаева. Рядом с ними трудятся молодые Кузьмина, Мамаева, Курбанова, Ильясова, Каримулаева. Могла бы перечислять и дальше.

– Как и все госучреждения, наверное, строите планы?

– Конечно. Планов у нас много, но выполнение их, как всегда, связано с финансами. Будем продолжать приобретение редких книг, представляющих повышенный интерес. Поступают пополнения и от частных лиц. Например, коллекция миниатюрных изданий, прижизненная биография Льва Толстого, подаренная телеоператором А. Хачаловым; книги писателя Ахмедхана Абу-Бакара, подаренные его семьей; получили мы в дар часть библиотеки Эффенди Капиева и Натальи Капиевой от их сына Рустема; недавно сборник стихов А.С. Пушкина, изданный в 1838 году, нам подарил журналист Д. Ахмедханов. Будем стараться, чтобы библиотека стала любимым местом пребывания дагестанцев, особенно молодежи. Чтение – дело тихое, но в жизни каждого человека – это громкий труд души.

Беседовал Рашид АЗИЕВ

ПОБЕЖДАТЬ? СМИРЯТЬСЯ?

Вряд ли сыщется хотя бы один человек, у которого не было бы своего, взвешенного и хорошо аргументированного, мнения относительно смертной казни. Споры о том, является ли смертная казнь допустимой защитой общества от насилия или же неизбежно отбрасывает нас в варварство, ведутся давно и, как правило, не только на высоком чиновничьем уровне, но и на бытовом. Впрочем, для рядового дагестанского обывателя, которого до последнего времени больше беспокоили вопросы личного экономического выживания, это было проблемой умозрительной, достаточно абстрактной. Но теперь после самосуда в Башлыкенте, когда был растерзан и сожжен предполагаемый убийца двух маленьких девочек, ранее судимый за изнасилование, эта проблема обсуждается уже не только в высоких кабинетах, но и в офисах, в гостиных, на кухнях. Она, раньше казавшаяся малоактуальной, сделалась вдруг пугающе близкой. Такой близкой, что нельзя ее проигнорировать.

Тем более, что число жестоких, невообразимо бесчеловечных преступлений, жертвой которых становятся ни в чем не повинные люди, не только не уменьшается, а имеет даже тенденцию к росту. Гибнут дети, женщины, старики, далекие от всякого рода махинаций и криминальных разборок добропорядочные граждане. В обществе угнездились страх, ощущение личной незащищенности, чему государство должно было бы препятствовать, но не справляется с этим. Такое противоестественное ощущение, которое еще два десятилетия назад казалось невозможным, сегодня усиливает милицейская и судебная статистика. Далеко не всегда преступники оказываются на скамье подсудных. Но если и предстают перед судом, то после судебных приговоров общество пребывает в шоке. Жестокие убийцы, на счету которых не одна погубленная жизнь, получают десять, пятнадцать, а то и меньше, лет заключения. И нередко оказываются после очередной отсидки раньше срока на свободе. “В чем смысл такой государственной «борьбы» с жестокими преступлениями?” – задают себе вопрос люди.

Мы решили дать возможность высказаться трем авторам, имеющим по этому вопросу свое мнение. Его высказывает корреспондент журнала Светлана Анохина и познакомившиеся с ним наши читатели: Зарема Кадиева и Абдулазиз Абдурахманов.

Знаменитая фраза из трех слов «Казнить нельзя помиловать», меняющая кардинально свой смысл от местонахождения запятой после первого или второго слова, стоит в заголовках первых двух мнений, только для наглядности запятую сменило тире.

Светлана Анохина

Казнить нельзя – помиловать

Есть ли что-нибудь страшнее толпы, устроившей самосуд? Страшнее людей, охваченных массовым психозом, которые рвутся непременно своими руками расправиться с негодяем? Думаю, есть. Думаю, это – возведенная в ранг государственного закона смертная казнь. Государство не впадает в состояние аффекта, который многое оправдывает, оно холодно лишает жизни и в этом есть какая-то окончательная безнадежность и бесчеловечность.

Да, не забудем еще и вот о каком парадоксе! Эвтаназия. Нигде в мире она пока не узаконена, и общественное мнение, хоть и колеблется, но, скорее, склоняется к тому, что нельзя это, негуманно. Значит, даровать смерть человеку безнадежно больному, для которого каждый лишний час жизни – пытка, который сам просит об избавлении – нельзя. Смерть как акт милосердия – вне закона. А как кара, как наказание – пожалуйста! Здорово у нас получается. Но это все эмоции, а вот и более веские доводы.

Прежде всего, непонятно, за какие именно преступления эта самая смертная казнь полагается. Спросите рядового гражданина, и он ответит: «За убийство, конечно! – А потом подумает, вспомнит о сестрах, дочерях и, наверняка, добавит: – И изнасилование». Башлыкентцы, во всяком случае, полагают это правильным. Многие говорили, что если бы преступник после первого изнасилования был не посажен, а расстрелян, то две маленькие девочки остались бы живы. Вроде бы резонно. Во всяком случае, наказание кажется адекватным дикому преступлению. Но беда в том, что такое уже было и все получалось не так, как задумывалось. Советская власть уже предпринимала попытку давать за изнасилование «вышку». И вопреки надеждам реформаторов количество изнасилований отнюдь не уменьшилось, но зато УВЕЛИЧИЛОСЬ – количество убийств! То есть, насильник, которому уже нечего было терять, теперь еще и убивал свою жертву, устраняя опасного свидетеля. Возможно, в представлении многих дагестанских отцов обесчещенной девушке лучше и не жить, но у самой девушки на этот счет может оказаться иное мнение.

Хорошо, решим, что казнить за изнасилование не надо, а надо только за убийство. Но при этом недурно бы помнить, что и наша система правосудия, и люди, работающие в этой системе, далеки от совершенства. Значит, неизбежны судебные ошибки ценой в человеческую жизнь, а иногда и прямой подлог. Это распространяется не только на российскую систему судопроизводства. По данным американского правозащитного центра Death Penalty Information Center, отследившем статистику за 20 лет, в среднем по 2,5 приговоренных в год оправдывались как несправедливо обвиненные. А что до нашей родины, то достаточно вспомнить громкое дело Чикатило и тех, кто был посажен или расстрелян за его преступления. Защитило себя общество, поспешно пуская пулю в лоб осужденного? Нет. Даже хуже.

После первого расстрела все успокоились – злодей пойман и наказан достойно. Никто уже больше никаких маньяков не разыскивал, и именно это позволило истинному убийце резвиться еще несколько лет. Мало того, когда убийства с тем же почерком возобновились, люди в форме старательно этого не замечали, рассматривая их не как серию, а как отдельные, никак между собою не связанные преступления. Они спасали себя, свои посты и звания и тем самым укрывали и защищали убийцу. Это не единичный случай. И сегодня степень доверия к правоохранительным органам оставляет желать лучшего. По данным Аналитического центра Юрия Левады, который выявлял настроения граждан, только 2 процента опрошенных всецело доверяют правоохранительным органам и считают, что не могут пострадать от произвола. А вот 72 процента считают, что такое вполне может случиться! А ведь произвол - это не только задержание на 15 суток без оснований, но и выбивание под пытками нужных показаний, и подтасовка фактов. Причем, у человека, несправедливо получившего «пожизненное», а такое, знаете ли, случается, – еще остается надежда. Он может писать апелляции, требовать пересмотра дела. А вот если он мертв – это уже навсегда. Непоправимо. Но некоторым на руку. Нет человека – нет проблемы. Мало кто решится вступить в неравную борьбу с системой судопроизводства, выявлять трагическую ошибку, борясь не за жизнь близкого, объявленного преступником, а только лишь за посмертное восстановление его доброго имени.

Что мы потеряем, если откажемся от ветхозаветного принципа «око за око»? Погрузимся в пучину насилия, убийцы, опьяненные «безнаказанностью», будут подстерегать нас за каждым углом? Это вряд ли. Опыт европейских стран показывает, что после отмены в них смертной казни количество особо тяжких преступлений не увеличилось. 64 страны отказались от такой меры социальной защиты, а еще в 26 она хоть и оставлена для устрашения, но не применяется на деле. И ничего. Никакого особенного беспредела не замечено. Приходится предполагать, что в тех, кто кричит «смерть – убийце», говорит вовсе не рациональное желание защитить себя и близких, пусть даже посредством таких жестких мер, а атавистическая, дремучая кровожадность. Стоит ли ей потакать? Мы ведь и без того недостаточно очеловечились. Во всяком случае, мало кому приходит в голову следующий вопрос: а кто должен «исполнять» приговоренного?

Даже в нашем механизированном мире всегда есть конкретный человек, который нажимает на курок, накидывает на преступную шею петлю, вводит в вену смертельную смесь или берется за рубильник, замыкающий сеть электрического стула. Вот с ним что? Как он несет этот груз смертей? Не развивается ли в нем со временем спокойное и профессиональное отношение к отнятию чужой жизни? И чем тогда он отличается от тех, кого казнит? Ведь он такой же убийца, только на государственной службе. Кстати, со времен средневековья

не только сам палач, но и члены его семейства считались отверженными, изгоями. С ними не общались, от них шарахались, как от зачумленных, им не подавали руки, и только крайняя нужда могла заставить человека отдать дочь замуж за палача. Именно поэтому образовывались, так сказать, «палаческие династии». Только сын, который все равно уже с детства принадлежал к касте «неприкасаемых», которому уже нечего было терять, мог рискнуть заняться подобным ремеслом.

И еще одно. Я человек не набожный, не очень верящий в то, что «грехи отцов падут на головы детей», но мне страшно представить, как палач, в чьем сознании отпечатались десятки агоний, предсмертных рыданий или проклятий, приходит с «работы» и наклоняется к сынишке, сидящему за уроками, для нежного отеческого «контрольного поцелуя в лоб».

Казнить – нельзя помиловать

Зарема КАДИЕВА

Преступления случаются разные. Бывает, человек погибает в автокатастрофе из-за неосторожности, невнимательности другого водителя, случаются тяжкие преступления, подобные недавнему башлыкентскому инциденту, когда преступник изнасиловал, а затем и задушил двух девочек восьми и девяти лет. В дальнейшем под понятием преступление подразумеваю случаи, подобные башлыкентскому.

Быть или не быть смертной казни?

Думаю, что смертная казнь нужна, как минимум, по нескольким причинам.

Если хочешь быть понятым, говори на понятном данному обществу языке. Бессмысленно разглагольствовать в африканском Конго на русском языке. Нужно, как минимум, изъясняться на французском. «Когда бьют по щеке, надо в ответ выбить челюсть», – здесь я полностью разделяю мнение знаменитого пианиста Николая Петрова. Если более доступен пониманию язык силы, то пусть говорит этот язык. Интересно, у скольких возникло бы желание бить по щекам, зная, каковы будут ответные действия противной стороны. Совсем недавно матом в Дагестане не ругались. За неосторожное слово можно было остаться без зубов. Зная это, дагестанские мужчины весьма осторожно подбирали слова при конфликтных ситуациях, потому что одно случайно выскочившее могло привести к нескольким трупам и вражде тухумов. Правда, сейчас бесконтрольное использование матерщины привело к утрате ею функции оскорбления. Совершая тяжкое преступление, человек должен «держать в уме», что, творя мерзость, он будет держать ответ, и пострадавшая сторона будет иметь все права на адекватные меры.

Если большая часть общества жаждет физического уничтожения преступника, то так и должно быть. Это его (общества) закон и его преступник. В конце концов, этот закон соответствует укладу и сложившимся традициям этого общества. Каждая семья функционирует по своим внутренним законам, где свои способы наказания. Если эти законы устаревают, вносятся соответствующие корректировки. Так и общество: развиваясь, оно меняется и меняет одни законы на другие. Если в данный момент общество требует смертной казни, то так тому и быть. В конце концов, в своем монастыре каждый вправе устанавливать свой устав.

Если какой-нибудь извращенец издевается над человеком и без всякой мотивации убивает его, вряд ли стоит оставлять его в живых. Во-первых, он может совершить преступление еще раз, во-вторых, вряд ли он будет нужен обществу после подобного случая. Если джамаат (общество) решил отрубить гнилую ветку, то ему без нее лучше и чище.

Еще одна мощная преграда совершению тяжких преступлений – законное право ущемленной стороны смыть оскорбление кровью обидчика. Так сказать, око за око… Кара настигнет. Не какая-то гипотетическая божья, когда-нибудь, а реальная человеческая, и немедленно. Замечательный дагестанский историк Расул Магомедов в своей статье «Джамаат вынесет вердикт» (журнал «Дагестан», №1, 2002) рассказал, как мудро решалась эта проблема дагестанцами прежде. Кара для преступника была неизбежной. Это показатель ценности каждого человека, хотя бы в своей собственной семье, нужности своему роду-племени. Эта семья извращенцам на заклание детей не растит.

Еще один немаловажный, по моему мнению, фактор: отсутствие в государственном законодательстве наказания за тяжкие преступления в виде смертной казни позволяет полагать, что ценность человеческих жизней ничтожна.

Отсидев 5–10 лет, либо откупившись, преступник с легкостью может совершить следующее такое же преступление. Отсидевший срок бывший заключенный рассказывал: «Лежим целыми днями на нарах, ничего не делаем и три раза в день питаемся. Каждое утро для нас (заключенных) открывают мешок сахара. В советское-то время зеки были дешевой рабочей силой, а теперь даже тем, кто на свободе, нет работы. Там отдыхаешь». Помнится, меня возмутил ежедневный мешок сахара для этих тунеядцев, которые, не найдя другой возможности прокормить себя, совершали мелкие правонарушения, чтобы получить гарантированное питание. И в настоящую ярость приводит понимание того, что преступник, ради садистского удовольствия загубивший несколько душ, преспокойненько проводит время до следующего преступления, попутно обучаясь новым зверствам.

Отсутствие смертной казни дает возможность представителям правоохранительных органов интерпретировать закон соответственно «мохнатой лапе». Это дополнительная статья доходов нечестных судей, прокуроров, адвокатов, следователей и прочих преступников, пардон, чиновников. Вряд ли они согласны от нее отказаться.

Есть еще один небольшой пунктик: сохранивши злостным правонарушителям жизнь, государство за счет налоговых поступлений от своих добропорядочных членов, в числе которых и те, против которых было совершено преступление, во-первых, кормит преступника, во-вторых, содержит штат сотрудников,

чтоб охранять его.

Я как добропорядочный представитель общества НЕ ХОЧУ, чтобы на мои деньги кормили, содержали в чистоте и теплоте отщепенцев, которым уничтожить человека легче, чем прихлопнуть мошку.

Светлана Анохина переживает за палача, которого совесть замучает за отправление правосудия. Есть наказания, когда потерпевшая сторона больше мучается не оттого, что изрубила преступника на куски, а оттого, что этого не сделала. Есть преступления, где каждый член общества полагает за честь выступить палачом, как, например, в вышеупомянутом башлыкентском случае, когда один милиционер сетовал: «Зря он его так убил (избил и поджег), теперь у него будут проблемы с законом. Я бы его пристрелил «за попытку к бегству»».

Перед нами – враг!

Абдулазиз АБДУРАХМАНОВ

Есть ли что страшней толпы, устраивающей самосуд, спрашивает корреспондент журнала. Отвечаю: нет, если самосуд вершится над невинным. И есть страшнее – это «возведение в ранг государственного закона» подарка извергу, которого нельзя считать человеком, возможности убивать людей. Общество вправе требовать от созданного им для своей защиты государства выполнения его прямых обязанностей. Нет ничего страшнее государственного закона, который позволяет убийце, преступнику-рецидивисту продолжать жить в обществе, ничем не гарантированном от его новых злодеяний. И это главное. Это главнее, чем просто кара за содеянное. Такой закон страшен, потому что не ограждает общество от посягательств маньяка. Общество вправе требовать от созданного им для своей защиты государства выполнения его прямых обязанностей.

И вот закон посадит убийцу (а может, и не посадит) на несколько лет. Потом он выйдет на свободу, и кто гарантирует, что он не возьмется за старое? Если бы он совершил такое впервые, то еще можно было бы надеяться. Но с рецидивистами все ясно наперед. Вот ответ на довод о возможной судебной ошибке. Если преступник повторяет свое правонарушение, о какой ошибке идет речь! Неизбежная смертная казнь должна ждать именно рецидивиста.

Проблема людей в форме, которые плохо работают, о степени доверия к ним – к обсуждаемой теме не относится. Потому и происходят самосуды, что эта проблема существует. Но если бы исполнялся закон о смертной казни за рецидивы подобных преступлений, уверен, самосуды бы не происходили. Именно из-за такой проблемы общество и берет порой функции государства на себя.

Столь же неоправданно и обращение к опыту европейских стран. Подобные аргументы уже просто возмущают. Неужели не понятно, что между нами и Европой если не пропасть, то довольно глубокий ров. Прежде чем прийти к отмене смертной казни, народы Европы прошли путь, по которому мы только идем. Они уже на той стороне, а мы еще на этой. Нам еще топать и топать. Мы пройдем его быстрее, если воспользуемся тем же, чем пользовались в свое время нынешние европейцы – смертной казнью для убийц-рецидивистов. Перескочить пропасть или ров нельзя, стараясь это сделать, мы будем неизбежно падать, что закономерно и происходит сегодня. Нам нужны законы, которыми пользовалась Европа, чтобы стать той, какая она есть сегодня – законопослушной, стабильной, спокойной, что и позволяет ей теперь отказываться от смертной казни. Нам будет легче сделать это – у нас есть опыт и пример благополучных соседей. Но – медленнее или быстрее – а одолевать существующие проблемы надо. А не заниматься шапкозакидательством. Ведь мы действительно недостаточно «очеловечились», в чем я согласен с корреспондентом журнала. Принятие такого закона нас к варварству не отбрасывает по той простой причине, что мы в нем пока еще находимся. Именно для того, чтобы из варварства выбраться, этот закон и нужен. А «дремучая кровожадность», по ее словам, относится все же не ко всему абсолютно обществу, как она считает, а только к отдельным его представителям.

А что же государство? На самых высоких уровнях законодательной и исполнительной власти гуляет мысль, которой придают бездоказательно статус непреложной истины. Она в том, что кара за убийство смертной казнью не уменьшает число подобных преступлений. Это утверждение бездоказательно потому, что зиждется на статистике, которая стала такой благодаря предыдущему долгому периоду бескомпромиссной борьбы в этих странах с убийствами. Недавно в Россию приезжал генеральный секретарь Совета Европы Терри Дэвис и опять метал громы и молнии, декларируя отказ от наказания смертной казнью в качестве условия вступления нашей страны в сообщество цивилизованных государств. Где бы была Европа, что бы говорил генсек ее Совета, если бы в европейских странах существовал сегодня тот разгул преступности, что имелся в них энное количество лет назад и который наблюдается сейчас в России! Поэтому не следовало бы сотрясать воздух подобными речами: как известно, сытый голодного не разумеет. Кстати, является ли США демократической страной? Похоже, никто этого не оспаривает. Однако же в этой стране существует смертная казнь, и никто опять же ее в этом не упрекает. Поэтому, я считаю, государство должно руководствоваться законом, помогающим ему одолеть существующие в обществе проблемы, и не оглядываться на спокойную Европу, которая решила подобные проблемы раньше нас. Честь ей и хвала. Но не надо мешать нам сделать то же самое, дезориентируя российских законодателей. Нам надо быть выше конъюнктурных сиюминутных соображений, решая жизненно важные для страны задачи. А Европа пусть примет нас в свои объятия такими, как есть. А если не примет сейчас, то пусть немного подождет. Мы к ней придем, когда наведем у себя дома порядок.

Что касается беспокойства о нравственности человека, приводящего приговор в исполнение, то, как говорится, нам бы эти заботы. В таком случае нужно говорить о нравственности солдат, защищающих от врага свою страну. Недавно на Мамаевом кургане в Волгограде с почестями захоронили прах снайпера Зайцева, уничтожившего за 2-3 месяца более 200 фашистов. Разве есть проблемы с его нравственностью? Он изгой? Ему не подавали руки? От него шарахались? Нет! Он уважаем обществом, так как оберегал своих сограждан от врагов. Как солдат, так и человек, приводящий приговор в исполнение, защищает себя и других от жестоких убийц. Каждый такой преступник – наш общий враг.

Марьям
ХАЛИМБЕКОВА

...ÏÅÐÅÄ ÍÅÁÛÒÈÅÌ...

Не бывает чужой смерти: каждая становится репетицией нашей собственной, и, как хорошие актеры, мы всякий раз оставляем частичку своей души в этих сыгранных ролях.

После ухода дорогих людей остается выжженное поле, дыра. Вот и живем дальше продырявленные, зажмурившись от нависающего над нами кошмара: так, закрывая глаза, наивно прячутся от чего-либо напуганные дети. А ребенок взрослеет тогда, когда впервые осознает свою смертность. И сколько бы ни было на нашу голову религиозных откровений, каждая кончина становится чудовищным открытием. Вот она – везде и всегда – протяни руку и упрешься в ледяное тело Той, что всегда и незримо рядом, в неусыпном бдении.

«Невыносимая легкость бытия», завораживающий шепот потустороннего, бесплотного и одновременно никакой метафизики: окостеневшее тело, провалившиеся рот и щеки, нижняя челюсть, провисающая в вечном недоумении перед свершившимся, незакрывающиеся глаза с выражением нездешней тоски, несгибающиеся колени и много других пугающих и обыденных «не»…

После первого шока на ошеломленную семью умершего обрушивается поток соседей, родственников, знакомых, неведомо по каким скоростным путям узнающим дурные новости. Принимающим соболезнования приходится крепиться и при этом утешать соболезнующих.

И начинает свой бешеный разбег карусель из ритуалов и традиций, не дающая опомниться и задуматься над случившимся.

Омовение тела – воплощенное торжество цинизма: деловитое очищение окаменевших тканей, перевертывание вдруг отяжелевших чресл, надевание памперсов на старческие кости как очередная издевка не ведающей ни к чему почтения смерти. Наконец, облачение равнодушно-покорного тела в одежду, белую ткань – отныне никаких рисунков…

Если захоронение не произошло вовремя, тело до утра оставляют дома, – бессмысленная дань ритуалу и растянутая пытка над родными, ночью пытающимися забыть свое участие в дневном кошмаре. Заходя по необходимости в комнату, каждый из них старательно отводит взгляд от тела под своими заплетающимися ногами и жмется к стене, ощущая его необъяснимое притяжение: смерть столь же притягательна, сколь и некрасива. Так и лежит немыслимо маленький сверток с нелепым зеркальцем на скрещенных руках – кокон в ожидании новой формы жизни; старость, вернувшаяся в пору запеленатого младенчества.

Перед дорогой на кладбище прощание с телом. В забитой до отказа комнате мысль не о прощании, а желание скорейшего избавления от растянувшегося спектакля в прямом эфире. Мучительное чувство неловкости и фальши на собственном лице от неумения публично демонстрировать чувства под надзором стольких ожидающих и вопрошающих глаз. Подавление естественных порывов горя строгим напоминанием самому себе о запрете плакать над лицом умершего: рыдая, надо трезво следить за расстоянием от мертвого лица, чтобы не осквернить его своими слезами. А лучше вообще не плакать, чтобы не гневить Бога: смерть – это, знаете ли, великая благодать...

При выносе подогреваемая всеми, а потому не совсем искренняя, истерия. Свернутый ковер, который мужчины обыденно выносят из дому, уборка старых вещей – как добрая традиция под Новый год. Запоздалое озарение – это же Он (Она), превращенный(ая) каким-то злым фокусником в ОНО! И такие же запоздалые слезы, ощущение упущенного поезда, уезжающего безвозвратно.

Тем временем родня хозяев начинает стихийно разбиваться по тухумам на враждующие

лагеря, вяло грызущиеся в ходе решения практических вопросов. Оказывается, двое не стали одним, несмотря на многолетний стаж общежития. Все будто участвуют в едином негласном сговоре, по которому роли распределяются наспех и наобум: плакальщицы, поварихи, подавальщицы, учителя, рабсила, – периодически все они меняются местами, из эксплуататоров стремительно превращаясь в эксплуатируемых.

С первого же дня насущные проблемы сокращают трагедийные масштабы до размера карликовых. Главной заботой становятся экономические подсчеты, раздача садака, пропитание. Гнетущая атмосфера причастности-обреченности каждого на смерть, неведомо как сублимируется в деловую возню на кухне. Забивая просыпающийся животный страх и панику, люди окунаются в спасительные житейские хлопоты: мысли о Неотвратимом, о неуклонно Приближающемся, отодвигаются на второй, третий, «надцатый» план.

Родственники становятся вдруг бесконечно чужими с их будничными досужими разговорами. Сквозь подобающую случаю скорбь то и дело пробиваются с неуклонно нарастающей частотой и интенсивностью шутки и смех, ненадолго прерываемые воспоминаниями о приличии. Постоянное встряхивание себя: «не улыбаться!», «не трепаться!», «не пялиться!» Приличия, приличия, приличия…

Вокруг кастрюль с кипящей водой кипят нешуточные страсти. Звучит множество советов и рецептов, но ответственность за приготовление берут на себя единицы, и остальные следят за ними со скрытым азартом в предвкушении оглушительного провала. Колдовство над гигантскими котлами с едой вытесняет горе, и его выплески со стороны приходящих наблюдаются с интересом, почти по оценочной системе: кто наиболее эффектно выразит свое сочувствие. И тут же обсуждение, кто и кем кому приходится, естественная радость при встрече с теми, кого видишь только на свадьбах и похоронах, то есть несколько раз в жизни. Дом умершего становится площадкой для завязывания бесполезных знакомств: матери представляют своих детей тем, кто, наверняка, больше им уже не встретится.

Мужчины скучно топчутся на улице и вполголоса травят байки. Если не повезет, то стоять им сутками на морозе: тогда они имеют очень жалкий вид, и все их мысли, как правило, сосредотачиваются на тепле и пище. После прихода нового лица все присутствующие заученно поднимают руки для молитвы, и по выражению каждого можно легко догадаться, кто читает суры, а кто – «у лукоморья дуб зеленый…» За столом этот обряд повторяется, но из-за царящей во всем неорганизованности дожидаются не всех, и некоторые произносят священные слова, давясь недоеденным куском пищи. Уходят, с тоской оглядываясь на еще дымящийся стол.

Изощрение и неуместная роскошь в блюдах, чье-то обязательное недовольство («слишком мало» – «слишком много», и т. п.) Женщины судорожно накрывают и убирают со столов, натыкаясь друга на друга и стукаясь тарелками, как доспехами. По сути, все только мешают друг другу и создают лишнюю суматоху там, где справились бы двое. Но стоять в стороне от процесса как-то неловко, и каждая, открыв забрало, кидается в самую гущу тел и орудий кормления, внося личный вклад в столпотворение и неразбериху.

Главная комната с женщинами гудит как улей: тут и там возникают группировки по интересам, где ведутся самые разнообразные беседы. Лица у всех оживленные, раскрасневшиеся, выражение глаз почти кровожадное: кажется, мало кто помнит причину собрания. Каждая выискивает «своего», и, ловко выхватив растерянного посетителя из толпы, берет его под свое крыло, чтоб проконтролировать все его перемещения по дому. Среди этого разношерстного, жужжащего соцветия особенно одиноко и отрешенно выглядят безмолвные фигуры самых близких умершего, почти вдавленные в стены в зародышевых позах боли. На их меловых лицах – застывшая маска испуга, а глаза сухи и расширены.

Семь дней превращаются в один долгий муторный день с повторяющимися лицами и действиями, – черная похоронная мистерия, бездарная буффонада, состязание тщеславий, подсознательные усилия отгородиться от ужаса свершившегося…

А после – разом опустевший дом и неожиданное осознание спасительности недавней оскорбительной, казалось бы, возни. И перебирание в звенящей тишине, как четок, самых болезненных воспоминаний, усугубляемых бесконечными «если бы…» И слезы, не видимые никем, не приносящие облегчения. И попытки смириться, найдя всему разумное объяснение. И борьба с собственным бессилием длиною в жизнь.

Что, в сущности, мы знаем о людях, с которыми живем бок о бок годами? Попроси кто нас описать их подробнее, мы затруднимся ответить, заблудившись в деталях таких, казалось бы, привычных лиц. Мы так беззастенчиво погружены в себя, так увлечены своими маленькими трагедиями, что забываем о существовании таких же маленьких вселенных по соседству. Да, человек – это целый мир, но это не весь мир: параллельные миры не пересекаются, но это не означает, что их вовсе нет.

Место умерших мы стараемся заполнить новыми привязанностями и спасительными теориями о посмертном существовании. Разнообразим самообман, но иногда словно просыпаемся ото сна в холодном поту: где вы, любимые? Где буду я?

Когда умирает дорогой человек, так трудно разжать руки, отпуская его. Еще труднее отпустить и простить себя; если бы от раскаяния умирали, лечь бы давно всем в могилу вслед умершим. Но по ту сторону черты холодно и темно; а «если долго вглядываться в пустоту, пустота начнет вглядываться в нас». Этот путь заманчив, как щекочущий страх высоты, но губителен, как падение.

Главное – не откладывать жизнь на потом: завтра я попрошу прощения, совершу подвиг, скажу самые заветные слова – что-то несказанно нежное, смиренно-покаянное – но только завтра.

А что, если завтра не наступит никогда?

Изумруд АТАЕВА

ТЕ, КОТОРЫЕ ЗА ГРАНЬЮ...

Оборванный, жалкий, с нечесаной сальной гривой волос, получеловек-полузверь. Мутноватые глаза обращены то к земле, то к небу. Грязные руки с огромными, похожими скорее на кошачьи когти, ногтями, заметно подрагивая, совершают в воздухе странные пассы. Он угрюмо слоняется от магазина к магазину, сопровождаемый собакой. Поговаривают, что под этой «личиной» скрыт ум настоящего философа, изрекающего почти «библейские истины». Возможно, что это недалеко от истины, ведь пустой желудок предрасполагает к размышлениям. Он – БОМЖ – местная «достопримечательность», эдакая неотъемлемая часть улицы, данного района. Но стоит пройти сотню метров, и вам обязательно встретится создание, как две капли воды схожее с моим «знакомцем». Бомжи уже давно стали неотъемлемой составляющей современной России, частью нашей жизни, своеобразной данью рыночной реальности. Большинство бомжей – трудоспособного возраста. Встретить их можно, как правило, на вокзалах, рынках крупных городов, там, где крутятся большие деньги и есть шанс «заработать».

Сегодня «армия бомжей» насчитывает до четырех миллионов. И не все из них алкоголики и тунеядцы, как принято считать. Большинство – в прошлом добропорядочные граждане, бывшие интеллигентные люди, которые, вопреки обывательской логике, не преступники по отношению к себе, а жертвы экономических катаклизмов, политической неразберихи 90-х годов прошлого века, приведшей к массовой миграции граждан бывшего Союза, обернувшейся личной трагедией тысяч людей. В последнем десятилетии прошлого века было совершено столько сделок с недвижимостью, что в результате тысячи жителей мегаполисов оказались выброшенными на улицу, без имущества, без средств к существованию. Многие в прошлом занимали значимое общественное положение. Среди бомжей частенько встречаются юристы, инженеры, архитекторы, гуманитарии… «Рекрутами Армии бездомных и нищих» часто становятся интеллигентные, образованные люди, которые оказались не в силах противостоять произволу чиновников, правоохранительных органов и просто богатых, а потому сильных людей.

Они были такими же, как и прочие советские граждане – имели материальные накопления, впоследствии конфискованные не только бандюганами, расплодившимися в «постперестроечную разруху», но и «родным государством» в лице Сбербанка СССР. Вряд ли кто из них мог предположить, в каком положении окажется в период построения «нового правового государства», памятуя о народной мудрости – «не зарекаться от сумы и от тюрьмы»! (Поговаривают, что и внучка генсека Леонида Брежнева, Валерия, оказавшись в долговой западне, не имея ни жилья, ни работы, была вынуждена скрываться от кредиторов). Некоторые стали жертвами аферистов, которые по подложным документам оформили куплю-продажу жилья и выставили хозяев на улицу. Других же родные дети ради собственных выгод бросили на произвол судьбы. Отсутствие правовой защиты, невозможность добиться справедливости привели их в стаю деклассированных элементов, положив начало последующей деградации.

Говорят, что только в счастье все люди одинаковы, а в горе – разнолики. Да, беда у каждого своя, вот только сценарии личных трагедий будто писались одним автором.

Большинство из бомжей, оголодав, промерзнув, настрадавшись от побоев, борьбы за кусок хлеба и крышу над головой, готовы добровольно стать РАБсилой для любого, кто к ним обратится. Чем, собственно, и пользуются уже не одно десятилетие многие предприимчивые граждане, задействуя «рабов-добровольцев», начиная от стро-

ительства дома, кончая элементарной помощью по хозяйству. Подобное «полюбовное» сосуществование с «хозяином» не противоречит российским законам. Хотя, порой, подобное сотрудничество более гуманно и выгодно для самих бомжей: нередки случаи, когда после заключения такого союза они бросают пить, поскольку есть занятие, которое и отвлекает, и держит в тонусе. Есть еда, есть ночлег. Появляется бытовая определенность. Безусловно, что дальнейшее зависит от богобоязненности опекуна и от дальнейшего поведения его «раба». По всей России во всех регионах этой рабсилы достаточно. Особенно ее много там, где животноводство и аграрный сектор экономики более развит.

Дагестан, видимо, вдохновленный примером соседней Чечни, уже давно и активно, и полулегально практикует подобное «трудовое законодательство», подтверждение чему то и дело выдают региональные и центральные СМИ. Мне вспоминается история, услышанная несколько лет назад. Как-то житель средней полосы России попал в хозяйство одного из наших земляков. Беспробудный пьяница, оказавшись востребованным в неволе, как ни странно, бросил пить, усердно работал, помогая хозяевам по дому: строил, ухаживал за скотом, за приусадебным участком и за несколько месяцев «рабства» преобразился – прибавил в весе, лицо приобрело здоровый румянец, движения стали четкими, спортивными. Со временем на приусадебном участке возвел себе небольшой домик. Переняв образ жизни «хозяина», приобщился к исламу и считал себя членом «хозяйской» семьи. Не ограниченный в свободе, он мог ездить за продуктами в город, выполняя мелкие поручения. Его жизнь словно поделилась. В прошлом остались сын и дочь, выставившие пьющего папашу на улицу. Причина была банальна – дом отца с участком, который они позже благополучно продали. В будущем – надежда и мечты о лучшей жизни. Спустя несколько лет проживания в Дагестане он изъявил желание совершить хадж, на что «хозяин» с радостью согласился и даже дал денег. Возможно, он и осуществил бы задуманное, если бы не «доблестные» российские пограничники, снявшие бедолагу с автобуса, жестоко избившие его за… измену православной вере! Выброшенный «законниками» на обочину трассы Ростов-Баку, обобранный, едва живой, он вернулся к «хозяину». Вскоре началась «антитеррористическая операция» на Северном Кавказе, и правоверный мусульманин вопреки уговорам «хозяина»(!) подался в Чечню. Защищать братьев по вере! По свидетельствам очевидцев, одно его появление в местах содержания военнопленных приводило тех в панический ужас. Жесточайшим образом избивая узников, он словно мстил тем «уродам в форме», что когда-то также бесчеловечно обошлись с ним самим. «Я знаю, как с ними разговаривать!» – эта фраза почти всегда предваряла экзекуцию. И не важно, что калечил он таких же жертв, как и сам, ведь так он мстил своим обидчикам, всему обществу: детям, предавшим родного отца, друзьям, сослуживцам, землякам, брезгливо открестившимся от чужой беды. Изуродованный ими, он сам калечил физически и морально других.

Говорят, что люди, противопоставленные социуму, – по сути своей изуверы, моральные уроды. Именно поэтому мы так стремимся побыстрее пройти мимо нищих попрошаек, предпочитая откупаться от их навязчивого приставания. Нам отчего-то кажется, что именно с нами ничего подобного произойти не может, потому что мы – это мы, а они – это они! Что наш налаженный быт, точно спрограммированный, с четко очерченными перспективами на будущее, дарует нам ощущение защищенности, хота она, по сути, является категорией относительной! Несколько лет назад мой друг, возвращаясь из армии через Москву, решил наведаться в гости к знакомым. До определенного момента все шло хорошо, пока ему не повстречались доблестные стражи порядка. Углядев в паспорте «дембеля» (русского по национальности!) кавказскую прописку и отсутствие регистрации (абсолютно не нужной, учитывая, что пребывание в столице длилось не более пары недель, а сам «гость» как раз направлялся на железнодорожный вокзал за билетом), – они банально обобрали парня, посмевшего нагрянуть со своей «кавказской рожей» в столицу. Возмущенный милицейским произволом и попытавшийся оказать «сопротивление» «блюстителям» законности, оставшись вечером с тридцатью рублями в кармане (милостиво пожалованными сострадательными милиционерами), парень остался ночевать на вокзале. Потратив деньги на гамбургер, решил, что утром пешком доберется в другой конец города, дабы одолжить денег на билет. И тут к нему подошли «вокзальные гавроши», попросившие поесть. Раздосадованный и униженный, испытавший на своей шкуре, что значит быть «нищим», он поделился с просителями своим гамбургером. Увидев его плачевное состояние, те поинтересовались, «чё, мол, пацан, поиздержался?». Он рассказал о встрече с «благородными» милиционерами. Гавроши испарились и, материализовавшись буквально через двадцать минут, принесли не только сигареты, еду, но и денег на билет!

> ***«Он раб! Но, быть может, душою он свободен. Он раб! Покажи мне, кто не раб. Один в рабстве у похоти, другой у скупости, третий – у честолюбия и все – у страха».***
>
> ***Сенека***

Подобных примеров можно привести массу. И все они будут в чем-то схожи, а в чем-то кардинально отличны. Да и комментарии к ним будут разниться, в зависимости от нашего жизненного опыта и этических критериев… Да и не в них суть, а в том, что мы, зарываясь в ворох собственных проблем, теряем одну из особенностей человеческого вида: умение сопереживать чужой беде и делать добро не в долг, а просто по велению сердца.

Помню, как недавно, в разгар самых лютых

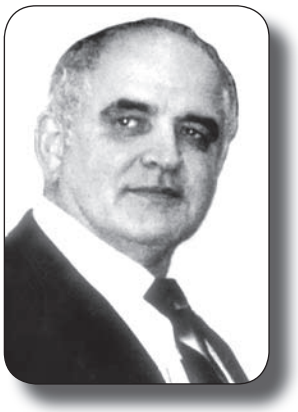
холодов мне на глаза попалась дагестанская газета, с обложки которой раздавался призыв к землякам проявить сострадание к нищим в такие морозы. Мне подумалось тогда, что несмотря на жесткость и прагматичность нынешнего времени, наш народ все-таки сострадателен. А вот чиновничье племя вряд ли снизойдет до проблем простых смертных, тем более, что они как бы и не существуют. Ведь человек без паспорта и прописки для государства – все равно, что вакуум: он не осязаем! И я решила узнать, есть ли в Махачкале, одном из городов России, учреждение, хотя бы отчасти занятое проблемами бомжей. Для пущей безопасности беру в провожатые коллегу.

Так мы оказываемся у приюта для бомжей, именуемого официально Центром социальной помощи лицам без определенного места жительства и расположенного на одной из улиц «Махачкалы-первой». Старое добротное здание сокрыто от любопытных глаз другими постройками да массивным забором, ограждающим территорию. На пороге нас радушно встречают руководительница приюта А.О. Алиева и ее немногочисленные помощницы, его работницы. Как оказалось, приют существует уже более двенадцати лет. Подведомствен он Министерству труда и социального развития. Попадают сюда люди из больниц, из милицейских отделений и прямо с улиц. Кто-то приходит сам: достаточно прийти в соответствующий отдел и подать заявление. Но даже при отсутствии направления, завизированного министерством, просителям не отказывают в помощи. Кого-то работники приюта буквально отлавливают на улицах. За эти годы через приют прошли сотни бомжей разного возраста, социального происхождения, жертвы различных житейских ситуаций. Только за прошлый 2005 год здесь побывало 297 человек, из которых 260 – мужчины и 37 – женщины.

Имущественные лишенцы, бывшие зеки, выпускники детдомов и просто искатели приключений (бывают и такие), они, как правило, рано или поздно оказываются в этом заведении, рассчитанном на 40-50 койко-мест. Здесь им обеспечены кров, ночлег (кровать, постель, одежда), приличная кормежка и самое главное – медицинский осмотр. Приют тесно сотрудничает с больницей порта, где бомжи проходят не только обязательное освидетельствование, но и получают необходимое лечение. При наличии серьезных заболеваний пациентов распределяют по спецпрофилакториям и клиникам. И это очень существенно – ведь скитаясь и попрошайничая, не имея ни денег, ни медицинского полиса, бомжи не могут обратиться за помощью. Как показал недавний случай в Каспийске, где врачи «скорой помощи» отказались помочь больному бомжу, и он погиб: изгой не вправе рассчитывать на квалифицированную медицинскую помощь!

Все без исключения обитатели центра – это очень больные люди. Несмотря на разношерстность публики, пристрастной к выпивке, не гнушающейся «хорошей драчки» и «шерстки по карманам», здесь практически не бывает драк, воровства, попоек. И это при полном отсутствии охраны! Видимо, человечное отношение персонала к подопечным ценится бомжами выше всего! Да и тот факт, что сама руководитель Центра Алла Олеговна – дипломированный психиатр, за плечами которой не один год работы в психоневрологическом диспансере, дает о себе знать. Ведь прошедшие «школу жизни» здешние обитатели все без исключения пребывают в состоянии пограничной психики и нуждаются в коррекционной психотерапии. Всем приютским выправляются новые документы взамен утерянных, оформляются пенсии по старости, по инвалидности. Естественно, процесс реабилитации социальной, медицинской и душевной не укладывается в рамки отведенных для этого двух недель, он растягивается на один, а то и несколько месяцев. Оказывается помощь в розыске родственников. Работники выступают спонсорами поездки домой, помогают в трудоустройстве тем, кто в состоянии работать, распределяют по спецчреждениям – в дома ребенка, в дома престарелых, в пансионаты для душевнобольных (если есть необходимость). Как оказалось, среди подопечных приюта 70 процентов (!) – этнические дагестанцы, нередко старики и дети, ставшие жертвами «имущественных войн». Определенный процент среди приютских – бывшие «наемники», которых, максимально использовав, работодатель лишает не только заработка, но и документов. В приюте всячески пытаются помочь таким людям. Делая эту работу, они отрабатывают грехи общества, пытаясь вернуть этим людям веру в себя, в других людей, в добро, надежду на будущее.

Нет, не все потеряно. Более того, познакомившись с приютом, начинаешь верить в то, что до сих пор казалось утраченным.



СУННАТ: ИСТОРИЯ И СУЩНОСТЬ

Мухаммад АБДУЛ-ХАБИРОВ, доктор медицины

СУННАТ – ритуал обрезания – удаление крайней кожной плоти у мальчиков. В латинском языке есть свой аналог сунната – «циркумцизия» – «резать по кругу». Сегодня шестая часть мужского населения планеты подвергается обрезанию. А возник этот обычай еще за 3 тысячи лет до рождения Христова и за 4 тысячи лет до рождения пророка Мухаммеда. В первобытном обществе ритуал обрезания сопровождался испытанием голодом, болью и был частью обряда посвящения юношей во взрослых мужчин.

Еще древнегреческий историк Геродот утверждал, что «обряд обрезания соблюдали еще с незапамятных времен египтяне, колхи, эриты». Обрезание – едва ли не самая древняя операция в истории человечества. Производили его еще 5000 лет тому назад – в древнем Египте. Свидетельство тому – фреска «Ритуал обрезания» из древнеегипетского погребения. Сначала процедура служила чем-то вроде знака духовного отличия, избранности. Удостаивались ее только верховные правители Египта и жрецы.

В своей книге «Чудо природы – человек» профессор С.Ю. Сафаров пишет: «Пифагор – самый образованный сириец своего времени, философ и математик, живший в VI веке до н.э., прибывший в Египет посетить древние храмы, получил доступ туда лишь после того, как был удостоен обрезания».

Обряд сохранился у многих народов Австралии, Океании, Африки, Индонезии, Среднего и Ближнего Востока, России и других стран.

Религиозная подоплека ритуала обрезания восходит ко времени пророка Авраама.

Согласно Библии, Бог повелел: «Сей есть завет Мой, который вы должны соблюдать между мною и между вами, и между потомками твоими после тебя: да будет у вас обрезан весь мужской пол. Обрезайте крайнюю плоть вашу: и сие будет знамением завета между мною и вами. Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас, в роды ваши, всякий младенец мужского пола... и будет завет мой на теле вашем заветом вечным. Не обрезанный мужского пола, который не обрежет крайней плоти своей, истребится душа та из народа своего, ибо он нарушил завет Мой» (Библия, Бытие, глава 17, стихи 9-14).

В ранние библейские времена обрезание делали особыми каменными ножами, и лишь позже их заменили хирургическими инструментами. В исламской умме – «обрезание стало, в известной мере, критерием ислама» (профессор А. Массе, Франция). Согласно исламу, обряд является одним из одобряемых и соответствующих религии поступков (сунна). Позже ритуал стал для мусульман обязательным и был приравнен к статусу семейного праздника.

В главе «Обрезание» (книга «Ответы на ваши вопросы об Исламе») имам Московской Мемориальной мечети Шамиль Аляутдинов так отвечает на вопрос читателя: «Обрезание является религиозной традицией, начатой пророком Абрамом. Этой же теме посвящено множество хадисов пророка Мухаммеда. Один из них гласит: «Фитра» (ритуальная догма) – полоскание рта, чистка зубов, промывание носа, стрижка ногтей, удаление волос под мышками, стрижка волос на лобке и обрезание». А имамы аш-Шадии, Малик и Ахмад считали, что «обрезание, по своей важности, близко к обязательному (ваджит). Верующий, не сделавший его, хотя и является мусульманином, но считается большим грешником».

Традиции остаются традициями, вне зависимости от религии, и обрезание пропагандируют не только мировые религии – ислам и иудаизм, но и медики – онкологи, дерматологи, сексопатологи, хирурги, урологи и др. Объясняется это и тем, что обрезание является исключительно запоминающимся актом, полезным для будущего мужчины, для его гигиены, потенции и здоровья.

Дело в том, что у необрезанных мальчиков и мужчин часто возникают бактериологические, стафилококковые, дрожжевые и гонорейные инфекции, приводящие, зачастую, к общему воспалению. Эрозии и язвы головки и крайней плоти (фимоз, парафимоз и баланопостит) – все это последствия пренебрежения обрезанием. Как правило, инфицирование крайней плоти сопровождается изнурительным зудом, хроническим рубцеванием и болезненным сужением крайней плоти. Список страшных заболеваний, возникающих в результате инфицирования, можно продолжать до бесконечности.

Общепризнанный факт – у народов, практикующих обрезание, рак полового члена не встречается, при этом значительно реже возникает рак гениталий и у их жен. Жены обрезанных мужчин, как правило, избавлены от грибковых, гнойных заболеваний.

По данным американских врачей, обследовавших более 200 тысяч мужчин в военных госпиталях, инфекции мочевыводящих путей в 11 раз чаще встречаются у необрезанных мужчин.

Обрезание широко практикуется во многих странах мира не только по религиозным канонам, но и по гигиеническим, эстетическим и медицинским показаниям. В настоящее время в США высок культ здоровья. Опасаясь онкозаболеваний, многие американцы совершают обрезание вне зависимости от их религиозной принадлежности. Операция значительно снижает опасность инфекций, ночного недержания мочи и других заболеваний.

В Америке особой популярностью пользуется послеродовое обрезание: ежегодно ему подвергаются около 1,2 миллиона мальчиков.

Каждые 5 минут в мире совершают 120 обрезаний! Интересно, что мужчины, прооперированные уже в зрелом возрасте, единодушно отмечают явное улучшение потенции, гармонизацию отношений в семье. По признаниям обрезанных мужчин, их вполне устраивает и внешнее изменение органа: окаймленный короноподобным рубцом, он приобретает большую эстетическую привлекательность и улучшенную функциональность. Огрубевший после обрезания нежный покров головки становится менее чувствительным, более стойким к механическим повреждениям, способным к удлиненному хронометражу действия, что немаловажно для семейного счастья (семейному благополучию в исламе придают большое значение).

В интервью газете «Мусульмане Сибири» (2000 г.) переводчица смыслов Священного Корана, академик Валерия-иман Порохова, говоря о доброжелательных взаимоотношениях между мусульманами и местными администрациями, подчеркнула: «Объясняя нужды мусульманских общин на чиновническом уровне по выделению помещения для совершения обряда обрезания, надо объяснить, что оно провозглашено не только в Коране, но и в Библии. Надо открывать им Библию и показывать: «Непременно будет обрезан в доме твоем младенец мужского пола, и будет это в моем и вашем теле заветом вечным». Господь именует завет обрезания, как вечный. Надо говорить, что вся американская армия сейчас обрезана, равно как и большая часть гражданского населения – это гигиенично и полезно для здоровья организма, а значит и практично».

Стоит помнить, что обрезание является хирургической операцией, которая, пусть и редко, все-таки может привести и к осложнениям. Обращение к неопытным, а то и вовсе не имеющим хирургической квалификации людям чревато послеоперационным шоком, кровотечением, нагноением и даже обрезанием головки.

Операцию рекомендуют делать только здоровому ребенку с соблюдением стерильности и полным обезболиванием, перевязкой сосудов, поэтому отношение к операции не должно быть поверхностно-легкомысленным. От лазерного обрезания лучше воздержаться, поскольку лазер не обрезает, а сваривает мягкие ткани. Воздействие лазерного излучения на головку чревато и «свариванием» головки. Ко всему прочему не до конца исследовано и воздействие лазера непосредственно на гормональное функционирование мужского организма. Сегодня даже безопасность воздействия электромагнитных волн мобильных телефонов на здоровье человека вызывает у медиков многочисленные сомнения. Здесь уместно вспомнить слова Пророка: «Исцеление – в трех вещах: глотке меда, кровопускании и прижигании огнем. Но я запрещаю моей общине прижигание» (лазерная хирургия – это и есть хирургия прижигания).

В Турции создан даже свой Институт Обрезания, финансируемый частными инвесторами. Огромное значение ритуалу придают и в Израиле, откуда в Россию для его проведения приезжает хирург, специализирующийся на ритуальной операции.

Обычно, заживление раны после обрезания происходит в течение двух недель. Строгое соблюдение стерильности обязательно как во время операции, так и в послеоперационном периоде. Любопытно, что сроки проведения операции у различных народов также разнятся: в арабских странах – это первые же недели и месяцы от рождения, у народов Кавказа и Средней Азии обрезание происходит обычно в возрасте 3-7 лет, и даже 12-14 лет.

В главе «Неприкасаемость жизни и органов человека» из книги «Большая исламская научная энциклопедия» (редакция Гуддиса Сирраху) написано: «Дело Хитан (обрезание) является полезным и оказывает помощь человеку и чистоте. «Хитан» – это признак ислама. Установленный возраст обрезания у мальчиков – от семи до двенадцати лет. Допустимо обрезание и в раннем возрасте. В шариате говорится, что ответственность за совершение обрезания у мальчиков до того, как они станут совершеннолетними, лежит на родителях, родственниках, близких и опекунах, а после совершеннолетия – на самом мужчине».

Ошибочно утверждение о том, что маленькие дети не испытывают боли. Боль ощущает даже плод в утробе матери.

Обрезание мусульман в зрелом возрасте, в 20-40 лет, шаг осознанный и радостный, поскольку признан по исламу богоугодным. Считается, что в этом случае заживление происходит быстрее и без осложнений.

В русской версии книги: «Некоторые проекты научных исследований по методам лечения, почерпнутым из Священного Корана и Сунны Пророка» (Ассоциация «Исламский Мир») написано: «На седьмой день после рождения аль-Хасана и аль-Хусейна посланник Аллаха заколол овцу в их честь (своих внуков. – *М.А.*) и сделал им обрезание (хатана)».

В эпоху советско-коммунистической идеологии эта операция была запрещена. Для ее проведения требовался созыв консилиума врачей с обязательной директивой главного врача (делалось это не только по медицинским причинам). В противном случае родственников снимали с государственных и партийных должностей.

Хотя в Библии имеется четкое предписание,

христиане не придерживаются данного ритуала. Это притом, что с 12 века к крайней плоти Христа христианство относилось как к реликвии, а обрезание Христа церковь отмечает ежегодно 1 января – через восемь дней после Христова рождения.

«По прошествии 8 дней, когда надлежало обрезать Младенца, дали ему имя Иисус...» (Библия, Новый Завет, Евангелие от Луки, «Жизнеописание Иисуса», глава 2, стих 21). До 1960 года этот день называли «Праздником обрезания Господнего». Позже он был переименован Ватиканом в «восьмидневье с рождения Господнего». Несмотря на обрезание Христа и 12-ти его Апостолов, папы римские и католический мир предпочли не расставаться с крайней плотью. Поступки Христа и его апостолов, а также предписание Библии в данном вопросе людьми подменены на ритуал крещения (погружение младенца, юноши или мужчины в святую воду в религиозной обстановке). После вознесения Иисуса Христа в христианской общине возникли споры вокруг обрезания. Тогда же на совещании в Иерусалиме Павел, другие апостолы и священники приняли решение об отмене обрезания. «Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников» (Библия, Новый Завет, Деяния святых Апостолов, глава 15, стих 19).

Кстати, в Евангелии говорится и об обрезании Иоанна Крестителя: «В восьмой день пришли обрезать младенца, и хотели назвать его, по имени отца его, Захарием. На это мать его сказала: «а назвать его Иоанном» (Евангелие от Луки, глава 1, стихи 59-60). Таким образом, люди скорректировали божье предписание: «Не прибавляйте к тому, что я заповедаю вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа Бога вашего».

Кстати, наряду с мужским существует и женское обрезание. Обыватели и бульварные СМИ нередко приписывают женское обрезание мусульманам, тогда как Ислам категорически отвергает традиции некоторых африканских племен отсекать клитор с малыми половыми губами у девочек ради снижения их темперамента. Что, по сути, является кастрацией женщин.

«Только в Эфиопии живет около 5 миллионов женщин с изуродованными в результате зверской процедуры половыми органами. А во всем мире, по оценкам ВОЗ, таких женщин более 100 млн. Раньше на Руси такое насаждали разве что изуверы из секты скопцов» (профессор С.Ю. Сафаров).

Не имеет также никакого отношения к исламу и обычай австралийских аборигенов калечить половой орган у юношей, разрезая фаллос вдоль всей нижней его стороны. Надо особо отметить, что любой вред здоровью в исламе не только не приветствуется, но и категорически отвергается. Ислам также не имеет ничего общего и с обычаем высушивания крайней плоти, долговременным ее хранением, и уж тем более – с проглатыванием ее родственником ребенка. Ничего исламского тут нет, ибо по канонам ислама все человеческое должно быть захоронено, в том числе все то, что удаляется во время операции.

Письмо в редакцию

Если судьба пожелает измываться над ребенком, то она еще при рождении награждает его физическими и психическими недугами… В этом случае ему уготована пожизненная мука, горечь от обретенного. Горше этого может быть лишь сиротство. Сердце каждого, кто познал его, уже не может остаться равнодушным к судьбе осиротевшего. Лично я ощущаю боль за каждого из них, поскольку сам пережил ад сиротства.

Летом прошлого года в высокогорном хуторе Цуйди, что на вершине дагестанской горы, умер от гангрены пастух, а его молодая жена – Патимат Магомедова (ей всего 28 лет) осталась одна с четырьмя детьми-дошколятами в разрушенном хуторе. Самой младшей всего-то несколько месяцев – Загида родилась в июле 2005 года.

Отец Гелани – покойного мужа Патимат – Магомед (Хаштико) не ушел из Цуйди, когда его односельчане в поисках «легкой» жизни в городе и на равнине покинули хутор. Хаштико счел, что нельзя сиротить родной хутор, и потому остался жить в Цуйди. Гелани рос достойным сыном и тоже остался верен Цуйди – хутору, который вошел в историю, прославившись тем, что сюда во время Кавказской войны наравне с аулом Акнада в Цумадинском районе ссылали опальных мюридов и пленников.

Однажды, во время выделки туши заболевшего быка Гелани случайно поранился, началась газовая гангрена. Но даже ампутация руки не спасла его… В предчувствии смерти Гелани попросил любимую супругу хотя бы в течение года не покидать Цуйди. Верной завещанию мужа Патимат в одиночку пришлось туго (у Гелани не было ни брата, ни сестры), поэтому к ней на выручку пришел отец, переехавший к дочери.

А как же мы? Кто мы? Очерствелые эгоисты или люди с совестью? Как сложится судьба этой осиротевшей семьи? Ее горе касается нас? Чем каждый из нас может помочь семье, оказавшейся в огромном горе? Мне очень хочется верить, что многие наши современники найдут для себя возможным написать письмо-соболезнование, отправить одежду для детей или денежный перевод семье Гелани, пригласить их в гости или на жительство.

Человеческое сочувствие выше географических, национальных, культурных, религиозных и иных барьеров современного мира! Я хочу в это верить! Я верю в человеческое благородство и склоняю голову перед каждым неравнодушным человеком, народом и страной. Чужой беды не бывает! Пусть беды минуют вас, и несчастье обходит вашу жизнь стороной. Аминь!

С просьбой и надеждой
Магомед Абдулхабиров,
доцент Российского университета Дружбы Народов, г. Москва.

P.S. Адрес семьи Гелани: Республика Дагестан, 368908, Цумадинский район, село Нижнее Гаквари, хутор Цуйди, Патимат Магомедовой.

Телефон Главы администрации села Нижнее Гаквари Магомедова Газимагомеда – 8-928-582-97-95.

ШАПИ КАЗИЕВУ – 50!

Шапи Казиев родился в 1956 году в Махачкале. Печататься начал еще в юности. После школы поступил на сценарный факультет Института кинематографии.

Еще в годы учебы режиссер А. Абакаров снял на «Ленфильме» фильм «Завтрак» по его сценарию. Затем киностудия приняла к производству сценарий Ш. Казиева «Бумеранг», но трагическая гибель талантливого дагестанского кинорежиссера помешала фильму осуществиться. Сейчас готовятся съемки комедии по сценарию Ш. Казиева «Прощай, Москва», который был опубликован в журнале «Дагестан». Ведутся переговоры и по другим сценариям автора.

В 2004 г. состоялась премьера фильма Ш. Казиева «Расул Гамзатов. Мой путь».

Наш земляк много писал и для театра. Его первая же пьеса «Все, как у людей» стала победителем конкурса, который проводило Министерство культуры РД. На Всесоюзном радио в Москве были поставлены его пьесы «Сеятель твой», «Учитель Леша», «На БАМ, к сыну», где главную роль исполнил А. Джигарханян. Эти пьесы транслировались много раз и получили большое количество откликов. Радиопьеса «Свой-чужой» была поставлена на Дагестанском радио.

Пьесы Ш. Казиева завоевали и театральные подмостки. В Москве были поставлены «Пришелец» (МособлТЮЗ), «Театр военных действий» (театр «Белый лист»). В Дагестане поставлены «Приключения горы» (Театр кукол), «Покушение» (Аварский театр), «Шамиль» (Дагестанский Русский театр), «Золотой осел Насреддина» (Русский и Аварский театры), не считая народных и др. театров. Его пьесы идут во многих городах страны. Последние премьеры состоялись в Сухуми (2004 г.) и Чите (2005 г.).

Новое произведение Ш. Казиева «Ватан» (о разгроме горцами Надир-шаха), созданное им по предложению Г.М. Гамзатова и при содействии Фонда имени Абдурахмана-Хаджи ас-Сугури, будет поставлено в балетном варианте, а затем планируется снять и художественный фильм. Музыку пишет наш выдающийся композитор М. Кажлаев.

Произведения нашего земляка публикуются и за рубежом. Пьесы выходили в сборниках и отдельными изданиями. Только в издательстве ВААП-ИНФОРМ было опубликовано 10 его пьес. Публикаций Ш. Казиева в газетах и журналах просто не перечесть. Он стал победителем и лауреатом ряда литературных конкурсов. За победу на Всесоюзном конкурсе драматургов, кроме прочего, получил возможность совершить поездку в Индию и Непал.

В творчестве Ш. Казиева национальная культура переплетается с мировой. Немалое место занимает и современная тематика. Значительная часть произведений дагестанского драматурга носит авангардный характер. Олицетворением этого направления в его творчестве стала пьеса «В раю, проездом» («Автоответчик»), опубликованная в альманахе «Современная драматургия» в 1986 г. Не случайно Ш. Казиев был избран президентом Ассоциации молодых драматургов СССР, а затем и членом Экспертного совета по драматургии Министерства культуры СССР, где помогал молодым драматургам выйти на всесоюзные театральные подмостки.

В 1989 г. Ш. Казиев был принят в Москве в члены Союза писателей СССР, а в 1998 г. ему было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств Дагестана.

Книга стихов для детей «Горская азбука» вышла в 1995 г. в Махачкале и в 2002 г. в Москве. Одно из стихотворений стало основой спектакля в Дагестанском театре кукол, некоторые помещаются в хрестоматиях. Половину тиража книги приобрело правительство Москвы для школ Москвы и Кавказа. По «Горской азбуке» Ш. Казиева в детских садах создаются театрализованные представления, а многие дети из дагестанской диаспоры учат по ней алфавит. Готова и новая книга для детей, написанная им по заказу издательства «Эльми».

Центральная и дагестанская пресса много писала о большом успехе книги Ш. Казиева «Имам Шамиль» в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей». Канал «Культура» посвятил книге отдельную передачу. Она быстро обрела популярность и переиздается. А книгу Ш. Казиева «Повседневная жизнь горцев Кавказа в XIX в.» (в соавторстве с историком

И. Карпеевым) пресса назвала мини-энциклопедией о горцах Кавказа.

Многое связывало Шапи с великим Расулом Гамзатовым: близкая дружба, творческое сотрудничество, предисловия к изданиям и выпуск книг. Р. Гамзатов посвятил Шапи свою поэму «Времена и дороги», которую, по просьбе поэта, перевел сам Казиев.

Особая страница биографии Ш.Казиева – московское издательство «Эхо Кавказа», которым он руководит со времени его создания в 1991 г. Читатели знают журнал «Эхо Кавказа» и множество книжных изданий, выпущенных под его руководством. Знаковым событием стал выход иллюстрированной энциклопедии «Шамиль», выпущенной в 1997 г. к 200-летию имама. Издание давно стало библиографической редкостью. Таким же ярким событием стал выпуск иллюстрированного альбома «Расул Гамзатов» (1998 и 2003 гг.).

В 2004 г. в Москве состоялся творческий вечер Ш.Казиева, в котором приняли участие коллеги писателя, земляки, руководители национальных диаспор, гости из зарубежных стран.

О ярком таланте и многогранном творчестве Ш. Казиева говорили сопредседатель Союза писателей России В. Сорокин, другие известные писатели, гости. Теплые слова о Ш. Казиеве произнес композитор и дирижер М. Кажлаев. Свои приветствия писателю направили Правительство Москвы и министр культуры Дагестана.

В вечере приняла участие делегация Фонда Шамиля, вручившая Ш. Казиеву высшую награду Фонда – Золотую медаль «Имам Шамиль».

Общественная деятельность Ш. Казиева также весьма многопланова: публикации в СМИ, выступления на круглых столах, участие в радио- и телепрограммах, популяризация дагестанской культуры, проведение за рубежом выставок, посвященных Дагестану и Кавказу, поездки на Международные конгрессы и т.д. Правительство Москвы не раз благодарило его за просветительскую деятельность, укрепление межнационального сотрудничества, популяризацию национальных культур и наградило его медалью «850-летия Москвы».

Желаем новых творческих успехов и крепкого здоровья нашему талантливому земляку!

ЧЕРНЫЙ, БЛЕСТЯЩИЙ, ЗВУЧАЩИЙ

Шапи КАЗИЕВ

Рассказ

Наш аул расположен неподалеку от Хунзахской крепости. Раньше мои односельчане ходили в Хунзах пешком и с неодобрением косились на ленивцев, терпеливо ожидающих автобус. Теперь же, напротив, с искренним недоумением поглядывают на редких пешеходов.

Утром того дня, о котором я собираюсь рассказать, мой дед отправился в Хунзах пешком. Но из проносившихся мимо машин на него оглядывались с восхищением. Дело в том, что дед не просто шел пешком, а гнал овец на хунзахский базар. И качество его товара было таким, что машины уступали неторопливой отаре большую часть дороги.

Шествие деда было недолгим. До Хунзаха, действительно, рукой подать. И когда дед явился к месту назначения, его уже ждала изнывающая от нетерпения толпа. Возможные покупатели, привыкшие обдумывать покупку, были решительно оттеснены знатоками, не собиравшимися ничего покупать. Причем, чем меньше было у кого-то желания раскошелиться, тем яростнее он спорил, доказывая превосходство шашлыка из ляжки черного барана с лихо закрученными рогами, над хинкалом из грудинки белого барана, с менее крутым изгибом главного бараньего отличия. Достигнув кинжальной остроты, споры, будто по роговой спирали, легко перемещались к противоположной бараньей оконечности и разгорались вновь уже на предмет классификации курдюков. Когда же спор вновь возвращался к рогам, оказывалось, что взгляды спорящих претерпели радикальное изменение: те, кто был за крутизну, теперь восхваляли пологость, и наоборот. Человеку непосвященному могло даже показаться, что первая партия баранов уже куплена и съедена и настал черед следующей жертвы утонченного диспута. Впрочем, такая затяжка процедуры считалась несолидной, и уважающий себя хозяин принимался с этого момента за настоящий торг, который оказывался значительно короче увлекательной прелюдии.

Завернув выручку в обрывок газеты и сунув сверток в просторный карман галифе, дед собрался было отправиться домой. Но тут его взгляд привлек проезжавший мимо грузовик. Вернее, не сам грузовик, ничем не отличавшийся от других, а содержимое его кузова. Там, над грудой разных ящиков, царственно возвышалось пианино. Инструмент был

в дорожной пыли, но там, где остались следы чьих-то рук, он завораживающе сверкал.

Не подумайте, что мой дедушка учился в консерватории. Он с грехом пополам умел стучать на барабане. Но в горах играют все и на всех издающих звук предметах – от крышки стула до собственного живота, надуваемого особым образом. Но, даже не умея отличить контрабас от саксофона, дед все же не удовлетворился наблюдением и предпринял энергичное преследование грузовика. Так быстро ему не приходилось бегать даже за отбившейся овцой под сладостное завывание голодного волка. Дед торопился, подстегивая себя, как плетью, загадочным заклинанием: «Черный! Блестящий! Звучащий!».

Пока продолжается преследование, расскажу, почему оно было предпринято. Причиной погони был я.

Пианино я ненавидел. Во-первых, потому, что никак не мог взять в толк, чем оно отличается от фортепиано, а если чем-то и отличается, то отчего фортепианную музыку исполняют пианисты? А во-вторых... В один отнюдь не прекрасный день, отец вернулся со службы с новыми погонами повышенного качества. Предчувствуя выгоды подполковничьей жизни перед майорской, он пребывал в прекрасном расположении духа и решил отметить это долгожданное событие как-нибудь по-особенному. Ящика коньяка, мандолины и веселых друзей оказалось недостаточно. Вечером, проводив гостей, он ласково скрутил мне ухо и пообещал: «Я тебе пианино куплю».

На следующий день отец принялся воплощать свое обещание в жизнь: мне была вручена черная музыкальная папка с ручками из блестящих шнурков, Сольфеджио и увесистая «Школа игры на фортепиано».

Поначалу я так обрадовался, будто это меня произвели в подполковники, и не из майора, а из рядовых. Но вскоре горько пожалел, потому что отец безжалостно вытряхнул из моих карманов альчики, лянгу и рогатку, постриг собственноручно «под чубчик» и отвел к строгой учительнице музыки.

Пару месяцев я прилежно изучал сольфеджио и приучал непослушные пальцы к деликатному постукиванию по нервным клавишам, силясь извлечь из них подобие музыки. Делал я это больше из любопытства и желания досадить старшему брату, который был обречен сопровождать меня на уроки в подвал офицерского клуба.

На третьем месяце обучения отец решил, что я достаточно преуспел в теории и действительно купил пианино «Терек». Теперь каждый вечер «Терек» принимался бушевать. Бушевать громче и внушительнее одноименной горной реки, редко выходившей из берегов. Стихийно-музыкальные бедствия происходили вовсе не по причине моей неумелости, а в результате вдруг обнаружившегося у отца умения играть на этом самом пианино! Прежде он играл только на мандолине и исключительно горские мелодии. Теперь же вечера посвящались, как мне казалось, классической музыке. На расспросы гостей о происхождении его неожиданных фортепианных способностей отец отвечал весьма неопределенно. Только изредка, как сгоряча взятая лишняя нота, проскальзывала какая-то полузабытая немка, сумевшая, однако же, оставить за собой впечатляющий музыкальный шлейф. Уклоняясь от моих настырных просьб изобразить на нотном стане ноту «до» так, чтобы ее можно было отличить от «ре», отец, тем не менее, очень скоро перенес на клавиатуру и свой мандолинный репертуар. С особым упоением он исполнял «Хасбулата», при этом еще и пел, а сверх того умел оборачиваться к слушателям и прищелкивать пальцами, подчеркивая самые трогательные места трагического романса о старом гордом горце, снесшем голову молодой неверной жене.

На одном из таких музыкальных вечеров присутствовала приехавшая из аула бабушка. Она с восторгом разглядывала пианино, с замиранием сердца слушала наши с отцом выступления, а после радостно заключила: «Хорошая мебель! Сверкает, как зеркало, и музыку играть можно!».

Хотя к тому времени я освободил брата от его мучительных обязанностей, окончательно забросив свое музыкальное образование, это не помешало бабушке долго гладить меня по голове, а затем повести в магазин и купить шоколадных конфет «Мокко». Эти конфеты пользовались у бабушки особым уважением, потому что она искренне полагала, что «Мокко» – это просто неправильный перевод слова Мекка. Плохой перевод легко компенсировался отличными вкусовыми качествами. «Скушаешь сто грамм, – говорила она, – и будто в святых местах побывала». Мне это было на руку: на «Мокко» бабушка не скупилась, и каждый раз, ожидая ее приезда, я думал только об одном – успеет она купить конфеты до обеденного перерыва в магазине или нет?

Но вернемся к деду. Теперь он бескорыстно помогает разгружать грузовик во дворе магазина культтоваров, и у меня есть еще немного времени, чтобы сообщить о том, что произошло после того бабушкиного визита.

Бабушка была натура творческая. Даже коровьи лепешки, пришлепнутые ею на стену дома сушиться до превращения в кизяк, отличить мог каждый, а приезжий художник так ими вдохновился, что потом даже устроил выставку бабушкиных произведений. Так вот, вернувшись в горы, бабушка первым делом оповестила аул о моем музыкальном таланте и о том черном, блестящем, звучащем предмете мебели, на котором я свое дарование виртуозно демонстрирую.

Вам, конечно, уже понятно, куда я клоню. Да, дедушка мной необычайно гордился и решил купить пианино, чтобы на летних каникулах в ауле я мог беспрепятственно совершенствовать свое исполнительское мастерство.

Продавец магазина был несказанно удивлен намерением деда приобрести дорогой инструмент. Из уважения к аксакалу, он даже попытался отговорить его от безрассудного шага.

– Я это пианино в райком обещал. И в школе тоже просили, – придумывал продавец причины. – Эта вещь для очень культурных людей.

– Ты меня культуре не учи, – отвечал дед. – Я, после ранения, в ленинградском госпитале лежал!

Уговорив, наконец, странного продавца, не хотевшего продавать неходовой товар, дед по-хозяйски осмотрел инструмент, придрался к какой-то царапине, к замку, который неохотно реагировал на повороты крохотного ключика, и засомневался, хорошо ли натянуты струны. Но так как продавец и не думал снижать цену, а интересующихся пианино становилось все больше, и даже начали пробиваться ростки споров на музыкальные темы, дед согласился заплатить за товар полную стоимость.

Онемевшая публика плотно окружила покупателя, недоверчиво впилась глазами в вынутый из галифе сверток, из которого не замедлили появиться вырученные за баранов деньги, и невольно воскликнула

«Вах!?», когда дед принялся отсчитывать купюры. Они бы удивились меньше, соберись дед купить облако или грохот хунзахского водопада. Но тут щедрая рука деда дрогнула: на инструмент не хватало. Зрители с облегчением вздыхали: «Умным прикидывается. Зачем чабану пианино? Пошутил старик!».

Но дед и не думал сдаваться. В окружившей его толпе непременно должен был оказаться родственник или, по крайней мере, односельчанин. Расчеты дедушки оправдались, но не полностью. Знакомый был, но денег у него почти не было, о чем свидетельствовала одинокая мятая трешка, перекинутая деду через головы зрителей. Но знакомый, а это был аульский шофер, приехавший на базар подкалымить на колхозной машине, все же храбро прокричал:

– Бери, уважаемый! Пусть знают, как наш аул уважает культуру!

Дед сделал продавцу успокаивающий жест и вырвал шофера из наседавшей толпы. Победно улыбаясь для публики и снизив голос для односельчанина, дед прошептал:

– Привезешь сто рублей от моей старухи. Одна нога здесь, другая в ауле, третья – опять здесь. Айда!

Шофер просочился сквозь толпу и подтвердил уважительное рвение выстрелом выхлопной трубы.

– За машиной послал, – объявил дед с легким смущением, – не на себе же такую вещь нести.

Толпа одобрительно загудела, а дед принялся осматривать инструмент более тщательно.

– Не барана покупаю, – пояснял он. – Гарантия есть?

– А как же? – отвечал ошарашенный продавец.

– Покажи.

Пока продавец пытался отыскать требуемую бумагу, пока публика обсуждала вопрос о том, нужна ли гарантия такой солидной вещи, и так же видно, что не халам-балам, шофер вернулся без денег. Бабушки дома на оказалось. По противоречивым сведениям, она отправилась куда-то кого-то навестить, а по такому адресу отыскать бабушку не представлялось возможным. Но дед не растерялся. Велев шоферу, как специалисту, проверить регулировку фортепианных педалей, он погрузился в недолгое размышление. И не успел шофер закончить придирчивую экспертизу, как дед сообщил ему, где следует искать бабушку.

Заподозрив покупателя в некредитоспособности, публика начала рассасываться. Но продавец отнесся к затяжке иначе:

– Извините, уважаемый, – сказал он с нескрываемым бешенством, – я себе невесту быстрее выбирал.

– Невеста – не инструмент, – невозмутимо отвечал дед, проверяя, хорошо ли вертятся колесики. – Она сама на тебе играть будет.

Прошел час. Шофера не было. Самые упорные из зрителей уже расселись на подоконниках и нераспакованых стульях, устало перебирая темы, которые можно было бы развить применительно к пианино. А продавец все еще рылся в бумагах в поисках «гарантии» и глухо ворчал:

– Солидный человек, а ведет себя как...

Как ведет себя солидный человек, вымолвить он все-таки не смел.

– Другого цвета нет? – огрызался дед.

Наконец, измученный продавец двинулся на деда, поигрывая винтовой ножкой от стула для пианино:

– У меня обед!

– А почему черных меньше, чем белых? – упорствовал дед, пересчитывая клавиши.

– Имею я право на обед? – из последних сил сдерживался продавец. – Я зачем у тебя барана купил? Чтобы кушать!

– Перерыв положен по закону, – подтвердил возникший в дверях милиционер.

Не успев пересчитать клавиши, дед закрыл крышку и плотно прислонился к инструменту спиной, чтобы его ненароком не выдернули. Затем положил руку на кинжал и грозно предупредил:

– Не подходи! – Свободной рукой дед предъявил милиционеру карманные часы. – Еще две минуты и десять секунд!

Подогретая появлением представителя власти, публика мгновенно разбухла и дружно загоготала в предвкушении интересной развязки. Но в последний момент на пороге магазина возникла бабушка.

– Выписывай! – победно заорал дед, тыча пальцем в бабушку.

Но вместо того, чтобы достать из потайного кармана долгожданную сотню, бабушка ухватила милиционера за рукав и запричитала:

– Куда смотришь? А еще с погонами! Вот скажу зятю – он с тебя погоны снимет!

– Деньги давай! – требовал дед, не отступая от инструмента.

– Пятьсот рублей за этот сундук?! Пятнадцать суток тебе полагается, а не деньги! – пригрозила бабушка и вновь принялась за растерявшегося милиционера – А если бы он торговать умел? Если бы взял за баранов настоящую цену? И купил бы этот проклятый ящик?! Чтобы в ушах звенело! Чтобы весь аул над нами смеялся?!

Глаза деда налились яростью. А осмелевший продавец подлил масла в огонь:

– И так все смеются! Пианино ему подавай! А рояль не хочешь?

Такого оскорбления дед перенести уже не смог. Он выхватил кинжал и с криком «Не отдам!» стал наносить страшные удары черному, блестящему, и жалобно занывшему инструменту. Агонию несостоявшегося покупателя все наблюдали с особым уважением.

Бабушке все же пришлось раскошелиться. Потрясенный милиционер даже не стал составлять акт, хотя продавец очень настаивал. Более того, помог погрузить стонущее от ран пианино на подвернувшуюся арбу. Шофера найти не удалось: он исчез, как только увидел милиционера.

В ауле их ждали. Аксакалы уже успели признать превосходство зурны над лакированным ящиком и с торжественным сочувствием жали руку дедушке, которого коварные хунзахцы заставили за этот ящик заплатить.

Пианино дедушка починил. Если прежде отец лишь изредка приезжал в аул проведать родственников, то теперь его визиты стали чаще и больше напоминали гастроли.

Как вы уже знаете, в музыкальной школе я проучился недолго. Но в летние каникулы мне все же приходилось играть на дедушкином пианино. Ценители музыки, слушающие Баха в столичной консерватории, казались мне наивными дилетантами, когда я вспоминал лица дедушки и его друзей, собиравшихся по вечерам послушать моего «Чижика-пыжика».

– Чижик-пыжик, где ты был? – еще и теперь можно услышать от аульской детворы. – Пианино покупил!..

МОЯ МЯТЕЖНАЯ ДУША

Аида КАМАЛОВА

* * *

Ветерок мне на ушко шепчет,
Нежно волос со лба отгоняя:
«Хочешь, я покажу тебе счастье,
Тайны вечера приоткрывая?

Сядь поближе, на подоконник,
Слушай молча, не перебивая,
Буду я говорить негромко,
Никому не помешаем».

Отогнал, поддунув немножко
Легкомысленную занавеску,
И чуть-чуть запрохладил в окошко,
Начиная загадку – песню.

И открылась мне сказка ночи:
Только счастье – и нет печали,
Я – пушинка, мне пели звезды
И деревья меня качали,

Я услышала голос сада
И луна мне что-то сказала,
Счастье – все, ну а где же тайна?
Или я ее не услыхала?

Ветер, спой мне разгадку счастья,
Почему ты молча стихаешь?
Еле слышно он мне ответил:
«Тайну выдам – все потеряешь...»

Вишня вдруг ко мне наклонилась
И, ладонью к лицу прикасаясь,
Осторожно меня разбудила...
Неразгаданный сон растаял.

* * *

Эта дикая пляска мулатки,
Ритуального танца дрожь,
Я в огонь воплощусь без остатка,
Солнцем светит лунная брошь.

Я неистовством этим брежу,
И, наверно, моя душа
В самом первом своем рожденьи
Краски Африки обрела.

И во мне оранжево-синяя
Негритянская бродит кровь,
И бананово-апельсинные
Меня запахи манят вновь.

Я в безумных, безудержных ритмах
Воплощаюсь в саму себя,
Первозданность и первобытность
Правят мной на исходе дня.

* * *

Зазвенела форточка пощечиной,
Дождь в ответ
забил в окно слезой,
Вмиг штрихом
замазал червоточины,
На белье автограф бросил свой.

И следит за всем сосредоточенно
Вдруг нахохлившийся воробей,
Клюв блестит
как карандаш наточенный,
Дочь кричит:
«На крошек, Пантелей!»

* * *

Когда во мне уснувшие желанья
Сияньем сердца станут,
исполняясь,
Тебе я в радости своей покаюсь
И подарю взорвавшийся покой.

Он будет
фейерверком обретений,
Сном,
сбывшимся на утро с поцелуем,
С моей любовью, что, тебя балуя,
Твой тающий
вдруг исполняет сон.

* * *

Наедине с просящею душой,
Простертой к небу,
Наедине с молитвою простой –
О большем, не о хлебе,

Наедине с развернутостью чувств –
Прорыва мне бы,
Наедине с собою – не боюсь
И верю в небыль.

* * *

Я устала себя творить,
Перекраивать, исправляться,
Я хочу для себя пожить
И немного посамовлюбляться.

Я хочу отдохнуть от себя,
Устаешь ведь от тех, кто рядом,
Я в себе побываю одна,
Я себе, единственной, рада.

Я не буду себе врагом,
Я не стану себе перечить,
Я себя полюблю. И теплом
Всех тогда в своем сердце встречу.

* * *

Я – твоя лесная нимфа,
мой Сатир,
Слышишь, Бахус призывает
нас на пир?
Позабудем все тревоги,
я – твоя,
Не судите слишком строго,
нет здесь зла,

Где веселье, смех и ласки
там и мир,
Приласкай меня ты в пляске,
мой Сатир,
Мой плечистый, нежно-грубый,
страстный зверь,
Ты отведай мои губы
и поверь,
Что вокруг – одно веселье,
смех и пир,
Обнимай меня ты вечно,
мой Сатир!

* * *

Я, пробуждаясь, вижу сны:
Причудливы мечты творенья,
И проплывают миражи,
Рисуя вечность на мгновенье.

Я, пробуждаясь, вижу сны,
И это, может быть, кощунство:
Предать тебя моей любви,
Мужчину, чуждого безумствам.

Пусть эти пробужденья – сон,
Такой непоправимо хрупкий,
Как вазы падающей стон,
Как нежная улыбка утра.

Я, пробуждаясь, вижу сон,
В котором ты – безумно нежный,
В котором розовый бутон
Раскрылся
лишь в объятьях снежных.

* * *

Вкрадчив голос мой сладкий,
Опьяняет твой взгляд:
Наслаждаюсь любовью –
Совершаю обряд.

На вершине блаженства
Неожиданно вновь
Нахожу совершенство
В том, что дарит любовь.

* * *

Я хочу любить, не притворяясь,
Что не влюблена в тебя совсем,
Что в твоих глазах не растворяюсь,
Что и не мечтаю сдаться в плен.

Не хочу быть королевой снежной,
Холодом одаривать тебя,
И моя изнемогает нежность
В замке фантастического льда.

Голосом негромким, но горячим
Растопи в безумии любви
Белоснежные мои одежды –
Для тебя придуманные льды.

Ничего тебе не обещая
И не веря всем твоим словам,
Я необъяснимо доверяю
Сильным, теплым,
ласковым рукам.

* * *

И вдруг случается весна,
Так неожиданно-случайно,
Так ожидаемо, но тайно
Касаясь нежностью меня.

И вмиг, расслабленной, без чувств,
Природа мной овладевает,
Я забываюсь, отдаюсь,
Сливаюсь с небом, растворяюсь.

Как бесконечно хорошо
Не помнить ни о чем, забыться,
Лететь свободно и легко,
Жить так,
как может только сниться!

* * *

Люблю я воздух Родины моей,
Но жить хочу дыханием свободы
И, скинув груз
навязчивых страстей,
Познать глубины
истинной природы.

Меня гнетут углы мышиных нор,
Сгнивающий
накопленный достаток,
Не мне скрести в хоромах
пыль и сор,
Не мыслю счастья
среди душ в заплатах.

О, господи, меня благослови,
Свершенья духа да украсят годы!
Мне аленький цветочек подари
Любви и веры,
счастья и свободы!

* * *

Нас бросил бог в бурлящий океан:
«Барахтайся, дитя мое, плыви,
И вот тебе соломинка любви,
А там, как знаешь, человек,
живи!»

Вся тайна –
в настоящем пребывать,
Не гнаться ни за чем,
а жить как плыть,
Как верить, как блаженствовать,
как знать…
Дар этот называется – любить.

Любить и быть свободным от всего,
От всех людьми придуманных
тисков,
Вкус этот называется – любовь,
На Землю Солнце медом льет его.

* * *

Я старая, измученная лошадь,
Уставшая под тяжестью страстей,
Я сбрасываю утром эту ношу,
А к ночи вновь
сгибаюсь я под ней.

Сегодня... просто...
стану я дельфином
И поплыву – свободна и легка,
А там – взлечу!
И небом стану синим:
Прекрасна, безупречна, высока!

* * *

Что без луны печальной
Солнца свет?
Без ночи темной что –
Сиянье дня?

Без криков глупости
Что мудреца ответ?
Что ты на этот свете
...без меня?

* * *

Как забыть «вчера»,
когда ты был нужен мне
так же, как воздух?
Я задыхалась, а тебя
не было рядом.

Как сделать так, чтобы
сегодня, когда ты рядом,
ты стал мне нужен
так же, как вчера?!

* * *

Я чувствую, что мир уже устал
Сам от себя, от всех своих одежд,
Такой же он, другим ничуть не стал,
Зачем ему иллюзии надежд?

И суть его не в мельтешеньи
нас,
А в том, что неизменно
с первых дней:
В рассвете тающем, в закате,
что угас,
В любви и красоте, в душе
твоей.

* * *

Как трудно мне теперь
рождаться вновь,
Когда уже совсем немало лет,
А мудрости, небес достойной, нет
И возмущается,
тревожа тело, кровь,

И хочется уйти от мира – вдаль
И слиться с запредельной чистотой,
Но жизнь манит: «Не для тебя –
покой,
А в миражах твоих – одна печаль!»

Заводит «майя» пестрою игрой,
Где часто мы –
бессмысленные формы,
Где каждый для себя
придумал нормы
И спутал бога с пестрой мишурой.

И как туземец обменял алмаз,
Не доверяя сердцу своему,
На броский,
ломкий и дешевый страз,
Свободы дар
сменив на жизнь в плену,

Так мы, загнав себя в тиски берлог,
Из века в век –
рабы своих страстей –
Уже не слышим зов иных миров
И с гордостью уродуем детей.

Но я хочу!!! –
нагроможденье крыш
Сменить на горизонт своей мечты,
Где хочешь – пой, кричи, а хочешь –
...тишь,
Земля и небо где
сливаются в любви.

* * *

Я так люблю безумие огней
Не спящих непокорных ночи улиц,
И блеск в глазах гуляющих людей,
Которые со звездами проснулись.

Вкушаю ночь как горький шоколад,
О, черный цвет,
о, элегантность стиля,
Сверкающий таинственный наряд,
В котором ночь
реальность дня затмила.

Сливаюсь с бесконечностью
ночной,
Где я сама –
неразрешимость тайны,
Где все случайное, возможно,
неслучайно,
Где жизнь иль сон
случается со мной?

* * *

Моя свободная мятежная душа
Не хочет больше знать земных
пределов.
Она мечтает вырваться
и смело
взлететь,
и превратиться в облака,

И дальше жить легко,
самозабвенно,
Не жить – парить,
став частью красоты,
И наслаждаться счастьем
откровенно,
И слушать музыку
космической любви,

И быть причастной ко всему
творенью,
Блаженствовать и умиротворять,
Всей леностью разлиться
во Вселенной,
Знать все и ничего уже
не знать!

* * *

Мама, мамочка,
Солнце ясное,
Отгони мою
Грусть ненастную.

Доброте на что меня
научила?
Зло чужое всю ее
исходило.

Сердце ноет – ох,
Плачет душенька.
И на что оно –
Всем послушное?

Совесть чистая –
Что за счастие?
Чувства низкие –
Ей ненастия.

Слезы вынули,
Плачем кинули,
В душу гадости
Опрокинули.

Быть бы черствой мне,
Сердцу – льдинкою
Заволочен был
Мир бы дымкою.

Как люблю любить
И хочу страдать
Чтоб любимой быть,
Чтоб смогли понять.

* * *

Я для кого-то, может, тайна,
А для других презренья смех.
Здесь веру вдруг в себя теряю,
Там – неожиданный успех.

Люблю того, кто злит порою,
Слезой его благодарю
За то, что рядом он со мною,
За наше нежное «люблю».

И раздраженье полнит сердце,
Морозит уж его ледок,
Когда ее встречаю с детства
К ней неприязни холодок.

Всегда любить – любить бесцельно,
Самозабвенно, горячо.
Любить и каждого отдельно,
Любить всех вместе как одно.

Гульнара

Коралловый цветок граната
Не прячется в тени ветвей
И, как ослушница адата,
Не любит груз чадры своей.

Давно ли мудрая узбечка,
Чтоб рядом с ней жила мечта,
Свою прекрасную дочурку
«Гульнара» смело назвала.

* * *

Я полюблю человека
С ласковыми руками,
С мудрыми пальцами рук...
А потому, что женщина
Отдается рукам, идущим
Посланниками от сердца – и
Поручается им!

* * *

Идти ли гадать к цыганке?

Может, я тебя встречу
А может, нет...

И тогда
Можно считать, что
Жизнь прожита мною... уже...

* * *

Я не люблю, когда вы смотрите
Так, будто вся я – на ладони
и босая,
Так, будто никогда уж вы
не мокнете,
Как я, не мчитесь по траве
с дождями,
Я не люблю, когда вы смотрите
Так, будто вся я – на ладони
и босая,
Я не смущаюсь, слов вам не ищу,
Я вас в минуту эту постигаю,
И через вашу ложь переступаю
Босой ногой, в дожди,
на мокрую траву.

* * *

Я эти стихи рыдаю
И строки на части рву,
Я даже еще не знаю,
О чем сейчас напишу.

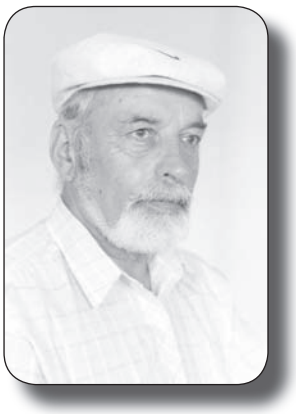
О Боже! Какой непрочной
Ты создал меня на свет
Из глины, которую топчут
И вязнут в которой все.

И пачкаются, и снова
В руки ее берут,
И лепят что кому нужно,
И – если не вышло – бьют.

А глина, в ответ огрызаясь,
Истерзанная, в сердцах,
Сама всех подряд терзая,
Твердеет у них на глазах.

О, где же гончар, который
Ту глину в руки возьмет
И без единого слова
До сути ее дойдет.

Он будет – уж вы поверьте –
Сверх меры вознагражден,
Не мертвую глину – сердце
В ладони увидит он.



ВОЛЧЬЯ СТАЯ

Рассказ

Арип РАСУЛОВ

Лучи солнца нежно щекотали ее полуприкрытое одеялом лицо. Она проснулась, с наслаждением вытянула белоснежные руки. За окном суетливо, до раздражения, неугомонно чирикали воробьи. Она провела рукой по другой половине кровати – мужа уже не было рядом. Еще раз сладко потянулась и, соскочив с постели, прошлась по ковру, распахнула окно. Юркие пташки в палисаднике разлетелись.

Небрежно взяла кусочек шоколада из хрустальной вазы и жеманным движением отправила в рот. Подошла к телефону, набрала номер. В ожидании ответа тонкими пальцами играла с локоном, свисавшим у виска.

– Хелло! – оживилась она. – Это Мурад?

– Да, дорогая, – мягкий ласкающий голос.

– Я звоню напомнить насчет своего супруга. Ты же дал слово, что возьмешь его к себе, – кокетливо сказала она.

Получив удовлетворивший ее ответ, положила трубку и облегченно вздохнула, словно тяжкую ношу сбросила с плеч. «Пусть продвижение по службе хотя бы немного утешит его», – подумала Заира. Сама не понимая, почему, она постепенно остывала к своему Хакиму. Да особо и не старалась понять – знала, что муж безнадежно болен. Только внешне все было по-прежнему: она играла роль жены, а Хаким исправно ходил на службу.

Не успел Хаким разложить бумаги на рабочем столе, как в дверях появилась Шура – секретарь начальника.

– Доброе утро!

– Валлах, тебе тоже доброе утро до последней копейки, Шурочка, – добродушно ответил он, располагающе улыбаясь.

– Наверно, вам деньги даже снятся, – в ответ пошутила секретарь. – Шеф просит вас.

– А в каком он настроении? – спросил Хаким, отодвигая бумаги на край стола.

– Лучше не спрашивайте – мрачнее осенней тучи.

Шура легко выпорхнула за дверь. Хаким, проводив ее взглядом, тревожно задумался: «Что случилось? Неужели я прокололся в чем-то, или кто-то нажаловался?» Терзаясь сомнениями, он направился к шефу.

– Здравствуйте, мой дорогой Хаким Давудович, – встав из-за стола, радушно встретил его начальник. Поздоровавшись за руку, предложил стул и сам сел напротив: – Как здоровье, как дома?

– Да ничего, спасибо, – растерянно ответил Хаким. Его удивлению не было предела: еще недавно шеф пытался выжить Хакима с работы, всячески придирался, выискивая повод уволить его, а сегодня… Он ничего не мог понять.

– Значит, все в порядке, говорите? Это хорошо, – рассыпался в любезностях шеф. – Закуривайте, Хаким Давудович, не стесняйтесь, – ласково продолжил шеф, пододвигая к нему пачку дорогих сигарет и зажигалку.

«Да и по отчеству он ко мне никогда не обращался… Тут что-то серьезное…» – терялся в догадках Хаким.

– Вы понимаете, Хаким Давудович, – как-то даже заискивающе сказал начальник, – нехорошо получается…

Хаким взглянул на него непонимающе.

– Вы могли бы раньше сказать мне, что наш глава Мурад Исхакович – ваш друг.

– Да все удобного случая не было, он и сам недавно в нашем ведомстве, – стал оправдываться Хаким, подумав: «Ах, вот в чем дело! Через меня хочет что-то попросить? Нет уж, как ты меня с деньгами дергал, так и я с тобой».

– У нас забирают вас, такого ценного работника, – развел руками начальник, изображая великое огорчение. – Зато теперь вы будете нас контролировать… Оттуда просили, чтобы срочно ваше личное дело доставили Мураду Исхаковичу.

– Так давайте я сам отнесу!

– Нет-нет, секретарь отнесет – вы не беспокойтесь. Я дело как следует подчищу, в надлежащий вид приведу… Я вас еще раз от всей души поздравляю с повышением. Хорошие проводы устроим вам!

– Да ничего не надо…

Разговор с начальником поднял настроение Хакиму. Не замечая сослуживцев, с некоторым удивлением смотрящих на него, он прошел по длинному коридору в свой кабинет.

В обеденный перерыв, вопреки обыкновению, он пришел домой – хотелось поделиться радостью, но Заиры не было дома. Не успел разуться, как в дверь постучали – на пороге стоял его дядя.

– Ты откуда, дядя Али? – опешил Хаким, пропуская его в дом.

Глаза дяди горели недобрым огнем, лицо выглядело изнуренным. Сев у стола и проведя рукой по коротко остриженной седой бороде, он отрывисто спросил:

– Заира дома?

– Нет…

– Это хорошо, что ее нет.

Дядя вздохнул, словно пытаясь успокоиться.

– Ты садись, не суетись… Как думаешь, Хаким, родному дяде приятно слышать о племяннике лестные отзывы?

– Естественно.

– Вот и я так думаю… Мы от души рады, когда ты делаешь успехи в карьере…

– Как? Ты уже знаешь о моем новом назначении?

– О каком еще назначении?

– Ну о моем повышении – Мурад Исхакович посодействовал…

– Вот-вот, твой Мурад Исхакович… – задумчиво и многозначительно проговорил Али. Растягивая паузу, кашлянул в кулак. Пронизывающе взглянул на племянника и продолжил: – Наслышан о твоей добротной работе. И людям помогаешь… И себя не забываешь…

– В волчьей стае нельзя быть ягненком, дядя, – сквозь зубы процедил Хаким, задетый словами гостя.

– Да, конечно. Ненароком и тебя могут съесть в этой жизни, – саркастически заметил Али, поочередно хрустя пальцами вытянутых на столе рук.

– Так все делают, дядя. А того, кто поступает не так, считают безмозглым идиотом.

В комнате наступила гнетущая тишина. Старик снял папаху и вытер ладонью липкий пот со лба.

– Ох, как подешевела эта жизнь, как измельчали люди, – как бы про себя промолвил он и обвел взглядом довольно богато обставленную комнату.

Ему не хотелось в лоб говорить с племянником о том, ради чего он и пришел сюда – о Заире. Нужно было как-то дать знать, что поведение его жены стало уже притчей во языцех. Сказать так, чтобы и не оскорбить его, и чтобы до него дошла суть происходящего. Племянник, по всей вероятности, настолько одурманен ею, что ничего не хочет видеть и слышать. Да, у нее большие черные завораживающие глаза, красивое личико, стройный стан. Но, как говорят горцы, на лбу не посеешь, на груди не пожнешь достоинство. Игривая пташка легко попадает в сети. Муж должен обуздать жену. Нет, не бить, а именно обуздать…

– Хаким, мы выдали за тебя чистое золото, а ты не сумел его оценить и взамен приобрел медяк…

Хаким, словно ужаленный, вскочил и заметался по комнате. Он не мог из уважения к седой бороде дяди ответить резко:

– Эти сплетни, дорогой дядя, кто-то специально распускает. Я люблю Заиру, а она – меня, – на одном дыхании выпалил он, для большей убедительности размахивая рукой.

– Эту любовь она разделяет с другим.

– Не верю! – вскрикнул Хаким. Ему было больно слышать это от родного дяди, заменившего ему погибшего отца. Подобные сплетни доходили до него и раньше, но он отмахивался от них, считая наветами завистников.

– Видно, ты ослеплен красотой своей Заиры, – отрешенно вздохнул Али. Встряхнув папаху, он надел ее и медленно встал. – Ты не забудь горскую поговорку: лучше по соседству иметь красивую женщину, чем у себя дома… А то от чужих взглядов она может потускнеть. Я не собираюсь вас разлучать – это большой грех. Но…

Али безысходно взмахнул рукой и, не прощаясь, вышел.

Когда дядя сердился, его лицо становилось похожим на белокаменное изваяние. Муторно было на душе Хакима. Давние, еле осязаемые им сомнения словно глодали его душу, выворачивая нутро наизнанку…

От сильных переживаний Хаким слег. С каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Лежа в кровати, он представлял себе, как нежные белые руки жены обвивают шею другого мужчины, как ее молодая грудь прижимается к другому, как ее губы страстно впиваются в чужие… От таких мыслей на душе становилось тошно, а на глаза наворачивались слезы.

В комнату вошла улыбающаяся Заира:

– Я сейчас была у профессора Тагирова, он сказал, что ничего страшного нет, и ты скоро встанешь на ноги. Понял? – ласково потрепала она его волосы.

– Я лучше этих профессоров знаю свое состояние, – натуженно бодрясь, сказал он. – На то они и медики, чтобы обнадеживать людей.

Заира прошла на кухню и вернулась с вазой, наполненной фруктами. Придвинув к мужу низкий передвижной столик, поставила на него вазу и присела на кровать.

– Ты должен все это съесть. Еда – лучшее лекарство для больного.

– Ты слушай меня: через неделю после моих похорон сними траур…

– Что за ерунду ты городишь?! – прервала его жена.

– Это не ерунда… Ты еще молода, выйдешь замуж за хорошего…

– Хаким, дорогой, не говори глупости. Кроме тебя, мне больше никто не нужен… И жизнь без тебя не нужна… – всхлипнула она.

– На первых порах вам хватит денег в нашем сейфе, ключи от него возьмешь у меня на работе, в столе…

Через четыре дня Хакима не стало.

Когда все улеглось, Заира и Мурад Исхакович, теперь регулярно навещавший молодую вдову, открыли сейф. И действительно, в нем лежали пачки долларов. Но как только они их коснулись, раздался оглушительный взрыв…

АЛЧНОСТЬ

Рассказ

Как утверждают, этот дом стоит здесь с незапамятных времен. Видимо, когда-то он выделялся в селении своей роскошью, филигранной обработкой каменных стен, узорчатыми окнами, резными дверями. Рассказывают еще, что в доме жил прадед нынешних хозяев полковник царской армии, наиб здешних мест Абдулабек. Теперь дом обветшал… Ничто не вечно в этом подлунном мире – все стареет, становится немощным и умирает. Старый дом превратили в своего рода кладовую, а прямо перед ним построили новый.

Махди, отец трех сыновей, так дороживший домом предков, умер неожиданно, не оставив после себя завещания. Из командировки отозвали старшего сына и после совершения ритуала похорон братья собрались в новом доме.

Халит, старший среди них, оглядел братьев и, по-хозяйски положив неуклюжие руки на стол, негромко, словно опасаясь чужих ушей, сказал:

– Да, братья мои родные, мы лишились нашего мудрого и деятельного отца… Но жизнь есть жизнь. Мы не сможем вернуть его. Мы должны продолжить его путь на земле…

Манап, средний из братьев, сидел, подперев рукой подбородок и неотрывно следя за каждым движением старшего брата. Хункар, младший, уставился в стол, рассеянно отколупывая ногтем облупившийся лак. Каждый думал о себе.

Время от времени из кухни доносились голоса их жен и звон посуды.

Хункар встал, подошел к двери на кухню и, плотно прикрыв ее, сел на свое место.

– Хункар, мы с Манапом подумали и решили без обид, по справедливости поделить наследство родителей.

Хункар молча кивнул.

– Значит, мы сделаем так…

Халит обвел братьев взглядом маленьких круглых глазенок и привычным движением вынул из внутреннего кармана пиджака бумажку.

Вошла его жена с творожным чуду на подносе. Ее звали Халисат.

– Небось, проголодались, ешьте, мужчины, пока горячие, – с заискивающей улыбкой бросила она и тут же грациозно уплыла за дверь.

Халит, отложив бумажку, пододвинул поднос на середину стола. Где-то за окном застрекотала сорока, словно просила поделиться с ней едой. Ели молча. Только Халит по праву старшинства промолвил:

– Отец наш страсть как любил эти чуду… Любовь передал нам, а сам ушел на вечный покой…

В кружках принесли кипяченое молоко. Во дворе хрипло замычала корова, как бы напоминая: «это мой подарок вам». На кухне то усиливался, то затихал женский говор.

– Халисат, ты корову хоть кормила? – елейным голосом бросил Халит в сторону кухни и, не дожидаясь ответа, тщательно вытер руки салфеткой.

Корову собирались зарезать на поминки, но обошлись семилетним быком.

Поднос отодвинули в сторону, выпили молока и продолжили начатый «деловой разговор», как любил говорить бизнесмен Халит.

Халит коротким толстым указательным пальцем почесал щеку и развернул отложенный лист бумаги.

Манап угрюмо посмотрел на дверь и властно крикнул:

– Женщины, уберите со стола!

Тут же вошла Тавус, степенно прибрала посуду и вышла.

– Вот какая картина складывается, братья мои, – задумчиво сказал Халит, разглаживая листочек. – Родители оставили нам эти два дома, пять коров, около двух десятков овец и всякую мелочь…

Для него, бизнесмена, и для Манапа, налогового инспектора, остальное и на самом деле было мелочью. Для Хункара, еле-еле сводившего концы с концами сельского учителя, каждая «мелочь» имела значение. Но перечить старшим он не смел – так был воспитан. И жена – Тавус – была ему под стать. В переводе ее имя означало «пава», но она ни по характеру, ни по образу жизни, ни по внешнему облику не походила на горделивую птицу. Она одна из трех жен братьев имела высшее образование и умела ладить с людьми. Хункар втайне гордился ею и любил всей душой.

Старшие же братья свои дипломы просто купили, считая, что «денежки, как голуби, – где обживутся, там и заводятся».

– Я так думаю, мои дорогие братья, – мягко произнес старший, уставившись в листочек. – Этот двухэтажный дом мы с Манапом делим пополам…

Халит оглядел братьев, ища на их лицах признаки одобрения. Манап сиял. Хункар нахмурился и хотел было сказать: «У вас же есть свои дворцы!», но из уважения к старшим братьям сдержался.

– Хункару же, как младшему и наследнику нашего рода, мы оставляем старинный прадедовский дом. Посмотрите, как красиво он построен. Век стоит и еще века простоит. Правда, ему мелкий косметический ремонт нужен…

– Да он же готов развалиться, – не выдержал Хункар.

Старший поспешил успокоить его:

– Пока там будет идти ремонт, отсюда тебя никто не выгоняет… С ремонтом мы тоже тебе поможем. Не так ли, Манап?

– Да, да, конечно, – с готовностью согласился тот.

– Каждому по корове. Одну мы оставим у меня – зарежем на годовщину смерти отца, а вторую заколем сейчас и за вырученные деньги купим корм для остальных…

Так, поделив наследство, старшие братья ушли со своими женами… Хункар остался за столом наедине со своими проблемами. Он тяжело переживал

попранную старшими братьями справедливость.

– Хватит печалиться, друг мой, – пыталась успокоить его жена. – Слава Аллаху, мы не умрем с голоду, а они не заберут с собой на тот свет свое богатство.

– Как они могли – ведь братья… – вырвалось у Хункара.

– И море любит капли дождя, – мягко сказала жена. – Забудем об этом. Жизнь продолжается.

На весенних каникулах в школе Хункар решил взяться за капитальный ремонт доставшегося ему дома. Да и жены старших братьев успели уже намекнуть, в чьем доме он живет. Помощи же от братьев не приходилось ждать: как говорится, скорее на зубах седые волосы вырастут, чем они свое обещание выполнят.

В ясный весенний день село проявило уважение к молодой семье – не умер еще старинный обычай помогать строящему дом человеку.

За день была разобрана крыша, выброшены гнилые балки. Но ни старший брат, ни Манап, несмотря на клятвенные заверения, не появились.

– Да ну, бог с ними, – весело сказала Хункару жена, довольная поддержкой сельчан. – Но ты знай, что к чему.

На следующее утро небо покрылось лохмотьями свинцовых туч. То дул ветер, то щедро лил дождь. Земля разбухла как на дрожжах, стены, оставшиеся без крыши, промокли насквозь, стала отваливаться глиняная штукатурка. В промозглой туманной сырости дом являл жалкое зрелище, но Хункар обошел его с гордостью в душе. Он не переставал удивляться толщине стен. Видимо, предки учитывали суровые горские зимы и непредсказуемые холода.

На одной из внутренних стен обнаружилась дощечка, вделанная в нее на уровне человеческого роста. Хункар с трудом оторвал ее и обнаружил небольшую узкую нишу. Пошарив рукой, наткнулся на узелок. Не сразу смог его вытащить – ткань уже полуистлела от времени. В шелковый платочек было что-то завернуто. Хункар отнес узелок в дом, бережно положил на стол и, развязав, обнаружил в нем драгоценности и золотые монеты. Сердце бешенно заколотилось. Хункар растерянно оглядел нежданное добро. Взял одну из монет – сомнений не было: это были настоящие золотые монеты. Они так блестели первородной свежестью, что от них невозможно было оторвать глаз.

– Тавус! Быстро иди сюда! – взволнованно крикнул он.

Испуганно вбежавшая жена с порога спросила:

– Что случилось, дорогой?

– Ты видишь?

– Что это? – У нее перехватило дыхание. – Откуда?..

– Нашел в стене старого дома…

Тавус брала в руки то монеты, то колье из сверкающих даже в такой пасмурный день драгоценных камней, время от времени бросая взгляд на мужа:

– Даже не верится…

– Отец часто рассказывал, каким состоятельным был мой прадед. Состоятельным, но прижимистым.

Клад тщательно рассортировали и упаковали по коробочкам. Хотели было о находке пока молчать, но потом передумали: лишнее богатство им ни к чему, тем более, что это достояние всех братьев. Пусть даже старшие братья при дележе наследства и обделили Хункара – что поделаешь, такими они уродились. Вот и прадед не унес с собой на тот свет это богатство. Да и чрезмерное состояние когда-нибудь обязательно приведет к беде, тем более, если оно получено нечестным путем. А если, не дай Аллах, на нем есть чужая кровь…

С этого дня размеренная жизнь молодой семьи изменила свой ход. Душевное спокойствие, казалось, навсегда покинуло Хункара и Тавус.

Хункар хотел собрать братьев и поровну поделить все добро, но никак не получалось. Халит своей жене в сердцах даже бросил: «Наверное, этот босяк помощи от нас хочет…»

Не дождавшись братьев, через несколько недель Хункар сам разделил находку на равные части и с удовольствием отдал братьям их доли. И Халит, и Манап были в восторге от клада. Еще больше радовались их жены, и до этого не испытывавшие ни в чем нужды, Халисат сразу примерила на себя украшения, надела узорчатое кольцо.

На деньги, вырученные от своей доли, Хункар решил капитально отремонтировать прадедовский дом, а, может быть, поселившись с семьей на верхнем этаже, со временем выполнить свою давнюю мечту – создать в нем музей своего аула. Благо, у него немало накопилось исторических и археологических материалов.

Через некоторое время по аулу поползли слухи о находке несметных богатств. Женщины перешептывались у родника, на улочках аула. Халисат говорила под большим секретом, что Хункар поделился с братьями только малой толикой находки, хотя братья оставили его жить в их собственном доме. Хункар страшно переживал дошедший до него слух. Тавус пыталась его успокоить:

– На каждый роток не накинешь платок, пусть себе говорят. Нам достаточно, что мы чисты перед своей совестью…

Уличные слухи так же быстро утихают, как и возникают, если появляется новый повод для них. И повод такой вскоре появился: и стар и млад стали говорить, что налоговый инспектор Манап был пойман с поличным при получении взятки. «Когда эти люди насытятся?» – удивленно вопрошали аульчане. Все это больно задевало Хункара, не желавшего, чтобы было испачкано имя близкого родственника. А на Манапа и на самом деле было заведено уголовное дело – пахло годами тюрьмы. Халит по-прежнему мотался где-то по своим делам. Хункар решил действовать сам.

– Тавус, мне придется выручать Манапа, – сказал он о своем решении жене. Та огорченно, с некоторым укором посмотрела на него.

– Сколько можно быть благотворителем для неблагодарных людей, Хункар? – не выдержала Тавус. – Они живут только для себя. Ты им как бельмо в глазу. С тобой никогда не считались…

– Хорошо, хорошо… – Хункар впервые видел ее такой раздраженной. Винить ее было не в чем – она была права. – Да, тысячу раз права, – проговорил он про себя, когда она вышла из комнаты, – да, с меня хватит.

Хункар пододвинул к себе книгу, полистал ее, но мысли его были далеко.

Вошла Тавус. В руках она держала золотые монеты.

– Сколько нужно следователю? Возьми. Пусть подавится… – сказала она и положила монеты перед мужем: – Не откладывай…

Через неделю по аулу поползли слухи, что Манап был без вины виноватым.

О Хункаре и Тавус никто не упоминал…

В четвертом номере нашего журнала за 2005 год были напечатаны впечатления литератора из Краснодарского края Ольги Безымянной, названные ею «О, Дагестан, великая страна…» Автор была в восторге от нашей республики, от радушия и трудолюбия дагестанцев. Знакомство с нашими земляками произвело на нее неизгладимое впечатление. Настолько, что она прислала нам свою новую работу.

Ольга БЕЗЫМЯННАЯ

ТАММУЗ и АРМАЗ

Легенда, услышанная в Дагестане

Что-то мокрое, теплое и нежное касалось лица. Тамуз открыл глаза и сразу ничего не понял: яркое утреннее солнце слепило, и мальчик не мог видеть, кто находится перед ним. Таммуз прищурился, чтобы хоть как-то разглядеть, но ничего не получилось, да к тому же этот кто-то ткнул ему прямо в глаз. Мальчик высвободил руки из бурки, в которой спал, и взял незнакомое существо. На ощупь стало ясно: это ягненок. Он обрадовался и поцеловал пушистую мордочку. Когда Таммуз вылез из бурки полностью, то взял ягненка на руки и прижал к груди. В золотых лучах утреннего светила он казался солнечным.

– Он родился с восходом солнца, – услышал Таммуз дедушкин голос.

– Тогда мы назовем его Армаз, что значит солнечный! – воскликнул мальчик.

– Пусть так и будет, – согласился старый чабан. Он первый раз взял внука в горы и радовался смекалке малыша, которую тот проявил за первых два дня.

– Можно это будет мой ягненок? – спросил Таммуз.

– Пусть с него и начнется твоя отара, – ответил дед. – Иди завтракать.

Таммуз с ягненком на руках подошел к костру и по запаху определил, что варится баранина. Мальчик посмотрел на Армаза. В глазах ягненка светилась любовь, по крайней мере, это казалось, да и был барашек необыкновенным: шелковистая золотая шерсть, закрученная мелкими колечками, милая мордашка с обвисающими ушками и маленький забавный хвостик. Он все норовил ткнуться в лицо мальчика. Таммуз вдруг представил, что наступит время и его ягненка забьют, сварят в котле, подадут к столу на блюде и станет он просто дымящимися кусками мяса, и не будет больше глаз, излучающих любовь, не будет шелковистой шерсти золотого цвета, не будет маленького забавного хвостика и милой мордашки с обвисшими ушками, – и на глаза Тамуза навернулись слезы.

– Я больше не буду есть баранину, – твердо сказал мальчик.

– Понимаю тебя, и рад этому, – улыбнулся дедушка. – Присаживайся, подкрепимся лепешкой с сыром.

Прошло какое-то время. Как-то дедушка и внук сидели у гаснущего утреннего костра и разговаривали и вдруг услышали голоса людей.

– Пришли, – грустно сказал дедушка, встал и прошел немного вперед. Таммуз не понял смысла его слов.

На склоне появились трое мужчин.

– С праздником, старик, – сказал один, видимо, старший. – В этот день надлежит приносить жертву Богу, отбери нам барана получше, чтобы здоров был и красив, – что мы дадим Богу, то и он нам.

– Да смотри, чтобы ухо не было надорвано, – прибавил второй.

– И глаз не выбит, – дополнил перечень требований третий.

– Есть поверье: будет он одноглазый – не увидит пропасти и не доведет к вратам Бога, – поведал первый.

– А если будет повреждено ухо, то не услышит Его зова и пойдет неправильным путем, – дополнил второй.

– А если будет болен или некрасив, то его просто не пустят в рай, и нас тоже. Поэтому ты уж постарайся, старик, – попросил третий.

– Выбирайте, – указывая рукой на отару, сказал пастух. – Вам виднее.

Таммуза заинтересовало объяснение незнакомцев: такого он еще не слышал, и он приблизился к беседующим, держа ягненка на руках. Главный увидел барашка и, широко улыбаясь, произнес:

– Молодец, мальчик, соображаешь. Чистый агнец нам и подойдет! Его мы и принесем в жертву Богу!

И тут Таммуз представил, как Армаза положат на жертвенный камень, вознесут над ним нож и вонзят его прямо в маленькое сердечко совсем недавно родившегося в лучах золотого солнца ягненка (однажды он

присутствовал на обряде жертвоприношения, а когда на него брызнула кровь, ему показалось, что убили его). Мальчик дрогнул, будто нож угодил ему в сердце, но теперь он не упал, как случилось тогда, а сорвался с места и побежал, крепко прижимая к груди Армаза.

– Держи его! – услышал Таммуз раздраженный голос. От испуга он споткнулся и упал. Армуз вскочил на ножки и побежал, Таммуз подскочил и бросился за ним, а сзади уже слышались быстрые шаги и тяжелое дыхание.

На пути убегающих оказалась быстрая горная речка. Ягненок ловко прыгал с камня на камень, у Таммуза это получалось не так проворно, но маленькую речушку беглецы все же смогли преодолеть.

Таммуз услышал шлепок о воду и вопль догонявшего, видимо, тот сорвался с камня. Посылая вдогонку беглецам проклятия и бранные слова с угрозами, догонявший остался далеко позади, вероятно, он не смог или не захотел бежать дальше.

Таммуз и Армаз поднялись на гору, потом спустились с горы – и так до тех пор, пока не устали. Они упали на траву и долго лежали, глядя в небо, чистое и голубое. Солнце было уже высоко, а качающиеся от ветра ветви в своей дрожащей листве разделяли свет полуденного светила на тысячу маленьких солнц.

Армаз весело запрыгал вокруг Таммуза, видимо, он отдохнул и набрался сил, мальчик подхватил ягненка, и они начали валяться по траве, не в силах сдерживать радость. Это была их маленькая победа, их маленькое счастье. Наконец Таммуз решил, что пора возвращаться, но, когда огляделся, то понял, что место ему незнакомо.

Он постоял немного, но ответ на мучающий вопрос «куда идти?» так и не пришел. Ничего не оставалось, как двигаться в какую-нибудь сторону.

Так друзья шагали до вечера, останавливаясь у горных речушек, чтобы напиться. Ночь настигла их в горах. Таммуз наломал веточек с листьями, постелил и лег. Армаз примостился рядом. Ночи в горах холодные, но вдвоем было теплее. Таммуз долго смотрел на звезды: в горах они, как крупный жемчуг, большие и яркие, да и много их на черном покрывале небосвода.

Мальчик проснулся от холода. Выпала роса, и одежда стала влажной. Видимо, замерзая ночью, Таммуз сильно прижимал к себе ягненка, чтобы согреться, поэтому Армаз лежал на Таммузе вытянувшись, а не сжавшись, как это обычно бывает у овец. Армаз спокойно лежал, будто понимал, что нельзя дергаться. Но стоило Таммузу зашевелиться, как ягненок выскользнул из рук мальчика и начал забавно прыгать, словно разминал ножки.

Таммузу хотелось есть, но в лесу ничего съедобного не было. Друзья снова зашагали по горам, поднимаясь с вершины на вершину, благо, горы в этом месте были невысокие. К полудню оба друга еле двигали ногами.

– Надо идти. Не сдавайся, – твердил Таммуз, подбадривая и себя и друга, но ножки Армаза так ослабли, что он опустился на траву и замер, только ясные глаза его были устремлены в небо, словно ягненок хотел взлететь. Таммуз взял друга на руки и пошел.

– Нельзя сдаваться, а то умрем, – шептал мальчик, – ты недавно родился, а кто уже родился, тот должен жить. Тебя не убили тогда, а значит, нельзя умирать сейчас.

Только вечером Таммуз увидел селение. Оно было у подножия горы, надо было только спуститься, а сил уже не было. Мальчик закричал, однако и голос был слабым и почти не звучал, ноги подкосились, и Таммуз вместе с ягненком опустились на землю.

Когда мальчик открыл глаза, вокруг было темно. «Снова ночь, и будет холодно», – подумал он и стал ощупывать руками вокруг себя, ища друга. Когда он понял, что Армаза рядом нет, то вскочил, как ошпаренный.

– Армаз! Армаз! – закричал мальчик.

К Таммузу подбежала женщина.

– Тише, всех разбудишь, – сказала она.

– Где я? – спросил мальчик.

– Муж тебя нашел на горе и принес в дом. Ты очень ослаб, видимо, долго шел. Ты заблудился?

– Где Армаз?– задыхаясь от волнения, спросил Таммуз. – Его принесли в жертву?

– Кого?

– Моего ягненка.

– Не волнуйся, он в хлеву, он нашел себе вторую маму. Выпей молочка, оно придаст тебе сил. – И женщина поднесла миску с молоком к губам Таммуза.

Жадными глотками мальчик пил молоко, и оно казалось ему удивительно сладким и вкусным. Только когда напился, он снова спросил:

– А Армаз ел?

– Я же тебе сказала: он нашел себе маму, и она накормила его.

– Можно я посмотрю?

– Спи. Завтра посмотришь.

– Нет, сегодня: я должен убедиться, что Армаз жив.

Женщина провела Таммуза в хлев. Тусклый свет свечи все же помог мальчику разглядеть друга. Тот лежал возле большой овцы, рядом с таким же ягненком.

– Он спит, и тебе пора, – сказала женщина, и мальчик покорно пошел в дом.

Утром за завтраком мальчик рассказал свою печальную историю.

На что мужчина, похожий чем-то на отца Таммуза, сказал:

– Да, есть такие люди, которые не понимают, что Богу не нужно приносить в жертву дружбу.

Таммуз не все понял из сказанного, но ему было ясно одно: Бог не нуждается в том, чтобы для него убивали Армаза.

Так как Таммуз не смог внятно ответить, где он живет, его уговорили остаться, пока не окрепнет ягненок. Мальчик согласился, но с одним условием: его не будут заставлять есть мясо барана.

Однажды к людям, где жил Таммуз, приехал богатый родственник. По этому случаю должен был состояться большой праздник. Для мясных блюд стали отбирать баранов, и вдруг гость, увидев Армаза, обрадовано воскликнул:

– А вот из этого ягненка я сам приготовлю прекрасное блюдо!

– Нет! – закричал Таммуз. – Не дам!

– Это еще кто такой? – возмутился родственник.

– Я нашел его в лесу и приютил на время, пока окрепнет его ягненок. Мальчик, видимо, отстал, – объяснил хозяин дома.

– Нет, я не отстал! – возмутился Таммуз, не понимая, что ложь мужчины была ему во благо. – Я убежал от таких же людей, как вы! Они тоже хотели убить моего ягненка.

– Хорошая мысль, – обрадовался гость, – сделаем из этого ягненка жертвенное животное и посвятим его Богу. Бог высоко оценит наш дар и сделает нам еще больший, а потом сварим этого барашка!

Мальчик не стал спорить, помня, что его первый опыт был неудачным. Он бросился в хлев, а когда отыскал там ягненка, в дверях уже стоял гость и перекрывал своим толстым телом выход.

Вдруг Таммуз закричал так, как будто его резали, и в этот момент из угла выскочил большой баран и то ли от испуга, то ли по другой причине ринулся к выходу и вынес гостя на своих рогах. Какой тут начался переполох! Таммуз понял, что после случившегося добра не жди, остается одно – бежать. Он схватил Армаза, выскочил на улицу и побежал прочь.

– Все время иди по дороге, – крикнула какая-то женщина и сунула ему в руки узелок.

Только далеко за селом Таммуз остановился, чтобы хоть немного отдышаться. Он опустил ягненка на землю, и тот весело засеменил ножками. Мальчик развернул узелок, который дала ему женщина, там оказались лепешка, сыр и молоко. Таммуз накормил барашка, поел сам и отправился по дороге вперед. К вечеру он пришел в селение. Селяне были удивлены странному путнику, но, услышав его невеселый рассказ, стали наперебой предлагать кров и еду.

С тех пор Таммуз не стал задерживаться в селениях надолго, боясь за своего друга, но на гостеприимство отвечал благодарностью и принимал скромную еду в дорогу. Так ходили мальчик и ягненок до самых холодов, и только к зиме маленькому пастушку улыбнулось счастье: он наткнулся на отару дедушки.

Перезимовали дома, в низине, куда перегнали всю отару. Весной, когда начал сходить снег, дедушка с отарой ушел в горы, и снова взял с собой Тамуза.

Армаз стал большим и красивым, у него была длинная шелковистая шерсть и закрученные крепкие рога, а глаза его по-прежнему были ясными и добрыми. Таммузу иногда казалось, что Армаз понимает все, как будто он не баран, а человек.

Сидя вечером у костра, дедушка протянул Таммузу кинжал. Мальчик хорошо знал его: он всегда висел у дедушки на поясе. Иногда дедушка давал его Таммузу, и тот долго рассматривал красивую вещицу. В эти минуты мальчик мечтал о такой же.

– Это мой подарок тебе, – сказал дедушка. – Ты мал, и отару тебе еще не доверишь, но ты вырастил одного барана, а это немало. Ты достоин носить кинжал, как настоящий чабан.

Всю ночь рассматривал Таммуз кинжал, ему даже не верилось, что его заветная мечта сбылась.

Утром он проснулся от звука мужских голосов. Когда он сообразил, что произошло, трое мужчин стояли возле дедушки.

– Выбирайте, – ответил дедушка.

Мужчины вошли в отару, как в волны белого моря.

– Дедушка, почему они приходят именно к нам и берут баранов? – взволнованно спросил Таммуз.

– Потому что это их отара, а я только пастух.

– И они могут делать, что хотят?

– Они хозяева.

– Но Армаз – мой!

– К сожалению, нет, мой мальчик. Это все: от мала до велика – принадлежит им.

Мужчины долго не могли определиться, какого барана или овцу взять, и вдруг остановили свой выбор на Армазе.

– Не трогайте его, это мой баран! – крикнул мальчик.

– Это что за шутки, дед? – удивился старший.

– Мальчик вырастил его, а потому прирос душой. Возьмите любого другого, бараны все хороши.

– Не забывайся, старик, это не твоя отара, и тебе платят за то, чтобы ты пас овец, а не давал мне указания.

– Не смейте убивать его! – закричал Таммуз.

– Пошел прочь, щенок!

И один из мужчин оттолкнул Таммуза.

– Именно этот и будет мил Богу, а что мило ему, то и надо приносить в жертву. Для того и растим овец, чтобы умилостивить Всевышнего.

«Неправильно это, – подумал Таммуз. – Не может такого быть, чтобы Богу нужна была смерть моего друга. Люди выдумывают это, чтобы оправдать свои дурные поступки».

– Возьмите другого, – умолял дедушка.

– А ты, по-моему, или на работе этой задержался… – сказал один из мужчин.

– Или на этом свете, – прибавил другой.

Один из приехавших толкнул дедушку, тот упал и не смог встать.

Мужчины выволокли Армаза, повалили на землю, связали ему ноги и пошли за другим.

Баран попытался встать, но связанные ноги не позволили ему сделать это. Таммуз подбежал к дедушке.

– Освободи Армаза и уходи с ним, я справлюсь, – зашептал дедушка внуку.

– Я не брошу тебя, – возразил мальчик.

– Со мной ничего не случится, а солнечного барана убьют. Иди, а то погаснет солнце над землей.

Таммуз искренне поверил, что такое действительно может произойти, и бросился к другу.

– Смотри, – услышал он голос одного из мужчин, – малец бежит к барану.

– Лови его! – крикнул другой.

Таммуз подбежал к Армазу, выхватил из-за пояса кинжал, перерезал веревки на задних ногах. Баран вскочил, и тут же упал на связанные передние ноги. Тогда Таммуз стал резать веревки на передних, но то ли он спешил и волновался, то ли узлы были слишком крепкими – веревка не поддавалась.

– Ну-ну, посмотрим, что у тебя получится, – сказал кто-то над самой головой мальчика, и Таммуз со всей силы ударил кинжалом по веревкам, те распались, баран вскочил, а мальчик от испуга схватился руками за его шерсть и оказался на спине уже бегущего Армаза.

Мужчины бежали сзади и даже хватали один раз за хвост, но им так и не удалось догнать беглецов. Когда мужчины начали отставать – послышались бранные слова. Таммуз опомнился, когда Армаз перебегал речку. И только сейчас мальчик понял, что на месте, где освобождал друга, остался кинжал, который он выпустил из рук, схватившись за его шерсть.

Больше никто не видел ни мальчика, ни барана. Только далеко в горах стали замечать чабаны, что при восходе на самой высокой вершине в лучах золотого солнца появляется фигура барана, а чуть позже рядом с ним оказывается фигура человека.

Сначала говорили, что это Таммуз, внук старого чабана, и его баран Армаз, которого мальчик не раз спасал от жертвенного ножа. Спустя какое-то время стали говорить, что на вершине горы во время восхода появляется сам Бог и солнце в виде барана. Сказывают даже, что кто-то слышал, как сам Бог говорил о том, что ему не нужны жертвы друзьями, что он против любого пролития крови. Возможно, это и так, только кто теперь скажет, где истина.

Наира АЛИЕВА

ЖЕНСКИЕ МИНИАТЮРЫ

ДУБЛЕНКА

Сколько Зухра себя помнила – вечно мерзла: то ли теплая одежда слишком дорога и родители не могли всех детей одеть, то ли это просто уже стало для нее нормой…

Наконец это случилось: муж пожалел ее, (а может, себя) и купил ей дубленку. Настоящую, теплую, легкую, мягкую. Правда, она была коротенькой курточкой – но в ней было так тепло, даже жарко, что Зухра была счастлива! В ней она игнорировала холодный пронизывающий ветер, любой мороз, и не бежала, синяя, домой, а не спеша шла по улице, наблюдая вокруг мир, который, оказывается, живет своей жизнью.

Подруги на работе дружно хвалили покупку. Но Зухру, честно говоря, это настораживало: ну не верила она в искренность таких похвал со стороны соперниц по жизни. По идее, разум подсказывал, что, наверное, дубленка не столь хороша, раз они так ее хвалят.

Но, отбросив сомнения, она поехала, гордая, к маме.

Мама тоже обрадовалась, но сказала:

– Я думала, что она хоть длинная. Ну, ничего, доченька, в следующий раз настоящую шубу купишь, норковую.

Нос ее тут же опустился, но, когда вышла на улицу – вновь была счастлива: погода явно разыгралась – мерзни, мерзни, волчий хвост! – а ей, назло морозу, было тепло: она очень спешила и поэтому отчаянно замахала руками, увидев такси...

Таксист несколько раз почему-то на нее обернулся, наконец заговорил:

– Здесь работаете? – бодро спросил он.

Зухре было лень вступать в разговор, говорить, что нет, она работает в вузе, и поэтому она согласно кивнула. Он рассмеялся:

– Так и знал! Сразу видно, что торгуете на рынке! – и он, довольный, подмигнул ей.

Зухру это задело:

– С чего вы решили, что я торгую? – спросила она.

– Да я психолог, меня не обманешь. У вас турецкая короткая дубленка, извините, недорогая. Интеллигенция в таких не ходит – в таких обычно капусту и картошку продают, – радостно поделился таксист своим жизненным опытом.

У Зухры перехватило дыхание. Но она сдержалась и молчала всю дорогу, а таксиста было не остановить:

– Вот преподавательницы университета – тех сразу видно, модницы. В дорогих шубках, и ведут себя важно. А вы так махали мне, что сразу видно – из села.

Зухра чуть не стонала.

– Да и мужа, наверное, нет. Угадал? – продолжал мой палач.

– Почему же? – выдавила она.

– Э-э-э! Мужья покупают более дорогие вещи, а когда женщина одна, как ты, тянет семью – на хорошую вещь не заработаешь, – продолжал он. – И не красишься. Тебе, наверное, лет 50. Угадал?

Зухра даже вспотела. Конечно, ей не 30, но чтобы дать на 15 лет больше! Нет, этого она пережить не могла.

Когда подъехали к подъезду, таксист выдал последний шедевр:

– Да, в таком доме богатые точно не живут. Видишь, как все сходится!

Зухра швырнула деньги и вылетела из машины.

Что было потом, когда пришел с работы муж, – лучше не говорить. Но она говорила. И все ораторы древности в своих могилах, если бы могли, рукоплескали ей – такую неподдельную страсть в речи редко услышишь! Она говорила до тех пор, пока измученный муж не заснул.

С тех пор свою дубленку она носит только по вечерам. В темноте. Когда выходит с мужем на традиционную вечернюю прогулку...

А на работу идет в стареньком тонком пальто, в котором страшно мерзнет, но которое на вид вполне прилично. Селяви!

ЛИФТ

Нет, так больше жить нельзя: никто не обращает на Лейлу внимания как на женщину! Ну, почему так не везет? Она посмотрела на себя в большое, чуть мутное от старости зеркало и вздохнула: конечно, это каких денег стоит, чтобы сделать из нее что-нибудь привлекательное. Хоть личных парикмахера и визажиста заводи. Это при ее-то смешной зарплате...

Неожиданно зазвонил телефон, и она услышала торопливый заговорщический шепот Амины из бухгалтерии:

– Приходи, есть новый товар, кое-что и для тебя найдется…

– Иду, – радостно ответила Лейла.

А что делать? В каждой конторе, наверное, есть такая Амина, которая приносит ворох всяких тряпок, и все женщины, как на зов сирены, зомбированные, бегут их мерить... Это зов крови, который не остановят даже их крохотные зарплаты. Все у нее потом в кабале до следующей получки. И опять занимают и опять дают слово, что больше к ней ни ногой... Увы! Благими намерениями...

Лейла прибежала к ней, и Амина тут же радостно закричала:

– Вот эта изумительная кофточка и эта юбка как раз для тебя!

Кофточка была ядовито-розового цвета, вся в оборочках... Лейла растерянно на нее посмотрела и робко возразила:

– Но я такой цвет вообще-то не ношу, и эти оборки...

Но была тут же раздавлена категоричной репликой:

– Срочно примеряй! Пока другие не схватили!

Лейла натянула кофту и юбку, которая нахально, по-молодежному, сидела на бедрах и почувствовала себя эдакой мамой Розой в свои 40 лет.

Но Амина не дала ей и рта раскрыть, тут же скомандовав:

– Иди в лифт, там большое зеркало, и на себя посмотри: помолодела лет на десять.

Лейла рванула к лифту, надеясь на чудо, но тут с ней в лифт зашел импозантный высокий мужчина с копной седых волос и тоненькой папочкой:

– Вам на какой? – вежливо поинтересовался он.

Лейла сразу вычислила, что ему, судя по виду и по парфюму, надо на третий, к начальству. Подумав, что там она его и высадит, а потом посмотрит на себя, сказала:

– На четвертый.

Лифт двинулся. Лейла индифферентно смотрела перед собой, как вдруг боковым зрением заметила, что мужчина как-то боком потихоньку стал к ней приближаться. Она отодвинулась, думая, что ей, может, это показалось. Но мужчина упорно продолжал продвигаться, не глядя на нее. Она отодвинулась дальше во второй угол, затем в третий... Наконец, когда решила, что сейчас даст ему по башке… лифт остановился, и он важно, как в ни в чем не бывало, вышел.

Лейла с бьющимся сердцем нажала на первый, выскочила из лифта и, прибежав к Амине, выпалила:

– Знаешь, я в зеркало не успела посмотреть, но все равно – беру! Действительно, идет!

К себе она летела как на крыльях. Нет, жизнь еще не кончена! А что? Ей всего 40.

МОЙ АНГЕЛ

Я услышала шаги моего младшего сыночка, и радостно бросилась к нему: каким неуютным был дом до этого момента, когда он проснулся! Я обняла свое солнышко и, поцеловав его макушку, сказала:

– Доброе утро, сыночек. Как спал?

Он крепко меня обнял, поднял родную мордашку и очень серьезно сказал:

– Мама, мне приснилось, что я умер.

Я молча снова обняла его, но он отстранился и продолжил:

– Мама, мне приснилось, что я умер и сразу попал в рай. Там меня встретили, и я стал ангелом. Я теперь знаю, как они летают: не машут крыльями, как птицы, а двигают плечами. Вот так. А потом я с одним ангелом очень подружился. И вдруг на земле увидел тебя. Ты была такая красивая и такая грустная. Мне тебя стало жалко, и мы стали твоими ангелами-хранителями. Однажды даже на тебя упал шкаф, а мы его подхватили, чтобы ты не ударилась, и спасли тебя. Ты еще подумала, что тебе повезло. Тогда решил стать твоим сыночком, чтобы любить тебя и сделать радостной и счастливой. И я у тебя родился.

Я никогда тебя не буду обижать! – и он порывисто обнял меня.

А у меня текли по щекам слезы, которые я не могла удержать....

Вечером, лежа в постели и прислушиваясь к глухому шелесту листвы тополя, я вновь и вновь прокручивала десятилетней давности эпизод, когда на меня упал огромный шкаф, процарапав углом висок, и как я и муж были удивлены, что я так тогда легко отделалась. А рядом спал теплый сынок, снова видя, наверное, какие-то свои сны…

КОМАР

Я собралась мыть банку из-под варенья, как вдруг заметила, что к ее стенкам внутри прилип комар, который отчаянно шевелил крылышками, пытаясь освободиться. Тут в кухню забежал мой младший:

– Мам, что смотришь?

Не успела я ответить, как он увидел комара:

– Бедный! Ему, наверное, больно и страшно. Мам! – тут же решительно сказал он. – Ты что, собираешься мыть банку? – и он строго на меня посмотрел.

Я торопливо ответила:

– Нет!

– Правильно! – облегченно вздохнул сынок. – Он же живой. Он скоро сам освободится и улетит, потом помоешь.

– Может, я его вытащу, – робко предложила я.

– Нет, мама, ты что, не понимаешь? Ты же можешь нечаянно поломать ему крылышки.

– Правильно, – вмешался в разговор папа, который в это время пил на кухне чай. – Дадим ему шанс.

Так банка осталась на столе.

Прошел день. Утром сынок сразу побежал в кухню и проверил: что с комаром? Бедняга попрежнему сидел, прочно приклеившись к липкой массе, но уже не шевелил крылышками. Но сын категорично заявил:

– Мам! Не трогай банку, он сейчас соберется с силами – и сам освободится. Ты же не будешь его убивать? – и он пытливо посмотрел на меня.

Я ответила, что, конечно, подожду его освобождения.

Наутро меня разбудил радостный вопль сына:

– Мама! Скорее сюда!

Я прибежала и увидела его счастливого с банкой в руках:

– Мама, я же говорил, что он улетит! Он освободился! Вот молодчина! Он не сдавался! Ура! Молодец!

– Я рада! – удивленно отреагировала я.

В это время на кухню зашел папа и многозначительно посмотрел на меня:

– Улетел, наконец? А я ночью тоже вставал – проверял.

Я понимающе посмотрела ему в глаза.

– Видишь, сынок, – продолжал папа, – я тебе всегда говорил: «Кто хочет – тот добьется!» Это даже комары понимают.

– Папа, я так рад! Я так волновался за него! – И счастливый сын порывисто его обнял.

– Ну, беги, собирайся в школу! – ответил чуть смущенно папа.

УРОК

Теплым майским вечером мы возвращались с дачи. Настроение было беззаботно-счастливое. Камиль смеялся и бесконечно рассказывал, как поймал медведку, как сажал огурцы, как ел малину. Счастье переливалось из него и буквально заливало и меня, и папу, который всю дорогу вел машину, улыбаясь. Наконец, мы подъехали к стоянке. Все нас здесь уже знают. Недавно сторож знакомил собакой, которая у него поселилась и верно несет службу. Она, видно, была счастлива, что нашла хозяина и верный кусок хлеба. Одного глаза, правда, у нее не было, хвост тоже ей когда-то наполовину чем-то срезало, кроме того, она хромала и была тощей. Меня с мужем она уже знала и приветливо махала хвостом, завидев нашу машину. Но Камиль ее еще не видел.

Пока мы вытаскивали из багажника многочисленные дачные сумки, он понесся вприпрыжку к выходу и вдруг... на него, злобно рыча, бросилась собака, которая стала так яростно лаять, что наш сын остановился, а потом закричал... Я уже бежала к нему со всех ног, выскочил сторож с криком: «Фу, Найка! Фу! С ума сошла! Чего это она так ненавидит детей?» Подбежав, я крепко обняла сына, прижала к себе его мокрое от слез лицо... Подбежал и муж. Он схватил с земли первый попавшийся под руки камень и бросил со злостью в собаку: «Ах, ты. На кого лаешь?!» Но тут наш сын закричал еще громче. А потом схватил папу за руку и прокричал: «Не бей ее, она, видишь, бедная, кривая! У нее глазика нет, ее жалко!»

Собака испуганно забилась под вагончик сторожа. Мы, потрясенные, молчали. А Камиль снова и снова теребил папу за руку и горячо говорил: «Не бей ее, она же бедная!»

– Не будем, не будем, – шептала я, горячо обнимая сына.

Возвращались мы, крепко взяв за руки Камиля с двух сторон. Наконец, Камиль тихо сказал: «Завтра я ей принесу поесть. Наверное, ее сильно обижали мальчики, поэтому она подумала, что я злой».

Мы кивнули. Шли и молчали, каждый думал о своем. А я благодарила Бога за то, что он дал мне этого ребенка и преподнес через него урок великой всепрощающей любви.

ПЛАКУНЧИК

Знаете сказку про лесного плакунчика? Про того, который выслушивал про все неприятности лесных жителей и сочувствовал им. И всем было хорошо: и тем, кто облегчал душу, и лесному плакунчику, который считал это важной работой.

Вот и я такой плакунчик для своих подруг, только городской.

Приходит на днях одна подруга и задает извечный риторический вопрос:

– Почему проходит любовь?

– Из-за отсутствия абстрактного мышления, – отвечаю я. – Женщина, увидев интересного на первый взгляд мужчину, должна абстрагироваться от его костюма, должности, кошелька – и только тогда решать: любит она его или нет в таком первозданном адамовом состоянии. А мужчина должен абстрагироваться от длинных ножек, бюста, лица, костюма, цвета волос – и тогда тоже не ошибется.

Сама я при выборе мужа просто выключила и абстрактное мышление, и зрение вообще – и выиграла в лотерею. Но не всем же так везет. Вообще подход к выбору спутника у мужчин и женщин разный. У мужчин вначале важна внешность предполагаемой жены и лишь потом утилитарный подход; у женщин же – вначале утилитарный подход и на последнем месте внешность. Все это не может не вызвать брака. При заключении брака. Простите за каламбур.

Другая моя подруга утверждает, что лучше всего приручать закоренелых холостяков – дескать, они настолько одичали, что под руководством женщины расцветут. Их нужно только отмыть, накормить и уложить с газеткой на диван – и все, муж готов. Он никуда не уйдет.

Не верю, что старый кактус зацветет, а если и зацветет, то все равно колючий. И вообще, я считаю, что сколько волка ни корми...

Другая подруга в отчаянии, желая получить замужний статус – прямо, как гражданство на жизнь – согласна пойти и второй, и третьей женой. Я восхищена ею! Вот это да! Аскетка! Ждать дисциплинированно, когда муж в своем отдельно взятом маленьком гареме найдет время на тебя, любимую? Выделяя ей вторую или третью часть этого великого чувства – любви... А муж… Эдакий

диспетчер, который устанавливает свое движение от одной жены к другой. И расписание вешает в спальне каждой... Романтика-а-а-а!

Другая подруга зациклена на поисках богатого мужа или любовника. Статус необязателен. Наивная. Богатый мужчина – это как кенгуру, вместо сумки у которого кошелек. Конечно, женщина в него же просто не помещается. Наивная, она же, думает, что богач – это как переходящее красное знамя, которое она будет крепко держать в руках, лишь бы оно попалось ей в руки. Или даже если просто его подержит, может, хоть что-то к рукам и прилипнет. Конечно, альфонсов она с гневом осуждает, хотя сама с ними коллега.

Другая рыдает, что ушел очередной донжуан или альфонс – неважно. Я и ее утешаю – во всем есть свои плюсы, как в анекдоте: «Операция? Не страшно, главное не реанимация. Реанимация? Не страшно. Главное, жив. Умер? Не страшно. Главное, отмучился».

Вот я ей и говорю:

– Любовь прошла.

– Нет, уползла змеей в другой райский сад.

Тогда учу, как отвечать любопытным кумушкам на вопрос: «Куда же он делся?». Отвечай так:

– Он для меня умер. А о мертвых, как известно, или хорошо, или ничего. Третья подруга мучается, что ее любовные отношения напоминают фехтование: нервное противостояние с долгими пританцовываниями на узкой дорожке – резкий выпад, и снова дрожание рапир на струнах нервов. Чьи окажутся крепче?

– Не фехтуй, – учу я. – Сложи оружие. На время, конечно. До того светлого момента, когда приобретешь официальный статус жены. Вот тогда запросто, по-крестьянски, сковородочкой (если ему захочется трепать нервы) выяснишь отношения.

Четвертая подозревает, что он не смотрит на нее, потому что у нее маленькая грудь – она носит бюстгальтер нулевого размера с наполнителем. Я ее уверяю, что он вообще не туда смотрит, если он настоящий мачо. Лучше больше следи за собой, советую я, за тем, что есть. А то у нее даже праздничный макияж состоит лишь в умывании. Я ей рекомендовала девиз: лев выбирает львицу. Так что, если уж быть кошкой, то лучше крашеной, чем облезлой.

Последний типаж страдающей подруги – это современная Анна Каренина. Она регулярно приходит ко мне и заламывает руки:

– Почему так все сложно? Ведь я просто люблю. И в итоге борюсь с собой, с ним, с мужем, с детьми, с моралью – весь мир ополчился против такого естественного чувства, которое мне дал Бог.

– Может, для того, чтобы в следующей жизни не ошибиться сердцем? – отвечаю я.

Так и живу в котле страстей. А сколько женщин живет за счет страстей других женщин – и не сосчитать. Нет уж, лучше самой быть влюбленной, чем слушать о любви от других.

ОВИДИЙ

Среди друзей Мухтар считался самым начитанным и очень авторитетным. Вот поэтому они откомандировали к нему конченого человека – Абдула, который безнадежно влюбился в юную кокетку, она вертит им как хочет. Мухтар, конечно, читал «Лекарство от любви» Овидия и решил попробовать его советы на деле.

Абдул пришел весь какой-то несчастный, но когда Мухтар с ним заговорил о его пассии, лицо его преобразилось, он весь как-то вырос и с жаром был готов говорить о ней весь день. Но Мухтар его остановил и начал с ним такой диалог:

– Ты давно ее знаешь?

– С пеленок. Я влюбился в нее с первого взгляда.

– Лень и здесь тебя подводит. Она красива?

– В ней есть шарм.

– Когда невозможно что-то утверждать, говорят, что в ней есть шарм.

– Она – настоящее сокровище.

– Тогда сдай в музей – там надежная система охраны.

– Я готов прожить с ней всю жизнь.

– Вряд ли с ней ты доживешь до старости.

– Это совершенно небесное создание.

– Это же плохо, она что, не ходит на рынок?

– Она прекрасная хозяйка.

– Значит, неумна.

–Умница.

– Значит, некрасива.

– Красавица.

– Может, это ангел?

– У нее много женихов, но если она мне скажет «да», то я, наверное, умру от счастья.

– Слушай, может, это у нее похоронная контора?

– Я готов ее слушать часами.

– После женитьбы это пройдет, когда она начнет только отдавать приказы.

– Она такая образованная.

– Значит, изощренная лицемерка.

– Она подобна редкому цветку.

– Значит, быстро завянет.

– Если ты ее увидишь, ты поймешь меня.

– Скорее, ее.

– Она так верит в Бога.

– Это тебе Бог сказал?

– Она такая жизнерадостная.

– А ты видел грустного рыболова, поймавшего крупную рыбу?

– Если бы ты увидел, сколько у нее поклонников...

– У каждой отары баранов есть свой чабан.

– Это исключительно богатая духовно девушка.

– Я не геолог. Предпочитаю, не копаясь, созерцать прекрасный ландшафт.

В таком духе они пробеседовали с час. Мухтар взмок. Вот упертый баран! Но тут раздался звонок, и Абдул вскочил.

– Это она. Она обещала за мной зайти.

Мухтар открыл дверь и ... остолбенел. Перед ним стояло совершенно очаровательное существо. Она застенчиво улыбнулась улыбкой ангела и пропела:

– Меня зовут Мадина. Абдул еще у вас?

Мухтар промычал. Они ушли, вернее, она его увела. С тех пор Мухтар не расстается с Абдулом.

Теперь друзья ищут авторитетного человека, который бы поговорил по душам с Мухтаром.

Муслим МАГОМЕДОВ

БАРД СВОЕГО ВЕКА

Къазакъ – къомуз сорокострунный,
Я – лишь одна его струна…
Анвар Аджиев

Среди лучших сыновей, составивших славу своего народа, едва ли найдется хотя бы еще один, чья широчайшая популярность, поистине всенародная известность столь мирно уживались бы с почти полнейшей неразберихой и довольно частыми разночтениями в вопросах, связанных с его поэтической и человеческой биографией, творческим становлением и точной датировкой времени написания им тех или иных, ставших знаменитыми, произведений, как гениальный кумыкский поэт Йырчы Къазакъ.

Кстати, определение «гениальный» в оценке творчества певца первым, как теперь говорят, ввел в научный оборот незабвенный Эффенди Капиев. А он, как известно, отнюдь не отличался чинопочитанием и склонностью к переоценке чьих бы то ни было заслуг и дарований!

Если начать с биографии поэта, то весьма условно и довольно приблизительно она выглядит следующим образом.

В первой трети XIX века, примерно в 1830 году, недалеко от нынешнего Буйнакска, в селении Муслимаул, в семье узденя Татархана родился мальчик, вошедший в историю кумыкской, дагестанской и всей тюркоязычной литературы под звонким и певучим именем – Йырчы Къазакъ.

Как и большинство его сверстников, первоначальное обучение грамоте он прошел у местного муллы. И уже в ранней юности начал исполнять песни собственного сочинения в сопровождении игры на агъач–къомузе, на котором, согласно свидетельствам, играл виртуозно.

Пел он вначале свои песни в кругу товарищей, на дружеских пирушках, иногда на свадьбах односельчан, и делал это настолько искусно, что через какое–то время слава о его прекрасном исполнении и мастерской игре на къомузе распространилась далеко за пределы Муслимаула. А вскоре дошла и до поместий местных феодалов, и дворца самого правителя кумыкских степей и предгорий шамхала Тарковского Абумуслим-хана.

Затем, как тогда водилось, последовал приказ-приглашение во дворец шамхала, где ему затем приходилось бывать довольно часто, а иногда и подолгу…

Сам правитель Кумыкии и его окружение были в восторге от певца, что называется, души в нем не чаяли; особенно дочь шамхала Райгъанат-бике, отнюдь не безответная любовь к которой и послужила, по некоторым сведениям, одной из веских причин первой, но очень понятной высылки певца в Сибирь…

Случилось так, что его другу Атабаю приглянулась одна из хорошеньких служанок правителя, которую Атабай, не долго думая, умыкнул. Йырчы Къазакъ, в полном соответствии с традициями того времени и к немалому удивлению благоволившего к нему шамхала, не только содействовал этому похищению, но, судя по его стихотворению, и бежал вместе с другом и его возлюбленной: сначала – в горы, где шла война горцев с силами русского царя, затем – в мятежную Чечню, которая была полем нескончаемых сражений в еще большей степени, чем часть нагорного Дагестана.

История эта имела печальный конец. Неудачливые похитители в конце концов оказались в руках шамхала, и певец, якобы за активное участие в похищении, был на три года выслан в Сибирь, без права возвращения на родину. По истечении срока наказания, примерно в 1861 году поэт, согласно приговору, был вынужден поселиться не в Дагестане, а в селении Ботаюрт, входящем тогда в Терскую область Кавказского края, где и прожил более двух десятков лет. Потом исчез, таинственно и внезапно.

Считается, что он был тайно убит по указанию представителей царской колониальной администрации и местных феодалов, к которым певец не испытывал ни малейших симпатий и редко упускал возможность жестко пройтись в их адрес в своих стихах и песнях, находивших полное понимание и горячее одобрение среди его слушателей из простонародья и людей среднего достатка, на которых он, собственно, и ориентировался.

Ни время его убийства (если оно, действительно, имело место), ни место его захоронения не известны и по сей день, так же, как и имена тех, кто (по чьему указанию) отдал приказ о его умерщвлении, и тех, кто это задание выполнил…

Теперь, что касается некоторых нестыковок и шероховатостей в установившихся взглядах на биографию поэта, хронологию написания отдельных его стихотворений, различной трактовки иными, даже лучшими на сегодня, исследователями творчества Йырчы Къазакъа, одних и тех же событий и фактов и немногочисленных документов…

Прежде всего, немало вопросов порождает даже вроде бы общепринятая дата рождения барда.

По некоторым сведениям, поэт, не довольствуясь образованием, полученным у служителей мусульманского культа, обучался еще и в светской школе, открытой русскими офицерами в Нижнем Дженгутае. В годы обучения в этой школе он был уже известен как большой мастер по написанию и исполнению популярных песен и сказаний. В числе его заинтересованных слушателей бывал и опальный поэт и писатель Александр Бестужев-Марлинский, записавший одно из особо ему понравившихся произведений Йырчы Къазакъа, и издавший его в «Московских ведомостях» в собственном переводе на русский язык.

Если принять во внимание, что Александр Бестужев-Марлинский в качестве участника боев против немирных горцев был в Нижнем Дженгутае,

Эрпели и других кумыкских аулах в 1831 году, то год 1830-й, как год рождения певца, становится малоубедительным и требует поправки лет на семнадцать-двадцать, на что, кстати, и указывают некоторые рукописные свидетельства тех лет…

Если судить по стихотворным письмам-обращениям барда к дочери шамхала Тарковского, Райгъанат-бике, и к самому правителю Абумуслим-хану, умершему в 1860 году, – поэт находился в трехлетней высылке в 1858–1861 годах. Хотя нигде, и ни в одном из списков осужденных, отправленных по этапу в Сибирь в те годы, записи или упоминания о человеке с таким именем пока вроде не обнаружено.

А поскольку сам факт высылки певца письменно подтверждается и им самим, и его известными современниками, становится понятным и правомерным имеющее место сомнение в подлинности даже самого имени поэта, не говоря уже об истинной причине его высылки. Ведь термин «йырчы» (певец, сказитель) всего-навсего указывает на род занятий человека, а слово «къазакъ» означало только принадлежность его носителей к близкой к абречеству свободолюбивой вольнице.

Все еще не снятым остается и вопрос о последних годах жизни барда, одно из писем которого помечено февралем 1897 года (об этом свидетельствует штамп на конверте одного из его писем, отправленных из Якутии). Это обстоятельство наводит некоторых исследователей на мысль, что поэт, возможно, был выслан не один раз, тем более, что другое его письмо было отправлено им уже из Томской области…

Определенные сложности наблюдаются и в относительно точной датировке многих из дошедших до нас стихотворений поэта. И несколько меньше – в установлении подлинности его авторства пары–другой, якобы ошибочно приписываемых ему поэтических произведений.

Почти все, кто пишет о Йырчы Къазакъе, единодушны во мнении, что одной из самых ранних его песен является «Чатакъ йыр», переведенная как «Песня погонщика волов». Но даже самые известные на сегодня исследователи его творчества (С. Алиев, К. Алиев) сходятся во мнении, что отдельные строки этой замечательной песни свидетельствуют об определенном жизненном опыте ее автора, и никак не похожи на творение юного, пусть даже и выдающегося, певца. Отсюда следует, что песня «Чатакъ йыр» написана поэтом в более зрелом возрасте, или – переработана им через много лет после ее написания…

В числе проблем, вызывающих немало вопросов при изучении творчества поэта, значится и действительная принадлежность его перу нескольких песен, безоговорочно признаваемых большинством исследователей подлинными творениями самого Йырчы Къазакъа. Здесь с определенной осторожностью можно провести некую аналогию со многими стихотворениями Николая Некрасова («Что так жадно глядишь на дорогу?», «Меж высоких хлебов затерялося» и другими), и по сей день принимаемыми рядовыми, далекими от литературы слушателями, как истинно народные песни.

К подобным песням, без тени сомнения, можно отнести многие песенные жемчужины Йырчы Къазакъа. Безусловно, есть немало признаков, по которым то или иное произведение литературы возводится в разряд неподражаемых шедевров, но если какие-то работы поэта признаются как образцы народного творчества, высшей оценки, наверное, и не бывает.

Несколько сбивает с толку и некоторая разноголосица при включении в сборники поэта тех или иных его стихов разными авторами, пишущими о певце. Воистину, каждый пишет так, как слышит… Но кто бы ни писал о творчестве Йырчы Къазакъа, все они единодушны в одном – так, как писал он, не писал и не пишет никто, и едва ли кому-нибудь это удастся сделать в обозримом будущем!

Поэт не был бы сыном своего времени, если бы, как и любой большой поэт, не откликался живо и страстно на главные события своего, далеко не простого, времени. Ему выпало жить в годы, которые принято считать периодом Кавказской войны. Предводителю горцев Шамилю он посвятил две великолепные, совершенно разные по направленности, песни. Несмотря на то, что обе они написаны уже после пленения Шамиля, позиция поэта в оценке его деятельности претерпела коренной пересмотр и носит в обеих песнях диаметрально-противоположный характер.

Если в первой песне объектом беспощадной, бичующей сатиры певца выступает русский царь-завоеватель, то содержание второй его песни, полной упреков и обвинений в адрес почетного пленника, чуть ли не буквально повторяет дух и букву знаменитого, адресованного Шамилю письма акушинского кадия, как и взгляды на движение горцев трех популярнейших шейхов XIX века – Джамалутдина Казикумухского, Абдурахмана ас-Сугъури и Саида Араканского…

Четкая политическая направленность и конкретное указание адресатов песен Йырчы Къазакъа в известном смысле помогает, хотя бы частично, восполнить отсутствие точных, документальных сведений о его жизненном и творческом пути. В стране, идеологические установки которой признавали лишь два цвета – черный или белый, исследователи творчества Йырчы Къазакъа видели в нем (и не без основания) гениального поэта и бесстрашного борца с жестоким произволом, творимым как царскими сатрапами, так и местными феодалами и их холуями.

Были, правда, и такие (пусть их и было в десятки раз меньше), кто считал певца выдающимся, непревзойденным мастером слова, охотно и неустанно ублажающим своими изумительными песнями шамхала Тарковского, биев и их челядь… Йырчы Къазакъ всей своей жизнью и поэзией подтвердил правоту первых и необъективность вторых, иначе б участь певца не была столь трагической. В пользу такого мнения свидетельствует, в числе прочего, и короткое великолепное стихотворение «Время придет», очень близкое по форме, духу и по воздействию на читателя пушкинскому «Товарищ, верь, взойдет она» и «Жнице» Тараса Шевченко.

Чтоб по–настоящему оценить гения, надо, наверное, и самому быть, как минимум, хотя бы талантом. Лучше всех понял дагестанского гения другой наш замечательный поэт Анвар Аджиев, вошедший в плеяду кумыкских певцов, включающих в себя Умму Камала, Абдурахмана Какашуринского и Йырчы Къазакъа. Цикл его стихов о кумыкском невольнике чести – лучший памятник нашему поэту!

НАСЛЕДИЕ

АШУГ ЯХЬЯ ЛЕГЕРСКИЙ

В конце XIX – начале XX века в селении Нижний Легер Кубинского уезда жил ашуг Яхья. Современники считали, что он обладал невероятным поэтическим дарованием и звонким, сладкозвучным голосом. Аксакалы села до сих пор помнят певучие строки знаменитого земляка. И всякий раз, когда им приходится слышать хороших певцов на свадьбах или иных празднествах, они с нескрываемой гордостью говорят: «У него голос как у ашуга Яхьи!». Это самая высокая похвала!

Родился Яхья в 1875 году, с детства ощутив красоту народных песен, был пленен ими. Под звучные мелодии своего чунгура он с юношеских лет слагал и исполнял свои стихи. Слава сладкоголосого певца из Нижнего Легера разнеслась по всему Кубинскому уезду. Из дошедших до нас песенных и стихотворных произведений создается цельное представление о большом мастере слова.

Ранние стихи ашуга – традиционные в восточной поэзии, с глубокими переживаниями, с восхвалениями возлюбленной. Его любовь – не мифическая, а реальная, земная. Живая народная речь, прекрасные эпитеты, широкие метафоры, тонкие сравнения делают его стихи выразительными.

Стихи зрелого Яхьи полны философских размышлений, рожденных нелегким жизненным опытом. Поэт скорбит о бренности земного бытия, его тревожат мысли о смысле жизни и человеческой судьбе, о нелегких людских отношениях. Он клеймит отживающее, унылое, грязное, устаревающее бытие.

Стихи последнего периода жизни поэта – это стихи умудренного жизненным опытом и удрученного житейскими треволнениями человека. В них пессимистические настроения, отчасти связанные, видимо, с пошатнувшимся здоровьем поэта. Физическая боль, немощь привнесли в последние произведения тяжелые раздумья о смысле жизни.

Стихи поэта остались рассыпанными, как драгоценные каменья, в различных устных и письменных источниках. Они до сих пор не собраны. По словам старожилов села, стихов у Яхьи было очень много, поэт якобы составлял диван – сборник своих стихов. К сожалению, этот диван до нас так и не дошел.

Ашуг скончался приблизительно в 1918 году в родном селе.

Азиз МИРЗАБЕКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ
Публикуем несколько из дошедших до нас его стихотворений.

МУМИНАТ

Стоишь одна, в маральей вся печали,
Поникнув головою, Муминат.
Не будь моей – сгоревшей в дальней дали –
Несбыточной мечтою, Муминат.

Твоя улыбка стала бы мне дарманом,
А красноречье – лечащим Лукманом,
Но без тебя изъеден я изъяном...
Явись моей судьбою, Муминат.

Тебя увижу – горе отступает,
И горний свет сердце занимает.
Хочу сказать, но на устах речь тает:
Будь верой мне, душою, Муминат.

Хочу твоими видеть мир глазами,
Чтоб овладеть собою и слезами.
Я сгораю весь. Проходят дни за днями,
Отмечены тоскою, Муминат.

Я твой невольник – жду я снисхожденья:
Избавь Яхью от горя и мученья.
Избегнет ли сей дикий мир крушенья
Под слез моих грозою, Муминат?!

МИРУ

Как ты похож на молнией сраженный
Высокий дуб, но не дотлевший, мир!
Как горб верблюда, весь ты искривленный,
Ты мост висячий, устаревший, мир.

Тебя насквозь изгрызли, облупили,
Тебя как падаль, грифы окружили,
Разделали, как тушу, растащили.
Куда идешь ты, опустевший мир?!

Ничтожен ты, как грош. И не осталось
Ни чести, ни достоинства – хоть малость.
Тобою не справедливость правит – шалость
Голов не здравых, одуревший мир.

Ты ястребами истерзан, окровавлен,
Бесчестными растоптан, обесславлен.
Опомнись, мир, зачем ты так раздавлен?!
Ты – как слепец, всю жизнь проглядевший, мир.

Яхья повсюду над тобой рыдает:
Кто сбережет, спасет тебя – не знает.
Дом проститутки мне напоминает
Твой жалкий вид, о одряхлевший мир.

АХ, ПОЧЕМУ ВСЕ ТАК?..

О странный мир, твои я тайны не постиг.
Где только ни ходил – к тебе я не привык.
Меж небом и землей – мой безответный крик.
Ах, почему все так бывает в бренном мире?
Душа моя дотла сгорела в тленном мире.

Аллах наш всемогущ, бессилен род людской.
Аллах наш милостив, людьми дух правит злой.
Один блаженствует, другой побит судьбой...
Ах, почему все так бывает в бренном мире.
Душа моя дотла сгорела в тленном мире.

От горя и невзгод, что рок мне ниспослал,
Свою я молодость и силы потерял.
Злодей не раз Яхью в ловушку завлекал...
Ах, почему все так бывает в бренном мире?
Душа моя дотла сгорела в тленном мире.

НЕ СВЕТА ЛИ КОНЕЦ?..

Вор ездит на коне, бедняк пешком идет,
Не света ли конец пришел, о, боже правый?!
Кто честью дорожит – того беда гнетет,
Не света ли конец пришел, о боже правый?!

Подавно не в цене правдивые слова.
Корыстолюбие – везде всему глава.
Зло – камень, а Добро – под камнем тем трава.
Не света ли конец пришел, о боже правый?!

Не верит брату брат, ведя жестокий спор,
Те, кто делил еду, рвут общий уговор.
И слезы льет Яхья – ну до каких же пор?
Не света ли конец пришел, о боже правый?!

ОДНОСЕЛЬЧАНАМ

Я весь опутан злыми языками
И оскорблен, унижен подлецами.
Большая пропасть пролегла меж нами.
Куда бежать от вас мне, земляки?!

Везде, на каждом сборище проклятом
Меня грызете словом вы предвзятым.
Но Бог воздаст с лихвой вам, виноватым.
Куда бежать от вас мне, земляки?!

Правдивость слов, произнесенных мною,
Назвали вы коварной сатаною.
Вы сердце мне сожгли со всей душою.
Куда бежать от вас мне, земляки?!

Для вас, болтливых, чад столпотворенья,
Не по душе всегда чужое мненье.
Свое для вас – как мудрое реченье.
Куда бежать от вас мне, земляки?!

До коих пор вы будете так лживы?
Рты на замок закрыть навек должны вы.
Ну а Яхью до срыва довели вы:
Куда бежать от вас мне, земляки?!

ДРУГУ

Коль спросишь, как идут дела в селенье,
Отвечу, друг мой, не скрывая мненье:
У нас настали дни столпотворенья.
Для сумасшедших пир горой в Легере.
Орлы в земле. Вороний бой в Легере.

Здесь посторонних любят, уважают,
Своих собратьев губят, унижают.
А старики умом оскудевают.
Всё сожжено. Лишь сухостой в Легере.
Орлы в земле. Вороний бой в Легере.

Бесчестных и неверных здесь гнездовье,
Людей хороших топят в сквернословье
Быть в стороне – беречь свое здоровье...
У трусов счастье под рукой в Легере.
Орлы в земле. Вороний бой в Легере.

Нет вовсе здесь речи о меслехате,
Добро и вера гибнут в джамаате.
Старейшин разум тоже на закате.
Спор петушиный день-деньской в Легере.
Орлы в земле. Вороний бой в Легере.

Яхья с тобой печалью поделился.
А было ведь, когда он в мир влюбился,
Будь рядом ты – я бы развеселился...
Лишь подлецы горды собой в Легере.
Орлы в земле. Вороний бой в Легере.

Перевод с лезгинского
Арбена КАРДАША

ОСНОВОПОЛОЖНИК КУМЫКСКОЙ ПРОЗЫ

Малик ГУСЕЙНОВ

Творческое наследие Нухая Батырмурзаева – одна из ярких страниц в истории литератур народов Дагестана.

Родился он в 1865 году в селении Аксай Хасавюртовского округа. Получил начальное образование в мектебах и медресе родного села. Будущий основоположник кумыкской прозы овладел арабским, турецким, русским языками, проявлял интерес к восточной классике, был хорошо знаком с русской литературой. Тяга юноши к знаниям была замечена односельчанами, в том числе и известным его земляком – поэтом, просветителем Магомед-Эфенди Османовым. Нухай вместе со своим ровесником Манаем Алибековым, также подававшим большие надежды, часто бывали в его доме, пользовались его богатой библиотекой, стали его учениками.

Автор первых кумыкских повестей был предприимчивым человеком. В возрасте 20-25 лет он открыл в Аксае небольшой магазин. Помимо занятий торговлей некоторое время был шорником. В поисках лучшего заработка менял профессии, осваивал новые ремесла. В более поздний период небезуспешно прирабатывал, будучи золотых и серебряных дел мастером. Его первое художественное произведение «Письмо Манаю» являет собой поэтическое послание своему другу Манаю Алибекову и датируется 1906 годом. Говоря о его биографии, следует сказать, что Нухай Батырмурзаев вырастил достойных сыновей: Зайналабид и Абдулазим продолжили дело отца. Зайналабид стал известным публицистом, редактором журнала «Тангчолпан», газеты «Ишчи халкъ», поэтом, общественным деятелем; Абдулазим – драматургом, его пьеса «Мюриды» была опубликована отдельной книгой в 1928 году, и ученым-языковедом, автором ряда учебников по кумыкской грамматике.

Вынужденный зарабатывать на жизнь различными ремеслами, Нухай Батырмурзаев активно участвовал в общественной жизни, выписывал много газет и журналов, издававшихся в различных городах Российской империи, активно сотрудничал с прессой своего времени.

В 1915 году вместе с сыном Зайналабидом он организовывает в Хасавюрте литературно-драматическое общество «Тангчолпан», а в 1917 году, начиная с 4-го номера, возглавляет в качестве главного редактора первый кумыкский и дагестанский журнал «Тангчолпан», издававшийся в Темир-Хан-Шуре, ныне – Буйнакске. Активно публикует свои статьи в газете «Мусават», редактором и издателем которой являлся М.-М. Мавраев.

Летом 1918 года, когда в Дагестане власть перешла в руки деникинцев, Н. Батырмурзаев оказался в оппозиции. Он всячески поддерживал своего сына Зайналабида, который, приняв сторону большевиков, создал кумыкско-чеченский партизанский отряд для свержения власти белогвардейцев. Судьба отца и сына завершилась трагически: почти одновременно осенью 1919 года они были расстреляны деникинцами.

Первыми крупными произведениями Н. Батырмурзаева, изданными в Дагестане, являются его повести «Бедная Хабийбат», «Давут и Лейла» и «Гарун и Зубайдат, или Несчастная Джанбийке», опубликованные в 1910, 1912, 1914 годах соответственно. В типографии Магомед-Мирзы Мавраева в Темир-Хан-Шуре увидели свет также «Джаншах» и «Синдбад-мореход», являющие собой переводы из восточной классики. В редактируемом им с осени 1917 года журнале «Тангчолпан» публиковались его статьи, например такие, как «Проблема языка», «Несколько слов литераторам», «Земледелие у нас». В газете «Мусават» печатались его статьи «Хотя и поздно, но будет полезно», «Нужно единство», «События, происходящие ныне», «Изо дня в день усложняется ситуация». В своей публицистике писатель откликался на актуальные в ту пору проблемы языковой ситуации, языка обучения в учебных заведениях, общественного устройства в Дагестане.

В последние годы дагестанскими учеными обнаружены и опубликованы произведения Нухая Батырмурзаева, долгое время остававшиеся неизвестными широкому кругу читателей. Гасаном Оразаевым выявлен и опубликован «Мавлет»,

принадлежащий писателю. Им же совместно с Б.Г. Бамматовым совершена публикация «Новое воспитание», также принадлежащая перу Н. Батырмурзаева. Если «Новое воспитание» представляет собой свод этических норм, правил поведения в быту, то «Мавлет» – это поэтическое произведение религиозного содержания, посвященное дню рождения пророка Мухаммеда и исполняемое речитативом группой мусульман в торжественных случаях.

Таким образом, творческое наследие Н. Батырмурзаева достаточно широко и многогранно.

При хронологическом рассмотрении наследия Н. Батырмурзаева можно обнаружить определенную эволюцию: от поэзии к прозе, от прозы к публицистике. Думается, такое развитие определяется, помимо прочего, идеями, которыми он руководствовался, его общественно-политическими взглядами. Основные мотивы его творчества наглядно высвечиваются в его повестях, они признаны первыми повестями в дагестанской литературе. Н. Батырмурзаев по праву определяется основоположником национальной художественной прозы.

Сам автор не определял свои произведения повестями. Такое жанровое обозначение они обрели позднее, в дагестанской критике и литературоведении. В своих повестях Н. Батырмурзаев поднимает актуальные проблемы своего времени – просвещения в первую очередь, прежде всего женского. Не менее значимым в повестях предстает и социальный аспект. Образованная женщина, считает Н. Батырмурзаев, создаст семью, в которой дети также получат должное воспитание и образование, а семья – гармоничная и образованная, являющаяся ячейкой общества – будет способствовать развитию нации.

Знание, просвещение, по мысли Н. Батырмурзаева, являют основу, без которой невозможно прогрессивное развитие народа. Неоднократно в повестях подчеркивается, что народ отсталый в экономическом плане от других народов, имеющих налаженное промышленное производство, использующих в трудовой деятельности технические средства, будет всегда находиться в зависимом от них положении, и даже может утратить национальную самоидентичность. Актуально звучат его призывы наращивать образовательный, научный, экономический потенциал.

Значительное внимание уделяется Н. Батырмурзаевым вопросам ислама, роли духовенства. Следует отметить, что нередко роль мусульманских ортодоксов оценивается им негативно. Указывается, например, на то, что в их деятельности не учитываются современные реалии, что неглубокое понимание сути ислама отдельными деятелями религии тормозит прогрессивное развитие родного народа. Суждения Н. Батырмурзаева о религии звучат свежо, актуально и сегодня, органично интерполируясь в нашу современность. «В наше время наши алимы, зная религию поверхностно, не понимают её философии. Конечно, религия, не осмысленная в ее философском плане, не даст должных плодов, которые она обязана давать», – утверждает Н. Батырмурзаев. Им обличается подмена веры ритуалами, излишняя фанатичность, обособление религии от повседневных проблем, светской жизни и т. д.

Следует отметить, что творческие концепты писателя вписываются в русло идеологии джадидизма. Поначалу джадидизм (от слова джадид – усул джадид – новый метод) со второй половины XIX века до 1905 года преследовал просветительские цели, обновления форм обучения в мектебах и медресе, отстаивал новометодное обучение, а с 1905 года и в последующие годы он стал превращаться в общественное движение, отстаивавшее конституционные права народов, ратовавшее за прогрессивное развитие мусульман России, за определенное раскрепощение от религиозных догм. Передовые идеи джадидизма нашли выражение в трудах идеологов течения Исмаилбея Гаспринского «Русское мусульманство», Гаатуллы Баязитова «Ислам и прогресс», «Ислам и наука». Подчеркну, что названные труды упомянуты и в повести «Давут и Лейла» Нухая Батырмурзаева, что в свете вышесказанного является совершенно не случайным.

Нухай Батырмурзаев, будучи прекрасно осведомлен в вопросах джадидизма, в передовых его идеях, выразил их в своих повестях, напомню, датируемых 1910–1914 годами. Прогрессивные тенденции общественной мысли, которым симпатизировал, он пропагандировал, развивал их на дагестанской почве. Отталкиваясь от вопросов новометодного обучения, женского просвещения, писатель в своих произведениях решает проблемы усиления роли женщин в обществе, в частности, активизации роли каждого индивида в судьбе народа вообще, пропагандирует прогресс в области науки и техники.

Наследие Н. Батырмурзаева, прежде всего его повести, думается, остается неоцененным в должной мере. Автор предстает не только основоположником национальной художественной прозы, но и выдающимся мыслителем, воззрения которого не утрачивают значимости и по сей день. Сегодня, когда возрождаются исламские ценности, концепции Н. Батырмурзаева, выраженные в начале минувшего века, выглядят убедительными и весьма привлекательными. Даже только один этот аспект его творчества может служить стимулом обращения к его наследию современных читателей и исследователей.

УЧИТЬСЯ ВОЕВАТЬ С СОБОЙ

МАГОМЕД-РАСУЛ

К выходу четырехтомника Э.Р. Мулдашева «В поисках Города Богов»

– Вы читали Мулдашева?

– Нет.

– Повезло вам!

– Шутите?

– Отнюдь. Ибо вам еще предстоит испытать нечто значительное. Не так часто возникает это таинство, необъяснимо притягательное.

В предисловии к книге Э.Р. Мулдашева «От кого мы произошли?» профессор Р.Т. Нигматулин пишет: «Эрнст Рифгатович Мулдашев – доктор медицинских наук, профессор, директор Всероссийского центра глазной и пластической хирургии (г. Уфа), хирург высшей категории, почетный консультант Луисвильского университета (США), международный член Американской академии офтальмологии, дипломированный офтальмолог Мексики, член Международной академии наук, мастер спорта по спортивному туризму, трехкратный чемпион СССР. Э.Р. Мулдашев – изобретатель хирургического биоматериала, «аллоплант», с помощью которого стало возможным лечить болезни, считающиеся «безнадежными»… ученым разработано более 70 принципиально новых глазных и пластических операций… им опубликовано около 300 научных работ в российской и зарубежной печати, получено 52 патента России, США, ФРГ, Франции, Швейцарии и Италии. Его работы удостоены золотых медалей международных выставок. С лекциями и показательными операциями он побывал в 40 странах мира. Он ежегодно проводит 300-400 сложнейших операций».

Я привел эту пространную цитату, чтобы читатель не усомнился в достоверности того, о чем хочу рассказать. Однако резонно задаться вопросом: какое отношение имею я, литератор, к известному офтальмологу?

Дело в том, что Мулдашев интересен для меня не только и не столько как выдающийся специалист, сколько как человек широкого диапазона интересов. Он издал четыре книги «В поисках Города Богов», посвященные гималайским и тибетским научным экспедициям, приведшим к сенсационным открытиям исторического и философского толка.

Не считаю себя столь компетентным, чтобы дать аргументированную оценку всему тому, что написал Мулдашев. Философский и исторический аспект поднятых им проблем выходит за пределы моих познаний. Хотел бы лишь задержать внимание читателей на вопросах, которые нашли отклик в моей душе. Это не отзыв, не рецензия, тем более, не исследование, а отдельные заметки на полях книг.

Мир Мулдашева – это особый мир вселенской души, в которой противоборствуют и добро и зло, честь и бесчестие, милосердие и жестокость, великодушие и месть – низменные и возвышенные качества человека. Книги его стали для меня чистилищем души. Они не могут оставить равнодушным человека, мало-мальски склонного к размышлениям над смыслом жизни, думающего о судьбах людей, об окружающем мире.

Прежде всего, выделил бы то, как Мулдашев трактует вопросы Совести и Чести.

«Что такое Совесть? – спрашивает автор и отвечает: – Я думаю, что Совесть есть мерило Добра в душе человека. Всем нам хорошо известно щемящее чувство в груди, возникающее тогда, когда обстоятельства ставят нас перед выбором – совершать или не совершать неблаговидный поступок? Человек, у которого Совесть чиста, воистину счастлив. У него открытый взгляд, он уверен в себе, приветлив и радушен, хотя, возможно, и не богат. Да что такое богатство? Как говорится, десять пиджаков на себя не наденешь и десять жизней не проживешь. Зато человек с чистой Совестью имеет большее богатство – душевный покой и близость к Богу».

Мулдашев не резонерствует, а анализирует состояние души, оказавшейся перед выбором, когда зло наряжается в добро, а добро теряет свою значимость, когда понятие чести трансформируется в ложное эгоистическое чувство. Человек, наблюдающий за тем, как происходит эта борьба, и сумевший разумно оценивать движения души, на подлость не способен. Правда, он не гарантирован от ошибок, но ошибки его не имеют болезненных последствий, ибо служат толчком к обновлению, становятся еще одной ступенью на пути к совершенствованию. Продвинутый, как ныне принято говорить, человек извлекает уроки из своих ошибок еще в большей степени, чем из чужих, что дает ему возможность раздвигать горизон-

ты своего сознания, выходить за пределы собственного понимания и самоощущения. Одним из ценных достоинств книг Мулдашева является то, что все постулаты его философских, морально-этических, житейских размышлений подкрепляются примерами из его личной и общественной жизни. Автор признается: «Я не уехал в Америку, когда меня вместе со всеми изобретениями покупали за много миллионов долларов, я не уехал из Уфы в Москву в угоду карьере и... так далее. Почему? Да Совесть бы замучила. Ведь все ребята... в самые трудные годы пошли со мной только из-за своей Совести».

Таков этот автор. Моя спокойная совесть, как говаривал Цицерон, важнее мне, чем все пересуды.

Но Мулдашев не занимается самолюбованием. Самые добрые и восторженные слова его адресованы коллегам и окружающим людям. Их моральные качества, гражданская позиция для него не менее важны, чем профессиональный уровень. Из более чем двух десятков коллег, работающих с ним рука об руку, ни один не остался без пронзительно точной характеристики своих человеческих и профессиональных качеств. Он в буквальном смысле любуется ими, пестует и лелеет их.

Неординарными, весьма поучительными представляются размышления автора о современной цивилизации, менталитете наших современников. Говоря о высоком уровне научно-технических достижений, ученый сетует, что морально-этические качества человека не только не развиваются прямо пропорционально этим достижениям, но порой и девальвируются. О самых сложных явлениях человеческой природы, неуловимых движениях мысли, неведомых тайнах подсознания Мулдашев говорит простым, доступным – как для высокого интеллектуала, так и для обывателя – языком, и с чувством неиссякаемого юмора и самоиронии, обычно присущим выдающимся людям.

Изречения его сродни афоризмам. Вот несколько из них: «Не бойтесь выглядеть дураком – это такая радость для других!». «Критерием дела можно назвать добрую дурь». «Человек – пока еще не звучит гордо, но...». «Ворчуны – люди, не нашедшие своего призвания». «Не думайте, что умный счастливей тупого!» – и т.д. и т.п.

Такой подход к осмыслению жизни и позволяет автору с честью выходить из самых драматических и запутанных ситуаций.

В четвертом томе книги читаем: «В средние века, когда по земле бродили тупые еретики и люди получали удовольствие от протыкания друг друга кинжалом, «поле тупости» было, наверное, несравненно более тупым, да еще и злым. А сейчас, во времена компьютеров и космических кораблей, когда даже Америка вынуждена придумывать всякие тупые доводы, типа существования у Ирака оружия массового поражения, для оправдания своего вторжения в эту страну, «поле тупости», так сказать, «поумнело». Большое количество людей, наверное, стало жить на более высоком (по уму!) иерархическом уровне, на котором стала жить пусть еще узкая прослойка людей, но уже начала жить, ощущая счастье, прежде всего, от умной Чистой Души других людей».

Как выдающийся офтальмолог, востребованный временем, и незаурядный путешественник-спортсмен, Мулдашев объездил почти весь мир. Круг его интересов настолько многогранен и широк, что диву даешься: какой бы области он ни касался – физики, кибернетики, древних цивилизаций, современных научно-технических достижений – он с дотошностью педантичного профессионала исследует проблему и приходит к совершенно неожиданным выводам, нередко граничащим с открытиями. Наблюдения его – это не описания журналиста, задавшегося целью дать читателю информацию к размышлению, а исследовательская работа аналитика-новатора, незаурядного ученого, большого художника слова. Приведу лишь одну выдержку из четвертого тома. «Есть две парадоксальные страны – Япония и США, – пишет автор. – Я был в обеих странах по много раз и многократно наблюдал, что японцы, в отличие от американцев, склонны постоянно подшучивать друг над другом, а американцы боятся делать это, все время думая о правах человека. У японца в самом нутре сидит желание подшутить над своим японским товарищем: например, как ему - маленькому и неказистому, да еще и с «узкоглазой улыбкой» – удается достойно провести переговоры с маститым и вальяжным американцем, в сравнении даже с ... животом которого он, японец, кажется просто карликом. Японцы все время «подначивают» друг друга и все время хохочут. У них, у японцев, никакая «японская дурь» не пройдет мимо, поскольку японцы смеются не столько над удачной шуткой, сколько над дурью, которая выплывает в процессе произнесения шутки... В Америке тоже смеются. Но смеются сдержанно, в основном про себя. Дурь здесь непозволительна... позором считается... дурь-то. Поэтому люди американского происхождения все время живут с постоянной опаской — как бы не допустить эту самую дурь?! А дурь так и прет из них, американцев-то». Автор вроде бы стоит в стороне от японца и американца, вроде бы они не имеют к нему прямого отношения. Однако читатель понимает: автор вобрал в себя все лучшее, что присуще и японцу и американцу, да еще имеет и ряд человеческих и мировоззренческих качеств, о которых он тактично умалчивает, но которые возвышают его над ними. Он всегда находит золотую середину и принимает соломоново решение. По менталитету он сугубо национален, периферийный человек, уфимец, но это не мешает ему быть достойным представителем европейцев. Очень точно эту человеческую суть определил Достоевский: «Чем более мы будем национальны, тем более мы будем европейцами (всечеловеческими)». Свою точку зрения на мир, явления природы, смысл жизни он выражает не только своим словом, но и через отношения к этим сложным вопросам своих коллег. Он как бы остается за кадром, но мы знаем: это говорит не только его коллега, но и он сам, ибо они единодушны в своих взглядах.

Слова, некогда сказанные Мулдашевым о своем учителе Николае Константиновиче Рерихе, в полной мере мы могли бы отнести и к нему самому: «Этот ученый обладал научной мудростью в том смысле, что ничего не утверждал с видом пророка, а оставлял простор для будущих исследований, подталкивая своей мыслью чужие мысли».

Книги Мулдашева требуют большой исследовательской работы специалистов разных областей. Но бесспорно одно: главный смысл их в том, что они учат людей побеждать себя. Сами собой вспоминаются слова Платона: «Победа над самим собой есть первая и наилучшая из побед. Быть же побежденным самим собой всего постыднее и хуже. Это и показывает, что в каждом из нас происходит война с самим собой».

Эрнст Рифгатович Мулдашев учит воевать с самим собой!

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВСЛУХ

Шигабудин АЛИХМАЕВ

* * *

Слушаю сладкое вранье нормального взрослого человека и не вижу в этом никакой пользы ему самому. По лицам окружающих вижу, что не верят. Интересно, замечает ли это он сам? Врал вот так без цели его отец, говорят, что врали и дед, и прадед. Неужели вранье заложено в генах?

* * *

Есть два способа уничтожить врагов. Первый: воевать с ними. Второй – превратить их в друзей. Второй, хотя и требует терпения, полезнее. Во-первых, безопаснее, во-вторых – уменьшается количество врагов, в-третьих – увеличивается количество друзей.

* * *

Крутятся колеса, мириады колес. И там, где их мало, жизнь бедна.

* * *

С весны до поздней осени сосна завидует пышной зелени березы. А зимой береза завидует ее вечнозеленому наряду.

* * *

Весна, кажется, медлит потому, что мы жаждем ее прихода. А осень спешит потому, что не хотим расставаться с ней.

* * *

Находясь на мосту и наблюдая за течением реки, через какое-то время в наших глазах вода останавливается, а мост с нами начинает лететь вверх по руслу. Удивительная иллюзия. В нее попала и Россия. Такой полет на неподвижном мосту у нее продолжался несколько десятилетий.

* * *

Подлец – явный середняк, но в чем-то опережающий толпу, становится ее кумиром. А потом толпа нещадно его ругает, выбираясь из трясины, в которую угодила во главе с ним.

* * *

Место человеку на земле достается легко, а его мнению – трудно.

* * *

Придумав на свою беду часы для измерения времени, человек, до этого живший спокойно, теперь волнуется и постоянно спешит.

* * *

Вкусный хинкал готовится из хорошей муки, лучшее вино получается из спелого винограда. Но определить, из какой женщины выйдет хорошая жена, сложно. Тут у каждого своя мерка.

* * *

От разбушевавшегося глупца жди дурости. От разгневанного мудреца жди справедливости. А от разгневанного бога бог знает чего ждать…

* * *

Жизнь без ругани – нереальна. И лучше, чтобы ругали вслух – ведь незаслуженный выговор всегда можно опровергнуть. Хуже, когда ругают мысленно – тут ты беззащитен.

* * *

Не беда, если любовь с небольшой горчинкой. Все равно это любовь, а не ненависть, хотя до нее, говорят, всего один шаг.

* * *

Мы доделываем дела предков. Наши дела будут доделывать наши наследники. Кое-что начатое до нас нам не подошло, кое-что наше, наверняка, подойдет наследникам. Но, дай бог, чтобы единство и целостность Дагестана сохранили будущие поколения.

* * *

Не делай правду «правдивее» при пересказе, не то будут сомневаться в ее правоте.

* * *

В принципе можно писать законы и для дураков, но тогда возникает проблема с парламентом: как разместить тех и других среди депутатов?

* * *

У каждой из трех сестер по куче детей. Они без различия целовали подряд всех. А четвертая бездетная сестра племяшей не целовала. Любила как будто, но не целовала, хотя на своего теленка эмоций не жалела. Дай бог, чтобы у всех были дети.

* * *

Каждое утро приходит к нам с улыбкой, и с улыбкой его встречает природа. А люди – нет: им некогда, они спешат на работу. А кто не спешит, тот еще спит.

* * *

Любовь похожа на цветок, чей срок жизни зависит от цветовода. У ленивого цветы живут недолго, а у трудолюбивого даже срезанные они храниться, как живые. Трудолюбие – мать любви. В семье, где трудолюбие во главе угла, любовь – долгожительница.

* * *

Сперва мы друг другу нравимся такими, какие есть, затем влюбляемся, потом сходимся в семьи. А там, непонятно зачем, начинаем переделывать друг друга. Так мы же станем другими: я буду не я, ты будешь не ты. И тогда от нашей любви останутся рожки да ножки.

* * *

Лет пятнадцать назад Родина измерялась пятнадцатью параметрами, а теперь – одним. Оказывается, не только кожа бывает шагреневой, но и Родина.

* * *

Сочетание справедливостей и несправедливостей с постоянным преобладанием справедливостей и есть эволюция. Увеличение же в жизни несправедливостей приводит к революции.

* * *

Взамен сбереженной смолоду и утерянной в старости чести дубликат не выдается.

* * *

Давай критиковать электриков, говорит левый провод правому, пока по тебе ток идет, я пустую, а когда я занят, ты пустуешь. Нет, отвечает правый провод, мы получаем пособие по безработице, а при полной занятости потеряем его.

* * *

В послевоенные годы в моем селе мечтали о хлебе. Когда мечта эта воплотилась, стали говорить о молоке и мясе. Когда же и эти продукты стали доступны, главным желанием стало электричество. Пришло оно, и теперь его место в ожидании занимает газопровод. Интересно, чего станут желать, как главного, через сто лет?

* * *

Один верхом, другой пешком – прибыли гости. Первого поселили в верхнем этаже на перинах, шашлыком да лучшим вином потчевали. Другого оставили в нижнем этаже, на соломенном матраце, и кукурузной кашей без масла накормили. Потом выяснилось, что один прибыл коня продавать – детей нечем стало кормить. А другой зажил богато и пришел покупать коня. После этого перестали различать гостей.

* * *

Наши республиканские кодексы, хотя напечатаны и подписаны, кем следует – не чета сельским неписаным. Сельские редко кто нарушает, а вот республиканские переступают даже те, кем подписаны.

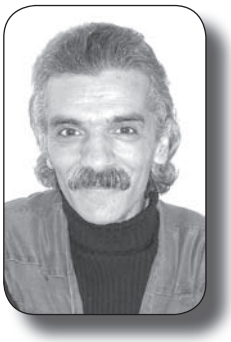
* * *

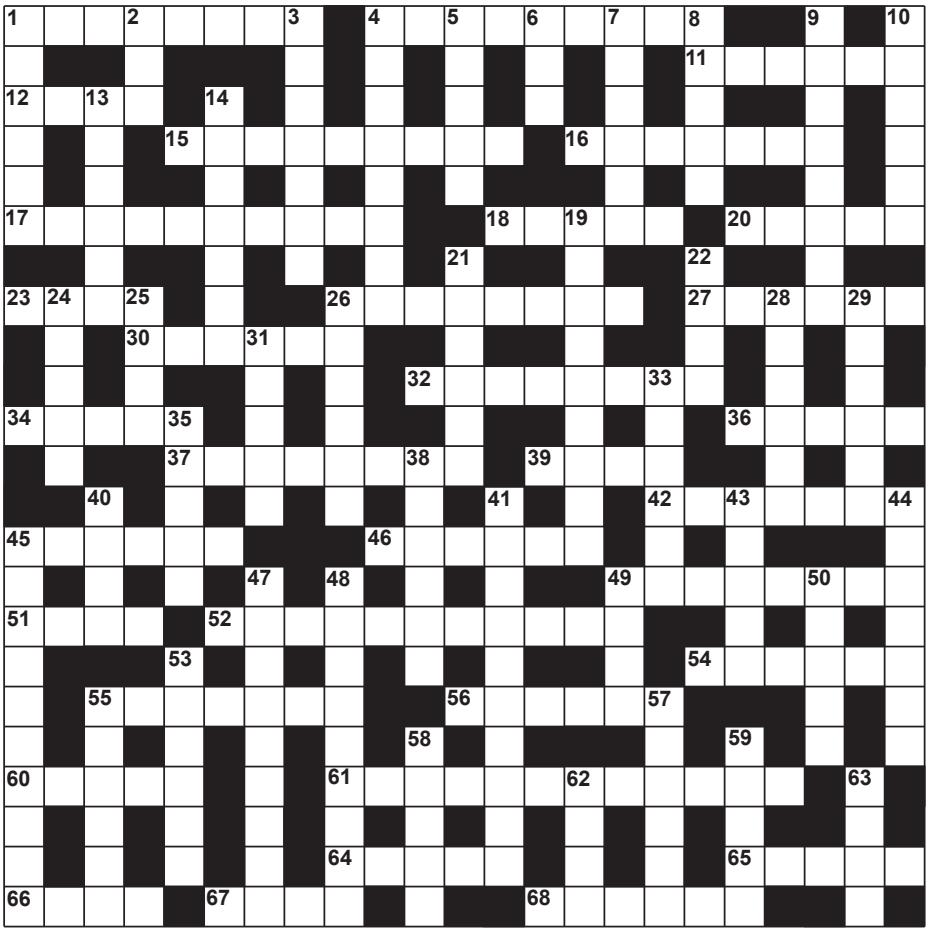
Есть в Шамильском районе по соседству села Уриб и Гоор. Однажды урибец по делу прибыл в Гоор. Захотелось ему хинкала с курдюком и с доброй бузой. Но у его гоорского кунака дом беден. Тогда он решил пойти в качестве свата от урибского богача к гоорскому богачу, имеющему дочерей на выданье. Пообещав через месяц приехать за ответом, урибец уезжает. Гоорский богач собирает родню и сообщает новость. Но тут выясняется, что у урибского богача только дочери и нет сына. Так крепко шутили и шутят жители этих сел, но зла друг на друга не держат.

сел. Гоор-Хиндах,
Шамильский район

КРОССВОРД

от Гаджи-Курбана Расулова





ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Один из бывших первыхсекретарейДагестанского обкома КПСС. 4. Самая высокая гора в Дагестане. 11. Представитель одной из дагестанских национальностей. 12. Автор картины «Штурм аула Ахульго». 15. Место, где профессионально полощут чужое грязное белье. 16. Порядок букв, принятый в азбуке. 17. Дагестанский писатель, киносценарист и переводчик. 18. Легкое покрывало мусульманки. 20. Почетное звание у тюрков, дававшееся за воинские подвиги. 23. Овечья шерсть. 26. Человек, смотрящий на мир сквозь розовые очки. 27. Молитвенная ниша в стене мечети. 30. Близкий родственник быка. 32. Среднее учебное заведение. 34. Соленая и провяленная хребтовая часть красной рыбы. 36. Принадлежности для упряжи. 37. Даргинский писатель, переводчик. 39. Судно, прославившее Гвоздева. 42. Почетная благодарность за заслуги. 45. Название этого блюда произошло от тюркского слова «вертел». 46. Мусульманский черт, дьявол. 49. Грузинская флейта. 51. Южный вечнозеленый кустарник или дерево с белыми душистыми цветками. 52. Заготовка корма для скота. 54. Высокая меховая шапка. 55. Человек, удостоенный особой премии за выдающиеся заслуги. 56. Предмет посуды для подачи еды на стол. 60. Титул главы государства у древних тюрков. 61. Круг назначаемых должностных лиц. 64. Духовный наставник у евреев-хасидов. 65. Наставление потомкам. 66. Предок современных осетин. 67. Душистая многолетняя трава. 68. Коллектив артистов театра.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Нищенствующий мусульманский монах. 2. Угнетающая порабощающая сила. 3. Харамный для мусульманина мясной деликатес. 4. Специалист по разведению арбузов, дыни, тыквы. 5. Религиозный «очистительный» налог с мусульман, установленный Кораном. 6. Чтобы попасть в него, надо пройти через мост Сират. 7. Мастер, изготавливающий изделия из драгоценных камней и металлов. 8. Товарищ. 9. Пропагандист. 10. Пехотинец в султанской Турции. 13. Скопление сыпучего песка. 14. Отсутствующий в Дагестане вид общественного транспорта. 19. Восточный сервированный стол с угощением. 21. Автор книги «Поэт». 22. Пресмыкающееся, сыгравшее решающую роль в грехопадении человека. 24. Знаменитый исследователь дагестанских языков. 25. Авары, не имеющие никакого отношения к аварцам. 26. Титул монгольских ханов из династии Хулагуидов. 28. Герой дагестанского эпоса и сказания Р. Гамзатова. 29. Бессмыслица, нелепость. 31. Дагестанское имя, в переводе с арабского означающее «дарящий». 33. Жительница одной из стран Ближнего Востока. 35. Выкуп за невесту. 38. Ректор Даггосуниверситета. 40. Натуральный десятинный налог с мусульман. 41. Он всегда и во всем виноват. 43. Раздел книги. 44. Грузинский аналог Прометея. 45. Поселок городского типа в Дагестане. 47. Вид союзного государства. 48. Караван-сарай. 49. Населенный пункт. 50. Везение, фортуна. 53. Последователь одного из направлений в исламе. 55. Преимущественное право, представляемое как исключение из общих правил. 57. Наместник правителя в Древней Персии. 58. Целенаправленно формируемый образ. 59. Бурное ненастье с дождем, громом и молнией. 62. Единица объема емкости. 63. Нарушение религиозных предписаний, правил.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1 (22), 2006 г.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Черновик. 5. Исинбаева. 9. Эхо. 13. Иноверец. 14. Градоначальник. 15. Алиханов. 17. Знамение. 18. Жокей. 20. Гяур. 21. Тарикат. 22. Улус. 23. Епанча. 25. Миля. 27. Стекло. 29. Волнорез. 33. Унты. 35. Хиджра. 36. Кремневка. 38. Воронцов. 39. Аграф. 40. Фатализм. 43. Адажио. 45. Халтура. 47. Долгожитель. 48. Саперави. 51. Абиссинка. 52. Азат. 53. Мтавари. 54. Кувшин. 55. Ахульго.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Чергизбиев. 2. Рамазан. 3. Односельчанин. 4. Искариот. 6. Сельджук. 7. Али. 8. Ахвах. 9. Экраноплан. 10. Овцеводство. 11. Улан. 12. Дискотека. 15. Айгумов. 16. Изумление. 19. Юрт. 24. Абонент. 26. Правозащитник. 28. Татарка. 30. Зуав. 31. Джигитовка. 32. Скафандр. 34. Национализм. 37. Офсайд. 41. Лимонка. 42. Патриарх. 44. Делибаш. 46. Алатау. 48. Ясин. 50. Чанг.

Сцены из представления "Солнечный диск", которое с большим успехом прошло в Москве. Это этап в развитии дагестанского искусства (читайте об этом в следующем номере)

Наконец, весна!

Фото К. Чутуева